А. Н. Бѣжецкій

Невѣдомое...

Фантастическіе разсказы

Изданіе второе

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1914

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13

СОДЕРЖАНІЕ.

Разсказы.

Сказки и легенды.

ЛАВКА НЕВИДИМОКЪ.

Вмѣсто вступленія.

Волховской торопливо пообѣдалъ въ ресторанѣ, какъ бы стараясь скорѣе исполнить этотъ обычай благовоспитанныхъ людей — ѣсть каждый день въ опредѣленные часы, хотя и безъ всякаго апетита. Затѣмъ онъ спросилъ себѣ кофе и коньяку и, закуривъ папиросу, предался своимъ мечтамъ. Онъ сидѣлъ одинъ за маленькимъ столикомъ, пилъ машинально маленькими глотками кофе, а тѣмъ временемъ въ головѣ лѣниво, точно въ дремотѣ, тянулись обрывки образовъ и мыслей то яркихъ, то тусклыхъ и расплывчатыхъ, какъ дымъ отъ его папиросы. Эти мысли то возвращали его въ прошлое, то вдругъ мчались впередъ, въ будущее, и тамъ и здѣсь сплетались въ событія, которыя могли, но никогда не случались въ его жизни.

Однако нельзя сидѣть болѣе извѣстнаго времени за рестораннымъ столомъ. Надо было уходить. Онъ расплатился, надѣлъ пальто и направился къ выходу... Куда идти?... До ночи еще далеко. Въ театръ, или въ общество не тянуло. Попозже онъ обѣщался зайти

къ одному пріятелю, жившему по близости отъ него; но до этого оставалось еще довольно времени и, несмотря на скверную погоду, онъ рѣшилъ пройтись пѣшкомъ.

На улицѣ таяло, и въ клубахъ сырого тумана люди и экипажи казались черными тѣнями, слабо освѣщаемыми огнями уличныхъ фонарей.

Шлепая калошами по мокрому тротуару и останавливаясь передъ нѣкоторыми витринами съ рождественскими подарками и замысловатыми игрушками, онъ добрался до Пассажа, который былъ еще освѣщенъ. Когда-то въ верхней галлереѣ здѣсь помѣщался паноптикумъ, и Волховской пожалѣлъ, что его уже нѣтъ. Бываютъ минуты, когда эти галлереи съ безмолвными восковыми фигурами, панорамами и странными коллекціями если и не успокаиваютъ, то разсѣиваютъ. Здѣсь и публика какая-то особенная, среди которой вы никогда не встрѣтите знакомаго; и всѣ почему-то молчатъ или говорятъ тихимъ голосомъ, хотя никто имъ не запрещаетъ говорить громче. Таково странное вліяніе этихъ восковыхъ лицъ съ застывшимъ выраженіемъ чувства и ихъ стеклянныхъ глазъ, устремленныхъ въ одну точку...

Войдя въ Пассажъ, Волховской по разсѣянности поднялся по одной изъ боковыхъ лѣстницъ и только здѣсь, замѣтивъ свою ошибку, ускорилъ шагъ мимо ряда закрытыхъ дверей, думая какъ-нибудь пробраться на противоположную сторону и тамъ выйти на улицу.

Онъ уже довольно долго шелъ, какъ вдругъ сбоку открылась одна изъ дверей и на него упала полоса свѣта. Дверь была очень узкая. Изъ-за нея высунулась голова маленькой сѣдой старухи съ блѣдно-жел-

тымъ лицомъ, которая уставила въ него свои сѣрые глаза и сказала:

— Войдите! А то мы уже закрываемъ...

Волховской почему-то заволновался...

— А у васъ что?—спросилъ онъ.

— Разныя рѣдкости... Небывалыя рѣдкости... Зайдите же!

Онъ вошелъ въ небольшую комнату. Старуха стояла уже за прилавкомъ.

— Отчеге же у васъ нѣтъ никакой вывѣски?

— Намъ не надо... Кто пожелаетъ, тотъ придетъ и безъ вывѣски...

— Можетъ быть вы печатаете въ объявленіяхъ?

— Нѣтъ, не печатаемъ... Мы продаемъ безъ объявленій... Кого судьба приведетъ, тому и продаемъ... Да вы присядьте, пожалуйста, и курите, не стѣсняясь...

Онъ сѣлъ на единственный стулъ около прилавка и закурилъ...

— Какъ вы желаете: просто посмотрѣть что-нибудь или у васъ есть какая-нибудь опредѣленная цѣль?

— Да у васъ совершенно пусто... Я ничего не вижу...

Дѣйствительно, кромѣ прилавка, конторки, узкаго и уходившаго въ потолокъ зеркала и стула, на которомъ онъ сидѣлъ, ничего не было въ этой безцвѣтной комнатѣ; ни шкаповъ, ни ящиковъ, ни полокъ. Песочные часы, единственной предметъ, стоявшій на конторкѣ, какъ будто усугубляли пустоту этого страннаго магазина.

Старуха улыбнулась до ушей, показавъ блѣдныя, безкровныя десны...

— Это вамъ только такъ кажется... Наши предметы нельзя держать на столахъ и выставлять за окнами... Но ихъ всегда легко достать...

Старуха вытянула впередъ свой острый подбородокъ и оперлась длинными пальцами обѣихъ рукъ о прилавокъ.

— Многое у насъ уже распродано, но я все же могу вамъ кое-что показать... Начну съ пустяковъ... Ихъ многіе спрашиваютъ...

И она зашла за конторку, откуда видны были только сѣдые волосы и сѣрые глаза.

— Вотъ, напримѣръ, -и, протянувъ руку, сложенную горстью, она сдѣлала видъ, что что-то кладетъ на прилавокъ...—вотъ, напримѣръ, образчики разныхъ элексировъ: элексиръ любви, элексиръ красоты и другіе. Это очень ходкій товаръ... А вотъ это вотъ,— продолжала старуха, какъ будто разглядывая что-то на свѣтѣ между большимъ и указательнымъ пальцами,—экстракты ненависти въ маленькихъ шарикахъ, величиною въ маковое зерно. Отъ одного такого шарика ненавистная вамъ особа умираетъ и врачи будутъ говорить, что паціентъ умеръ отъ вполнѣ естественныхъ, но неизвѣстныхъ причинъ... А вотъ съ помощью этой трубочки можно улавливать всѣ движенія души, ея радости и печали... Это отличное средство отъ зависти!.. Стоитъ только прислушаться къ душѣ человѣка, которому вы завидуете, и вдругъ окажется, что душа его страшно больна и несчастна... Неправда ли, интересная трубочка?

Вѣроятно, образчики элексировъ и трубочка были очень маленькіе, потому что Волховской ничего не видѣлъ, кромѣ длинныхъ пальцевъ старухи.

— Покажите мнѣ что-нибудь покрупнѣе,—сказалъ онъ.

— То есть вы хотите сказать, что-нибудь поинтереснѣе? Съ удовольствіемъ. Что, напримѣръ, вы скажете объ этомъ покрывалѣ? Если вы его на себя набросите, то васъ не будетъ видно... Вотъ взгляните, я набросила на васъ покрывало и вы исчезли... Представьте, даже я васъ теперь не вижу... И никто васъ не увидитъ... Подумайте, какъ это удобно!.. Но, съ помощью вотъ этихъ очковъ,—она вынула что-то невидимое изъ кармана и надѣла себѣ на носъ,—съ помощью этихъ очковъ я уже имѣю возможность васъ разглядѣть... Теперь я васъ вижу и снимаю съ васъ покрывало, чтобы вы не вздумали уйти съ нимъ отъ меня... Оно очень цѣнное!.. Вообразите, что такого покрывала, какъ это, вы нигдѣ не найдете, ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ, ни въ Берлинѣ, нигдѣ, нигдѣ... Старый арабъ, который мнѣ его доставилъ, увѣряетъ, что это работа феи миражей... А одинъ нѣмецкій поэтъ, напротивъ, увѣрялъ, что его соткали изъ лунныхъ лучей какіе-то особенные паучки... Оно удивительно легко!.. Никакого вѣса... Попробуйте!

Волховской нерѣшительно протянулъ впередъ руки и, сдѣлавъ видъ, что что-то взвѣшиваетъ, сказалъ:

— Вѣроятно, я или близорукъ, или здѣсь недостаточно свѣтло, но я долженъ признаться, что я не совсѣмъ хорошо разглядѣлъ то, что вы мнѣ показывали...

Старуха опять улыбнулась...

— Очень жаль, что вы не разглядѣли... А у меня много еще найдется такого, отъ чего голова можетъ пойти кругомъ... Напримѣръ, магическіе очки... Они

изъ тончайшаго и очень упругаго стекла и въ такой же тонкой оправѣ... Разбить ихъ очень трудно, но если разобьешь, то поправить уже нельзя... Ихъ дѣлали гномы въ глубокихъ горныхъ пещерахъ... А кромѣ того, у насъ правило: человѣкъ можетъ прiобрѣсти себѣ пару такихъ очковъ только одинъ разъ въ жизни, а починку мы на себя не принимаемъ... Мы продаемъ ихъ почти исключительно молодымъ людямъ...

— Какiя же это очки?

— Они двухъ сортовъ: одни вотъ такiе, розовые; а другiе—вотъ такiе, черные... Если смотрѣть черезъ розовые, то все кажется хорошо; вездѣ радость, улыбка и блескъ, и въ настоящемъ и въ будущемъ, хотя будущее-то, вы знаете, никому неизвѣстно. Но кто надѣнетъ черныя очки, тотъ, понятно, и видитъ все въ черномъ цвѣтѣ, какъ бы другимъ ни было весело... Ему будущее уже не представляется заманчивымъ... Эти очки мы держимъ нѣсколько нумеровъ и на того, кто купитъ послѣднiй нумеръ, иначе и не смотримъ, какъ на человѣка, у котораго душа совершенно ослѣпла!.. Вы только полюбуйтесь, какая тонкая работа!

И старуха очень осторожно протянула впередъ свои руки ладонями вверхъ, но на этихъ ладоняхъ рѣшительно ничего не было...

— Каковъ товаръ?

— Да, товаръ, дѣйствительно, удивительный,— отвѣтилъ Волховской, безнадежно глядя на ея пустыя ладони.

— У меня есть еще одна рѣдкость, которая вамъ очень понравится... Вы объ этомъ читали въ сказкахъ, но, вѣроятно, думали, что этого не существуетъ...

И она сдѣлала видъ, что снимаетъ что-то съ пальца...

— Вотъ видите: на видъ это самое простое кольцо; но это только такъ кажется... Стоитъ его повернуть на пальцѣ, и вы сейчасъ же перенесетесь куда вамъ угодно... Но только свойство его такое: вы будете все видѣть и слышать тамъ, куда прилетите, но васъ никто не увидитъ и не услышитъ...

— Если это такъ, то я не вижу толка въ этомъ изобрѣтеніи...

— Да; но когда вы вернетесь обратно, въ обычную обстановку, васъ опять будутъ видѣть и слышать, и вы можетъ разсказывать о вашихъ приключеніяхъ...

— Все равно мнѣ никто не повѣритъ... Какой же прокъ тогда въ вашемъ кольцѣ?

— Вотъ видите, вы уже начинаете волноваться!.. Между тѣмъ я далеко еще не все показала, что у насъ есть... Вы, напримѣръ, не повѣрите, что у насъ въ погребѣ сохранилось еще нѣсколько бутылокъ мертвой и живой воды, о которыхъ тоже упоминается только въ старыхъ сказкахъ... Впрочемъ, эти воды не для васъ: онѣ очень сильны и годятся только для убитыхъ героевъ. Но у насъ есть еще другая вода, освѣжающая и очень пріятная... Мы ее держимъ въ особыхъ кувшинахъ, запечатанныхъ печатью Аполлона. Это вода изъ Кастальскаго источника, знаете, того, что протекаетъ у подножія Парнасса и который называютъ также источникомъ вдохновенія?... По преданію, эти кувшины наполняли сами музы... Не хотите ли испробовать?

— Я думаю, что не стоитъ вамъ безпокоиться,— шутливо отвѣчалъ Волховской. — Я столько выпилъ

воды за свою жизнь, что, вѣроятно, пробовалъ и вашу...

— Если пробовали не у насъ, то это поддѣлка... Наша вода играетъ, сверкаетъ и переливается всѣми цвѣтами... Человѣкъ, ея отвѣдавшій, какъ будто молодѣетъ и становится сильнѣе... Ему то холодно, то жарко; то безысходно грустно, то безумно весело... Но это опьяненіе скоро проходитъ... Если вы его испытали, то не могли забыть... Да позвольте, кажется, я васъ уже видѣла?.. Вы когда-то къ намъ заходили... Но вы были тогда моложе и бодрѣе, а я была все такая же старая, какъ и теперь... Вы и тогда были очень разборчивы и капризны... Не можете ли припомнить, что я вамъ тогда продала?

— Не помню, чтобы я у васъ былъ когда-нибудь...

Старуха опять улыбнулась.

— Такъ ли это? А вотъ я такъ почти увѣрена, что вы сюда заходили и только не хотите признаться, потому что, вѣроятно, не уплатили за отпущенный товаръ... Впрочемъ вамъ тревожиться нечего: теперь всѣ сроки уже прошли... Такъ на чемъ же вы остановились?.. Возьмите хоть что-нибудь,—продолжала старуха уже монотоннымъ голосомъ торговки:—у меня есть омега-лучи для людей, занимающихся наукой; маски для старухъ, которыя ихъ заставляютъ воображать, что онѣ помолодѣли; есть гадальныя карты, которыя сами раскладываются, когда вы ихъ стасуете и положите на столъ... Кости для игроковъ, которыя всегда выбрасываютъ старшій нумеръ, и тому подобныя глупости... А то не хотите ли...

— Постойте! Мало ли чего я хочу; но прежде, чѣмъ торговаться, надо видѣть, что покупаешь... А я

ровно ничего не вижу!.. Вы все время разводите по воздуху пустыми руками и называете мнѣ предметы, которыхъ у васъ нѣтъ... Я вижу васъ и совершенно пустую комнату и больше ничего...

— Неужели ничего?

— Рѣшительно ничего!

— Очень жаль, что вы ничего не видите...—при этомъ старуха взглянула на песочные часы.

— А вѣдь лавку-то пора закрывать!.. Посмотрите: наверху осталось всего нѣсколько песчинокъ для будущаго; весь песокъ уже въ прошломъ... Надѣюсь, что вы это-то хоть видите?.. Итакъ, вы рѣшительно ничего не хотите?

— Ну, если вы такъ упорно настаиваете, — сказалъ Волховской,—то я готовъ взять у васъ что-нибудь... Напримѣръ, нѣтъ ли у васъ чего-нибудь отъ безсонницы?

— Гмм... Это, конечно, не наша спеціальность... Но думаю, что найду что-нибудь подходящее... Да, вотъ, такъ какъ вы болѣе тонкіе предметы не видите, я вамъ могу прислать эти часы... Вы не безпокойтесь!.. Мы сами разсылаемъ нашъ товаръ... Сегодня же ночью они будутъ въ вашемъ домѣ, если хотите... А теперь извините: пора закрывать...

Въ комнатѣ потемнѣло и стѣны точно затянуло туманомъ... Волховской тяжело поднялся со своего стула и повернулся въ сторону двери, но ея тамъ не было...

— Вотъ видите, вы даже забыли, откуда пришли,—сказала старуха, но ее уже было плохо видно за конторкой.

— А куда же идти?

— Вотъ сюда...

Въ боковой стѣнѣ открылся проходъ, а зеркало блеснуло гдѣ-то въ глубинѣ. Онъ пошелъ по его направленію...

— Теперь направо; потомъ налѣво!

Онъ шелъ, подчиняясь голосу старухи, который по мѣрѣ удаленія ослабѣвалъ. Впереди его все время мелькалъ отблескъ зеркала...

— Вотъ такъ; теперь все прямо!..

Голосъ уже звучалъ издалека...

Онъ очутился на улицѣ. Попрежнему передвигались взадъ и впередъ темныя фигуры прохожихъ и свѣтъ фонарей тускло отражался сквозь туманъ на мокрой поверхности тротуаровъ... Магазины закрывались и становилось темно.

1911 г.

ЛИШНЯЯ КОМНАТА.

Въ аукціонномъ залѣ продавались интересныя вещи, оставшіяся послѣ смерти одного колекціонера. Среди этихъ вещей Нерехтинъ намѣтилъ себѣ старинные каминные часы съ боемъ. По конструкціи они напоминали старые англійскіе часы, но были не продолговатые, а квадратные. Корпусъ часовъ былъ сдѣланъ изъ какого-то темно-малиноваго дерева, издававшаго особый пряный запахъ. Сверху была привинчена небольшая сова изъ зеленой бронзы, а въ углахъ передней доски, вмѣсто обычныхъ орнаментовъ, были вставлены магическія бронзовыя фигуры; на маленькомъ кругѣ, надъ циферблатомъ, были начертаны астрологическіе знаки съ мелкими надписями на какомъ-то восточномъ языкѣ надъ каждымъ и покрыты эмалью разныхъ цвѣтовъ; наконецъ, самые часы на циферблатѣ означены были двѣнадцатью знаками Зодіака. Механизмъ былъ въ порядкѣ и когда часы начинали звонить, то звуки какъ-будто догоняли другъ друга и сливались вмѣстѣ въ одну протяжную и странную мелодію. Впрочемъ, эта мелодія, какъ сказано было въ каталогѣ, исполнялась не каждый часъ, а только въ три, пять, семь и двѣ-

надцать часовъ, что и указывалось, кромѣ того, бронзовыми звѣздочками надъ знаками «Близнецовъ», «Льва», «Вѣсовъ» и «Рыбъ»; остальные часы дня и ночи отбивались простыми ударами... Вообще музыка соотвѣтствовала архитектурѣ часовъ...

Знакомая дама, сѣвшая случайно рядомъ съ Нерехтинымъ, пыталась его отговорить отъ покупки. «Не понимаю, что вамъ за охота покупать эти часы? Я бы швырнула ихъ въ голову тому, кто бы вздумалъ мнѣ поднести эту гадость! И на что они вамъ? Они некрасивы и слишкомъ громко звонятъ... Кромѣ того у васъ маленькая квартира и вамъ негдѣ ихъ даже поставить... А главное—они такъ странно пахнутъ... Это вѣрная головная боль, повѣрьте мнѣ!..»

Тѣмъ не менѣе Нерехтинъ не отказался отъ своего намѣренія.

Въ тотъ день, когда часы были назначены къ продажѣ, охотниковъ до нихъ оказалось не особенно много.

Конкуренты надбавляли слабо и скоро отстали. Приставъ уже поднялъ молотокъ, чтобы ударить третій разъ, и часы должны были остаться за Нерехтинымъ, какъ вдругъ кто-то за его спиной неожиданно надбавилъ сразу двадцать рублей... Нерехтинъ невольно обернулся и увидалъ стараго, худого еврея въ черномъ потертомъ сюртукѣ; его безкровное лицо со всклокоченной рыжей бородой изобличало большое волненіе; острые синіе глаза безпокойно перебѣгали съ часовъ на пристава и обратно, а пальцы правой руки безотчетно забарабанили по спинкѣ стула. Видя, что дѣло принимаетъ неудачный оборотъ и что цѣну теперь, вѣроятно, начнутъ взвинчивать, Нерехтинъ съ досадой вскочилъ и направился къ выходу.

Онъ уже былъ на полдорогѣ, какъ до него донеслись слова пристава: «Второй разъ—триста пятьдесятъ два рубля семьдесятъ копѣекъ... Никто не желаетъ?» Нерехтинъ обернулся... Приставъ взглянулъ ему въ глаза и, поднимая молотокъ, началъ: «Третій разъ...» «Не уступай!» — шепнулъ какой-то внутренній голосъ... «Вѣдь такихъ странныхъ часовъ я нигдѣ не видѣлъ», — промелькнуло въ его головѣ, и онъ неожиданно для самого себя крикнулъ: «Пятьдесятъ рублей!» Старый еврей взглянулъ на него съ испугомъ и злобой, хотѣлъ что-то сказать, закашлялся и, побѣжавъ въ глубину зала, сталъ о чемъ-то поспѣшно переговариваться съ какой-то женщиной... Тѣмъ временемъ молотокъ ударилъ третій разъ, и Еврей не успѣлъ вернуться, какъ часы остались за Нерехтинымъ.

Такимъ образомъ ожидаемой борьбы не произошло, и желаемая вещь досталась ему сравнительно легко. Онъ даже испыталъ нѣкоторое разочарованіе и когда, расплатившись, подошелъ къ часамъ, то они показались ему какими-то неуклюжими, вообще менѣе интересными, чѣмъ съ перваго раза. Поручивъ артельщику доставить ихъ ему на домъ въ тотъ же день, онъ вышелъ изъ аукціоннаго зала... Онъ уже надѣвалъ пальто, когда къ нему подскочилъ его соперникъ еврей и, съ бумажникомъ въ рукахъ, сталъ настойчиво упрашивать.

— Господинъ, уступите намъ часы!.. На что они вамъ? Это совсѣмъ старые, ненужные вамъ часы...

— Такъ зачѣмъ же вы просите вамъ ихъ уступить?..

Не отвѣчая на вопросъ, Еврей продолжалъ:

— Они вамъ совсѣмъ не нужны... Вамъ же говорила ваша знакомая, что они некрасивы и слишкомъ звонко звонятъ... Я самъ слышалъ, извините, какъ она говорила, что у васъ квартира маленькая и поставить вамъ ихъ некуда... Для этихъ часовъ нужна лишняя комната, да и какая комната!

Нерехтинъ прервалъ его рѣзкимъ отказомъ.

— Ну, хорошо,—сказалъ еврей, глубоко вздохнувъ,—вамъ теперь хочется ихъ подержать... Ну, чтожъ, подержите; но если раздумаете, то очень прошу васъ уступить намъ; мы цѣну дадимъ, хорошую цѣну... Я три дня буду здѣсь на аукціонѣ... Когда передумаете, приходите сюда...

Нерехтинъ все-таки не уступилъ и ушелъ.

Цѣлый день онъ провелъ внѣ дома и вернулся къ себѣ уже незадолго до полуночи.

Часы стояли на столѣ въ передней. Лакей ему доложилъ, что ихъ принесъ артельщикъ, что пока они поставлены здѣсь и что, по мнѣнію артельщика, слѣдовало бы купить для нихъ и особый кронштейнъ.

Часы тикали, и бронзовая сова недружелюбно смотрѣла своими большими глазами.

— А кто ихъ завелъ?—спросилъ Нерехтинъ.

Лакей отвѣчалъ, что вмѣстѣ съ артельщикомъ приходилъ какой-то еврей и, объяснивъ, что онъ часовщикъ изъ аукціона и что баринъ его знаетъ, въ его присутствіи завелъ часы и тотчасъ же удалился. Сдѣлавъ рѣзкій выговоръ лакею за то, что онъ пустилъ въ домъ посторонняго, Нерехтинъ опять сталъ разсматривать свою покупку, и чѣмъ болѣе смотрѣлъ, тѣмъ болѣе она становилась ему антипатичной. Странный пряный запахъ дерева ему былъ противенъ, а

кромѣ того часы показались ему слишкомъ большими, сравнительно съ тѣмъ, какъ они представлялись ему на аукціонѣ, хотя не было сомнѣнія, что это были тѣ самые часы; ему припомнились слова стараго Еврея: «для этихъ часовъ нужна лишняя комната»...

«Ну, ничего; завтра разберемся, что съ ними сдѣлать», — рѣшилъ Нерехтинъ и перешелъ въ кабинетъ, гдѣ лакей подалъ ему чай... Прошло немного времени, и вдругъ въ передней раздалось что-то въ родѣ короткаго жужжанія, а затѣмъ зазвенѣла странная музыка колокольчиковъ, совершенно не похожая на тѣ обычныя старыя мелодіи, которыя мы привыкли слышать въ старинныхъ курантахъ, наивно нѣжныя и такія же робкія, какъ лѣсной ручеекъ. Эта мелодія, наоборотъ, была хотя и оригинальна, но непріятна для слуха; она то затихала, такъ что едва было слышно, то вдругъ неожиданно усиливалась, при чемъ въ общій ансамбль вдругъ вступалъ какой-то колокольчикъ съ густымъ мрачнымъ звукомъ.

Нерехтинъ пересталъ читать и сидѣлъ не шевелясь, ожидая конца; лакей тоже остановился съ пустымъ стаканомъ въ рукахъ и не зналъ, что ему дѣлать, пока звонъ не прекратился. «Вотъ такъ музыка! Точно кота хоронятъ», — замѣтилъ онъ, не зная, какъ выразить свое чувство.

На Нерехтина эта музыка тоже произвела непріятное впечатлѣніе, но, не желая ему поддаваться, онъ выпилъ еще стаканъ чаю, просмотрѣлъ газету и затѣмъ уже улегся спать... Засыпая, онъ все-таки вспомнилъ о часахъ, и ему ясно представился квадратный ящикъ, съ глядящей на него совой. И чѣмъ болѣе онъ на нихъ смотрѣлъ, тѣмъ явственнѣе до-

носились удары маятника; они, казалось, слѣдовали одинъ за другимъ, все скорѣе и скорѣе, какъ будто напоминая, что съ каждымъ ударомъ онъ приближается къ чему-то роковому и такимъ образомъ... незамѣтно заснулъ.

Во снѣ онъ видѣлъ что-то неопредѣленное и непріятное; казалось, что онъ несется въ какомъ-то пространствѣ, но въ какомъ направленіи—опредѣлить не можетъ, кажется только, что несется все скорѣе и скорѣе; у него начинаетъ захватывать духъ, хочется остановиться, а не можетъ, и чѣмъ болѣе желаетъ остановиться, тѣмъ движеніе становится стремительнѣе; наконецъ, онъ сдѣлалъ надъ собою страшное усиліе и пробудился, задыхаясь отъ тяжелаго, прянаго запаха... Сердце усиленно билось и плохо заправленная лампадка чуть мерцала, слабо освѣщая небольшой кругъ на потолкѣ.

Въ ночной тишинѣ всѣ звуки стали явственны: трескъ дерева, шелестъ обоевъ, стукъ съ улицы...

И вдругъ ему почудились чьи-то осторожные шаги въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ. «Кто тутъ?» — спросилъ онъ, но никто ему не отвѣчалъ. Онъ хотѣлъ вскочить, но не могъ оторвать голову отъ подушки, точно чья-то рука надавливала на грудь... Но вотъ опять что-то закопошилось, какъ будто чьи-то пальцы забарабанили по деревянному ящику, какъ будто кто-то глубоко вздохнулъ, и на этотъ разъ Нерехтинъ не выдержалъ, нажалъ кнопку звонка и сѣлъ въ постели... Лакей, однако, не проснулся, а вмѣсто него изъ передней отозвались часы... Тоскливо раздавалась въ тишинѣ глубокой ночи странная пѣсня часовъ и въ этой пѣснѣ было что-то безотрадное и

жуткое, и, точно завороженный ею, Нерехтинъ сидѣлъ, не шелохнувшись, пока она не закончилась... Она навела на него такую тоску, что, смутно вспомнивъ, что черезъ два часа часы опять заиграютъ, онъ рѣшилъ ихъ остановить, и такъ какъ лакей, очевидно, не слышалъ его зова, то онъ самъ направился черезъ кабинетъ въ переднюю. Не желая поддаваться страху, онъ шелъ безъ свѣчи, при слабомъ свѣтѣ, пробивавшемся отъ уличныхъ фонарей. Голова у него была тяжелая, и ему казалось, что онъ все еще не проснулся. Незамѣтно вмѣсто передней онъ попалъ въ другую комнату, тоже освѣщенную настолько, что можно было кое-что разглядѣть. Комната эта была пустая; ея темно-сѣрыя стѣны, какъ будто затянутыя паутиной, трудно было различить; ихъ присутствіе скорѣе угадывалось по угламъ, которые казались еще темнѣе. Изъ глубины выдвигалось что-то бѣлое, въ родѣ камина, съ четыреугольнымъ пятномъ посрединѣ, откуда доносились тихіе удары маятника...

«Что такое?» подумалъ Нерехтинъ, оглядываясь въ недоумѣніи и стараясь стряхнуть съ себя сонное оцѣпенѣніе... «Кто ихъ сюда принесъ? Вѣдь это не передняя... Сзади у меня долженъ быть кабинетъ, а затѣмъ спальня... Значитъ, это столовая? Но какъ же я сюда попалъ, минуя переднюю? Но это совсѣмъ не столовая; ничего похожаго; это другая комната... Это «лишняя» комната!! Откуда же она?!»

И, мучительно сосредоточиваясь на вопросѣ, что̀ у него находится въ этой комнатѣ, чтобы по этимъ примѣтамъ припомнить, гдѣ онъ, онъ вдругъ ясно вспоминаетъ, что у него такой комнаты нѣтъ и что, значитъ, онъ спитъ, и какъ только является эта

мысль, его охватываетъ холодный страхъ; онъ во что бы то ни стало старается проснуться, но не можетъ, а между тѣмъ онъ слышитъ шлепанье босыхъ ногъ по полу, какъ будто кто-то подкрадывается все ближе и ближе; какая-то сила его толкаетъ впередъ, въ объятія страха; онъ бросается назадъ, туда, откуда пришелъ, пробѣгаетъ что-то въ родѣ передней и опять попадаетъ въ ту же лишнюю комнату, а шаги все приближаются и приближаются; это повторяется три, четыре раза, много разъ; онъ измучился и чувствуетъ, что заблудился, а ужасное продолжаетъ надвигаться и уже захватываетъ въ свои холодныя объятія, но тутъ онъ собирается съ послѣдними силами, вспоминаетъ какое-то священное слово, отскакиваетъ назадъ, отчаянно прорывается сквозь стѣну «лишней» комнаты и спасается въ «жизнь»... Наконецъ онъ вздыхаетъ съ облегченіемъ, открываетъ глаза и видитъ, что онъ опять лежитъ въ своей кровати, и утренній свѣтъ пробивается въ окно его спальни... Явившійся на звонокъ лакей докладываетъ, что часы въ исправности и по прежнему стоятъ въ передней, но что они ему не давали спать и что глубокой ночью кто-то стучался къ нему въ дверь, и когда онъ спросилъ «кто тамъ», то никто не отвѣтилъ.

Между тѣмъ, день наступилъ и впечатлѣніе ночного кошмара быстро ослабѣло, какъ будто испарилось...

Нерехтинъ завтракалъ у своего стараго пріятеля, графа Р*, и за чашкой кофе разсказалъ ему про свою покупку. Графъ былъ человѣкъ съ большими странностями, любитель старинныхъ вещей и заинтересовался рѣдкими часами, а когда Нерехтинъ разсказалъ ему про свое ночное приключеніе, то любо-

пытство его возросло до послѣдней степени. Онъ попросилъ позволенія немедленно же послать за часами и, когда ихъ принесли, тотчасъ внимательно сталъ ихъ разсматривать, сопровождая свой обзоръ соотвѣтствующими объясненіями.

— Это дерево — сказалъ онъ, присматриваясь, — не могу сейчасъ припомнить его названія,—попадается въ старинныхъ гробницахъ. Это что-то въ родѣ кипариса, но возможно, что это другое дерево, пропитанное особыми смолистыми маслами, предохраняющими не только отъ гніенія, но и отъ посягательствъ непосвященныхъ... Запахъ этотъ ядовитъ и опасенъ... Эти надписи по обводу малаго круга сдѣланы на древне-еврейскомъ языкѣ (я ихъ потомъ разберу), а непонятные для васъ значки на томъ же кругѣ суть ни болѣе, ни менѣе, какъ употребляемые астрологами двѣнадцать «домовъ» человѣческой жизни или гороскопа. Изъ нихъ четыре, самые главные, такъ называемые знаки сѣвернаго, южнаго, восточнаго, západнаго угла, относятся къ первой трети человѣческой жизни и потому отмѣчены красною эмалью; слѣдующіе четыре, бѣлой эмали, соотвѣтствуютъ серединѣ жизни; они уже менѣе вліяютъ на судьбу; наконецъ, третья четверка, касающаяся конца жизни, имѣетъ наислабѣйшее вліяніе и поэтому отмѣчена чернымъ.

— Магическія пентограммы по угламъ, — продолжалъ графъ, — всѣ имѣютъ угрожающія начертанія и вносятъ вмѣстѣ съ вещью въ домъ, гдѣ она находится, опасность и горе... Нужны особыя знанія, чтобы ихъ обезвредить... Я еще не вполнѣ отдаю себѣ отчетъ во всемъ, но мнѣ кажется, что музыка этихъ курантовъ тоже не можетъ быть полезна для

непосвященныхъ, въ особенности, когда она раздается ночью, до разсвѣта... Ясно, что вы съ этими курантами надѣлали себѣ хлопотъ... Старый жидъ, безъ сомнѣнія, знаетъ ихъ значеніе и высоко ихъ цѣнитъ. Возможно, что ими пользовались на своихъ ночныхъ собраніяхъ еврейскіе каббалисты, подобно тому, какъ древніе жрецы пользовались для своихъ наукъ освященными песочными часами. Наконецъ, сова—это, можно сказать, эмблема мудрости, прозрѣвающая во мракѣ невѣжества тайны природы. Какъ могли попасть эти часы на аукціонъ, не могу понять?!. Что касается вашего ночного приключенія, которое вы объясняете кошмаромъ, то я думаю, что это не такъ-то просто... Вашъ еврей, очевидно, свѣдущъ въ магіи и, рѣшившись васъ напугать, особыми вольтами старался разъединить вашъ духъ съ тѣломъ и вывелъ его куда-то внѣ нашего пространства, въ астральный планъ, и тамъ подвергъ васъ мученіямъ... Что-то помѣшало ему окончательно погубить васъ. Такъ или иначе, вѣрите ли вы въ мои объясненія, или нѣтъ, это мнѣ все равно; важно то, что часы эти вамъ пришлись не по вкусу... Поэтому, прошу васъ, уступите ихъ мнѣ, хотя бы условно, а я вамъ дамъ отличные и самые невинные англійскіе часы, которые будутъ вамъ наигрывать гавоты и пасторели.

— Что же вы будете дѣлать съ этими часами?— спросилъ Нерехтинъ.

— А я ихъ изучу, и мы еще поборемся съ евреемъ. Посмотримъ, заставитъ ли онъ меня идти въ его лишнюю комнату!.. Вы говорите, что они заведены? Вотъ и прекрасно. Я ихъ поставлю на ночь въ свою спальню. А завтра приходите за новостями. Это даже забавно.

— Къ сожалѣнію, я сегодня вечеромъ уѣзжаю на праздники въ деревню и вернусь только черезъ двѣ недѣли.

— Ну, тогда я вамъ напишу, если хотите.

Нерехтинъ согласился и спросилъ, какъ же ему быть съ евреемъ.

— Не все ли вамъ равно? Вѣдь вы ему ничего не обѣщали? Скажите, что вы уступили часы мнѣ, а ужъ я съ нимъ поговорю.

Уходя отъ графа, Нерехтинъ почувствовалъ большое облегченіе и вечеромъ въ отличномъ настроеніи духа сѣлъ въ вагонъ скораго поѣзда... За нѣсколько дней пребыванія въ деревнѣ, онъ успѣлъ забыть свое мимолетное приключеніе съ часами, предполагая, что этимъ все и кончилось... Каково же было его удивленіе, когда, распечатавъ только-что полученный изъ Петербурга нумеръ газеты, онъ прочелъ извѣщеніе о томъ, что графъ Р* скончался скоропостижно у себя въ квартирѣ въ ночь на Рождество... На слѣдующій же день онъ получилъ письмо отъ графа, очевидно написанное имъ за нѣсколько часовъ до смерти. Въ письмѣ было всего нѣсколько строкъ: «Спѣшу вамъ сообщить, что сегодня провелъ ночь, пожалуй, похуже вашего. Вы бы не перенесли... Приходилъ еврей, но я его прогналъ... Стараюсь во что бы то ни стало разгадать секретъ проклятыхъ часовъ. Завтра напишу подробнѣе».

Впослѣдствіи Нерехтинъ узналъ, что послѣ смерти графа въ его квартирѣ, между прочимъ, были похищены рѣдкіе старинные часы...

1911 г.

РАЗБИТОЕ ЗЕРКАЛО.

Баронъ Хоккеръ былъ большой любитель старинныхъ вещей и старинной литературы, не пренебрегалъ философіей, а послѣднее время началъ интересоваться и тайными науками, объясняя это не столько желаніемъ не отставать отъ модныхъ теченій, сколько тѣмъ, что оккультизмъ являлся послѣднимъ, недостающимъ звеномъ въ цѣпи интересовавшихъ его знаній.

Такимъ образомъ, въ его библіотекѣ прибавился новый шкафъ, въ которомъ была собрана довольно интересная коллекція сочиненій по оккультнымъ наукамъ, по теософіи и психо-физіологіи: здѣсь имѣлся также и адскій словарь, старательно составленный какимъ-то чудакомъ французомъ. Кромѣ классическихъ Корнелія Агриппы и Якова Бехме, тутъ были и полуклассическій Элифасъ Леви съ его «великимъ арканомъ» и изслѣдованіе Гуайта «О проклятыхъ наукахъ»; наконецъ, не былъ забытъ и современный намъ профессоръ Папюсъ съ его трактатами каббалы и практической магіи...

Не буду утверждать, что баронъ Хоккеръ былъ такъ же ученъ, какъ и его книги, не скажу также, чтобы онъ былъ очень остроуменъ, но благодаря деликатному

обращенію, привѣтливости и извѣстной нѣмецкой настойчивости, онъ сумѣлъ привлечь въ свой домъ небольшое, но интересное общество, и я съ удовольствіемъ посѣщалъ его вечера, на которыхъ за чашкой чая или за стаканомъ хорошаго вина незамѣтно пробѣгало время въ бесѣдахъ на разнообразныя темы.

Послѣднее время къ нашей компаніи присоединился одинъ артиллерійскій капитанъ, по фамиліи Гейстъ, рекомендованный намъ, какъ извѣстный оккультистъ; про него даже говорили, что онъ побывалъ и на Востокѣ—и получилъ тамъ, при посвященіи въ маги, какое-то особенное имя... Его объясненіе разницы между восточнымъ и западнымъ оккультизмомъ и превосходства перваго надъ послѣднимъ намъ показалось довольно запутаннымъ, и мы поняли только, что восточный—основывался на чистотѣ тѣла и помысловъ, на созерцаніи, самозабвеніи, а западный, главнымъ образомъ, на внѣшнемъ ритуалѣ. Никто изъ насъ, однако, не желалъ серьезно углубляться въ тайныя науки. На это у насъ не хватало ни настоящаго призванія, ни терпѣнія, но тѣмъ не менѣе мы не безъ удовольствія слушали иногда разсужденія барона или разсказы Гейста объ оккультныхъ явленіяхъ.

Люди, даже образованные и серьезные, любятъ иногда раздражать свои нервы разговорами о небываломъ, о невозможномъ, о великомъ таинствѣ смерти и тому подобномъ, и бродятъ въ своихъ разсужденіяхъ и догадкахъ, какъ въ густомъ лѣсу въ темную беззвѣздную ночь.

Слѣдуетъ, однако, признать, что, благодаря появленію между нами убѣжденнаго оккультиста, мы стали

слишкомъ пренебрегать обычными бесѣдами объ искусствѣ и положительныхъ наукахъ и, если можно такъ выразиться, центръ тяжести постепенно перемѣстился въ отрицательную сторону; баронъ какъ будто перестал направлять наши мысли и вкусы и такимъ образомъ равновѣсіе было нарушено. Всѣ болѣе или менѣе разстроили свои нервы нездоровыми бесѣдами и расходились уже не спокойными и добродушными, какъ это бывало прежде, а душевно утомленными и растревоженными...

Съ окончаніемъ весенняго сезона, баронъ уѣхалъ за границу и вернулся оттуда только поздно осенью. Такимъ образомъ, мы собрались у него опять только зимой, въ декабрѣ мѣсяцѣ...

На этотъ разъ вечеръ начался очень интересно. Разговоръ шелъ о путешествіяхъ, и баронъ подѣлился съ нами своими впечатлѣніями. Говорилъ и объ удобствахъ заграничной жизни, и о неожиданныхъ случайностяхъ, которыя встрѣчаются въ пути, и о новыхъ теченіяхъ въ литературѣ, о театрахъ и артистахъ, и каждый вставлялъ свои замѣчанія. Одинъ только Нерехтинъ, обыкновенно живой и отзывчивый, не принималъ участія въ бесѣдѣ и, сидя въ темномъ углу, задумчиво смотрѣлъ на стоявшій передъ нимъ стаканъ съ виномъ.

— Вы что-то сегодня не въ духѣ,—замѣтилъ ему баронъ.— Здоровы ли вы? У васъ былъ бодрѣе видъ прошлой весной, когда мы разстались... Вы, вѣроятно, все лѣто просидѣли въ Петербургѣ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Нерехтинъ,—я также путешествовалъ, какъ и вы... Лѣто я провелъ очень хорошо въ деревнѣ, а затѣмъ былъ въ Бретани и подъ

конецъ цѣлую недѣлю въ Парижѣ... Я даже побывалъ въ «Casino de Paris», о которомъ вы между прочимъ упоминали, и видѣлъ тамъ восточную танцовщицу, красотой и танцами которой вы такъ восхищались...

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Да дѣло, въ сущности говоря, никакого нѣтъ, но я вспомнилъ «Casino de Paris» потому, что оттуда по странной случайности начинается «то», что вы приняли за нездоровье...

— Очень жаль, что мы тамъ не встрѣтились... Я имѣлъ возможность познакомиться съ этой волшебной танцовщицей и, конечно, если бы зналъ, что вы такъ увлеклись ею, то непремѣнно бы вамъ помогъ...

— Дѣло вовсе не въ ней, баронъ, а въ чемъ-то очень странномъ и непонятномъ... Но я думаю, что это не интересно?

— Ужъ это вы предоставьте намъ судить... Напротивъ, мы съ нетерпѣніемъ желаемъ узнать, въ чемъ заключалось ваше приключеніе.

— Мнѣ, конечно, очень понравилась эта танцовщица и я, вѣроятно, не отказался бы съ ней познакомиться, если бы мы тамъ встрѣтились... Но дѣло въ томъ, что передъ отъѣздомъ за границу я серьезно увлекся одной особой, съ которой познакомился въ деревнѣ и имя которой позвольте не называть,—настолько серьезно, что мы почти дали другъ другу обѣщаніе. Ваша танцовщица, которую я видѣлъ только на сценѣ, конечно, не могла изгладить изъ моей памяти эту дѣвушку. Да и въ «Casino de Paris» я поѣхалъ довольно неохотно. Меня туда затащилъ одинъ парижскій пріятель послѣ обѣда, на которомъ мы

порядочно выпили. Первое впечатлѣніе было даже непріятное; вы помните этотъ грязный, закуренный залъ и его болѣе чѣмъ смѣшанную публику. Первые нумера на сценѣ были тоже очень слабые. Только ваша обольстительница сразу измѣнила настроеніе... Въ антрактѣ я стоялъ въ кулуарѣ, ожидая продолженія ея удивительныхъ мимическихъ сценъ, и вдругъ услыхалъ чей-то рѣзкій женскій голосъ, приглашавшій желающихъ погадать.

«— Пойдите, попытайте вашу судьбу, — сказалъ мнѣ мой спутникъ.

«Такъ какъ я любилъ и былъ въ разлукѣ съ предметомъ моей любви, то охотно согласился попытать свое будущее, прошедшее и настоящее. Мы идемъ гадать обыкновенно ради шутки и смѣха, а въ душѣ все-таки думаемъ: «а что-то изъ этого выйдетъ?»

«Оказывается, что гадалка помѣщалась вблизи, за занавѣской, около кулисъ, въ небольшой комнаткѣ, обтянутой восточными матеріями. Она оказалась особой неопредѣленныхъ лѣтъ и средняго роста, нарумяненная, съ фальшивыми локонами и съ большой бриліантовой брошью на груди. Въ рукахъ она держала кружевной платокъ, надушенный какими-то особенными крѣпкими духами, чѣмъ-то въ родѣ смѣси вербены съ ладаномъ, а около нея на небольшомъ столѣ лежала колода большихъ картъ, съ нарисованными на нихъ фигурами и магическими знаками, большею частью не имѣющими смысла, достаточно замусленныхъ и которыя обыкновенно употребляются западными профессіональными гадалками.

«Когда я ее спросилъ, что это за карты, она отвѣтила: «Ce sont les Tarots des Bohémiens, monsieur»...

— Вы напрасно думаете, мой другъ, что знаки на картахъ не имѣютъ смысла,—перебилъ Гейстъ.—Таро очень серьезное гаданье. Оно имѣетъ древнее происхожденіе. Западные оккультисты приписываютъ его происхожденіе египетскимъ магамъ, а мы — сѣвернымъ индусамъ... Гадалки пользуются, конечно, не полнымъ Таро, а только картами, которыя дѣлятся на четыре группы, по четырнадцати въ каждой (десятокъ Пиѳагора), отмѣченныя особыми знаками: первая группа—жезломъ (трефы), вторая—кубкомъ (черви), третья—шпагой (пики) и четвертая—монетой (бубны). Кромѣ того, на картахъ имѣются особыя эмблематическія фигуры, а иногда помѣщаются и имена солнца, луны и пяти вліятельнѣйшихъ планетъ.

— Комнатка,—продолжалъ Нерехтинъ,—освѣщалась откуда-то сверху небольшимъ будуарнымъ фонаремъ краснаго цвѣта. Кромѣ стола и двухъ стульевъ въ ней ничего не было. Виноватъ, было еще что-то въ родѣ маленькаго круглаго столика на высокой ножкѣ, на которой стояло небольшое овальное зеркало, но такъ какъ оно было въ темной оправѣ, то первое время я на него и не обратилъ вниманія.

— Гм... напрасно,—замѣтилъ Гейстъ,—зеркало—это предметъ серьезный...

— Несмотря на банальную обстановку и ярмарочное завываніе, во всемъ остальномъ m-me Эстеръ—такъ звали гадалку — была на высотѣ призванія и добросовѣстно исполнила все, что отъ нея требовалось. Она даже какъ будто немного обидѣлась, когда я нѣсколько небрежно и слегка насмѣшливымъ тономъ сказалъ ей: «Ну, что вы мнѣ скажете за два франка?» Она внимательно осмотрѣла мои руки, сна-

чала одну, потомъ другую, замѣтила, что я очень странный субъектъ и что она рѣдко сталкивалась съ подобной судьбой въ своей практикѣ. Когда же она разложила карты, предварительно заставивъ меня снять лѣвой рукой, то удивленіе ея еще больше увеличилось.

«— Вы любите, но полюбите еще другую, которая будетъ стараться помѣшать вашему счастью съ первой; вы будете искать другъ друга, но какое-то очень странное препятствіе, которое я объяснить не могу, будетъ мѣшать вашему сближенію... Cependant,—продолжала она, водя пальцами по картамъ,—вы совсѣмъ близки другъ къ другу... А если вотъ такъ переложить, то вы, наоборотъ, такъ далеки одинъ отъ другого, какъ будто кого-нибудь изъ васъ нѣтъ въ живыхъ... Между тѣмъ ни около васъ, ни около нея нѣтъ знака смерти... Просто не знаю, что сдѣлалось съ картами?!

«На мой вопросъ, кто она,—эта неизвѣстная мнѣ особа, Эстеръ, продолжая дѣлать какія-то манипуляціи съ картами, отвѣчала, что «она», конечно, женщина, но «когда, напримѣръ, я выбрасываю карты попарно, по своему способу, то ни одной дамы около васъ не остается... Вы видите, этой особы здѣсь нѣтъ... А между тѣмъ новая любовь!.. Ее слѣдуетъ остерегаться, но какъ?—карты не говорятъ!.. И это все, monsieur», прибавила она, вставая... «Впрочемъ, потрудитесь еще взглянуть въ это зеркало... Иногда въ зеркалѣ лучше разглядѣть нѣкоторыя черты, чѣмъ прямо... Довольно; благодарю васъ!.. Ничего не могу сказать болѣе»... И когда я выходилъ, то она дважды повторила мнѣ вслѣдъ: «Странно... Очень странно...» Хотя гаданье французской колдуньи и напомнило мнѣ

по формѣ запутанныя предсказанія древнихъ оракуловъ, но оно не оставило во мнѣ глубокаго впечатлѣнія, и тѣ нѣсколько дней, что я провелъ послѣ того въ Парижѣ, я о немъ, конечно, и не вспоминалъ.

— Начало вашей исторіи,—сказалъ баронъ, — не лишено интереса... Желательно знать, что же произошло дальше?

— Дальше, не знаю, надо ли и продолжать? Далѣе все произошло и происходитъ уже не въ этой области или, вѣрнѣе, не въ этомъ мірѣ...

При этомъ мы всѣ невольно переглянулись съ недоумѣніемъ...

— Въ какомъ же мірѣ?—спросилъ баронъ.

— Въ «мірѣ сновъ»...

— Ну, это продолженіе какъ будто не соотвѣтствуетъ началу, — нѣсколько разочарованно сказалъ баронъ,—мало ли что можетъ присниться!.. Хотя, конечно, и сны иногда бываютъ вѣщіе...

По этому поводу между нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ завязался небольшой споръ.

— По моему, — сказалъ поэтъ Темницкій, — сонъ есть вторая жизнь человѣка, законы которой еще не изслѣдованы. Подумайте только, что цѣлую треть нашего земного существованія мы спимъ. При этомъ во снѣ происходятъ иногда такія вещи, которыя рѣшительно ничего общаго не имѣютъ съ тѣмъ, что съ нами было на яву... Гдѣ же находится тотъ міръ, въ который васъ переноситъ сонъ? Быть можетъ, близко, а можетъ быть, въ недосягаемомъ на яву разстояніи отъ васъ... И всѣ предметы и лица, наполняющіе міръ сновъ, дѣйствуютъ, если можно такъ выразиться,

по особымъ законамъ природы... Недаромъ у древнихъ существовалъ могучій и загадочный богъ сна...

— Не желая оспаривать васъ,—сказалъ боронъ,—замѣчу однако, что между міромъ дѣйствительной жизни и міромъ, гдѣ царствуетъ вашъ богъ сна, существуетъ непроходимая пропасть, черезъ которую можно перебросить только одинъ мостъ, всѣмъ извѣстный, — пробужденіе... Разъ вы его перешли, все кончено: этотъ мостъ проваливается въ пропасть. Въ концѣ концовъ эта наша фантазія прогуливается въ призрачномъ царствѣ Морфея, а тѣло преспокойно лежитъ въ кровати...

— То, что вы говорили, баронъ, — вмѣшался Гейстъ,—касается все того же тѣла, т. е. нашей матеріальной жизни... Но, кромѣ тѣла, есть еще нѣчто другое, для котораго не существуетъ препонъ... По нашему ученію, человѣкъ, кромѣ тѣла и духа, обладаетъ еще астраломъ, съ которымъ и происходятъ разныя приключенія, независимо отъ нашей тѣлесной оболочки... Но я не буду объ этомъ распространяться, такъ какъ (не знаю, какъ другіе) очень интересуюсь дальнѣйшимъ, т. е. тѣмъ, что произошло съ Нерехтинымъ во снѣ.

— Я вернулся въ Петербургъ, — продолжалъ Нерехтинъ,—поздней осенью и вскорѣ по пріѣздѣ получилъ письмо отъ особы, о которой я вамъ упоминалъ, съ извѣщеніемъ, что она скоро пріѣдетъ съ семьей въ Петербургъ. Странное дѣло: вмѣсто того, чтобы обрадоваться, я вдругъ впалъ въ какую-то безпричинную меланхолію. Чтобы разсѣяться, я отправился въ какой-то театръ и вернулся домой довольно поздно, написалъ письмо и легъ спать... Я вообще не боюсь

спать въ темнотѣ, но на этотъ разъ мнѣ почему-то стало жутко и я оставилъ горѣть одну лампочку, набросивъ на нее красный шелковый платокъ. Я долго не могъ заснуть и старался думать о своемъ одиночествѣ и что уже ради этого слѣдуетъ жениться.

«Затѣмъ я глубоко заснулъ, и вотъ вижу, будто я нахожусь въ какой-то полуосвѣщенной комнатѣ, въ родѣ обширной передней. Около внутренней деревянной лѣстницы, ведущей куда-то наверхъ, въ креслѣ сидитъ женщина въ темномъ платьѣ. Когда я вошелъ, она подняла на меня глаза и горько заплакала. Она была еще молода, но скорѣе некрасива, и тѣмъ не менѣе мнѣ стало жаль ее. Я началъ ее утѣшать; ей видимо это было пріятно, но она продолжала плакать и въ чемъ-то меня упрекать. Я никогда ея не видѣлъ, ни во снѣ, ни на яву, и поэтому спросилъ: «кто она и отчего она плачетъ?» Она съ удивленіемъ на меня посмотрѣла и стала что-то говорить, какъ будто одно и то же, но я ничего не могъ разслышать и только видѣлъ, какъ шевелятся ея губы... Такъ я простоялъ около нея довольно долго, какъ вдругъ на лѣстницѣ раздались тяжелые шаги... Тогда она вскочила и хотѣла схватить меня за руки, какъ бы ища моей защиты, но въ этотъ моментъ что-то толкнуло меня въ грудь, и я проснулся... Оказалось, что это разбудила меня моя собака, вскочившая неожиданно ко мнѣ на кроватъ. Сонъ, какъ видите, съ внѣшней стороны былъ совершенно неинтересенъ и онъ произвелъ на меня впечатлѣніе только потому, что все это я видѣлъ такъ же отчетливо, какъ на яву... Черезъ недѣлю повторилось почти то же самое, и я опять увидѣлъ «ее» въ той же обстановкѣ, но на этотъ разъ она уже

меня держала за руки, и мнѣ казалось, что мы съ ней связаны чѣмъ-то очень важнымъ...

«Я забылъ сказать, что въ тотъ моментъ, когда я засыпалъ, мнѣ казалось, что пахнетъ тѣми самыми крѣпкими духами, которыми былъ надушенъ платокъ гадальщицы. И вотъ, въ третій разъ, засыпая, я ощутилъ по обыкновенію знакомый запахъ, но на этотъ разъ онъ мнѣ показался до крайности пріятенъ, и я самъ сталъ искать «ее» въ царствѣ сна. Искалъ я эту «женщину» довольно долго, съ трепещущимъ отъ необъяснимаго волненія сердцемъ и, наконецъ, нашелъ въ какой-то фантастической обстановкѣ; она была въ легкой воздушной одеждѣ, и все въ ней казалось прекрасно и плѣнительно, хотя я не могу сказать, что въ ней было прекрасно, такъ какъ въ сущности она была, какъ я уже говорилъ, скорѣе некрасива... Помню только, что отъ нея вѣяло удивительной свѣжестью, и кожа у нея была ослѣпительной бѣлизны и нѣжная, какъ ткани, въ которыя облекаются небесныя Пери. Когда я обнялъ ее въ восторженномъ порывѣ, она засмѣялась беззвучнымъ смѣхомъ, въ глазахъ ея блеснула радость и она торжествующе прильнула своими губами къ моимъ губамъ и... отъ этого поцѣлуя я едва не задохся и проснулся съ сильно бьющимся сердцемъ. Голова была у меня тяжелая, точно я цѣлую ночь предавался кутежу.

«Я всячески старался освободиться отъ впечатлѣній этого страннаго кошмара и нарочно долго гулялъ по улицамъ и по набережной. На другой день пріѣхала моя невѣста. Хотя я и обрадовался ея пріѣзду, но она все-таки сразу замѣтила во мнѣ какую-то перемѣну, разсѣянность, въ которую я впадалъ, въ особенно-

сти по вечерамъ, и я видѣлъ, что мое состояніе ее огорчаетъ. Она даже совѣтовала мнѣ обратиться къ врачу, но я не хотѣлъ признавать себя больнымъ и силою воли пытался сбросить съ себя это настроеніе, старался веселиться и не думать ни о чемъ. Но когда наступила седьмая ночь, я сталъ впадать въ какое-то безвольное состояніе и почувствовалъ, что меня опять тянетъ туда, къ «ней»... Я уже вамъ упомянулъ про мою собаку... Это прелестный черный кингъчарльзъ, съ огненными глазами. Въ этотъ вечеръ Капи—такъ зовутъ мою собачку—ни за что не хотѣлъ укладываться въ свою корзинку и все время слонялся изъ комнаты въ комнату, какъ будто ища что-то такое, а когда я самъ легъ въ постель, то вдругъ сталъ выражать безпокойство, потомъ подбѣжалъ къ открытымъ дверямъ, насторожился и сталъ тревожно лаять въ пустую комнату, то дѣлая прыжки впередъ, то пятясь назадъ передъ какимъ-то воображаемымъ врагомъ... Когда я, наконецъ, на него прикрикнулъ, то онъ неохотно пошелъ въ корзинку, но и тамъ продолжалъ ворчать... Между тѣмъ проклятый запахъ знакомыхъ духовъ коснулся моего обонянія, и я быстро сталъ уноситься въ область сна... Какой-то тайный голосъ старался предостеречь меня, чтобы я уходилъ отъ «нея» (вѣроятно, это Капи не переставалъ ворчать), но я забылъ все и началъ опять поддаваться обаянію ея ласки. Однако, на этотъ разъ въ ея глазахъ вмѣсто радости было что-то серьезное и сосредоточенное... Я помню, что среди окружавшихъ насъ предметовъ было небольшое овальное зеркало. Поднеся его къ моему лицу, она хотѣла, чтобы я непремѣнно въ него взглянулъ. Тогда

я сразу вспомнилъ парижскую гадалку, понялъ, что я сплю, и рѣшилъ проснуться, но она догадалась, что я хочу «проснуться», и стала меня съ какимъ-то отчаяніемъ торопить непремѣнно заглянуть въ зеркало... Лицо ея исказилось злобою, и побѣлѣвшія губы бормотали страшныя угрозы...

«Сначала въ зеркалѣ не отразилось никакого лица, но я чувствовалъ, что еще мгновеніе—и со мной случится что-то ужасное, и вдругъ вспомнилъ какую-то молитву... Тогда она начала тревожно грозить мнѣ пальцемъ, предостерегать отъ чего-то и вглядываться вдаль, потомъ какъ-то расплылась и исчезла... и я опять проснулся отъ звона разбившагося стекла...

«Около моей постели стояла собака и, съ довольнымъ видомъ помахивая хвостомъ, смотрѣла мнѣ въ глаза. Чѣмъ она была довольна, я не знаю, такъ какъ въ то время, какъ я спалъ, она умудрилась уронить на полъ небольшое овальное зеркало, лежавшее на туалетномъ столикѣ, которое и разбилось на мелкіе куски».

Нерехтинъ остановился на минуту, подумалъ и затѣмъ прибавилъ:

— Вотъ пока и все, что со мной случилось... Я, однако, предупреждалъ, что врядъ ли это будетъ для васъ интересно? Впрочемъ, могу еще прибавить, что вотъ уже болѣе двухъ недѣль, какъ «она» больше ко мнѣ не является. Во мнѣ борятся два чувства: съ одной стороны, при одной мысли о возможности повторенія этого сна, меня охватываетъ ужасъ; съ другой, по странному противорѣчію, у меня иногда является желаніе ее увидѣть; тогда я начинаю ощу-

щать противный ароматъ и дѣлаю все, чтобы не поддаться странному очарованію...

— Вашъ разсказъ,—сказалъ баронъ,—похожъ на какой-то сложный кошмаръ. Очевидно, гаданье произвело на васъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ вы говорили, или... быть можетъ, сама гадалка затронула ваше сердце?

— Я даже не помню ея лица...

— А я нахожу,—сказалъ Гейстъ,—что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ очень характернымъ оккультнымъ случаемъ. Гадалка Эстеръ, очевидно, была недовольна вашимъ насмѣшливымъ отношеніемъ къ ея искусству и незамѣтно произвела надъ вами энвольтованіе. Ароматы при этомъ играли большую роль, и каждый имѣлъ свое значеніе; вервена есть цвѣтокъ любви, а ладанъ въ извѣстныхъ случаяхъ означаетъ смерть. Колдуны и гадалки, эти, какъ мы ихъ называемъ, «обезьяны» истинныхъ маговъ, могутъ принести иногда большой вредъ. Зеркало, въ которое она заставила васъ взглянуть, было не простое, а магическое... Очевидно, у нея были недобрыя намѣренія; черезъ зрѣніе можно такъ же отравить, какъ и черезъ вкусъ и обоняніе. Та же «женщина», которая васъ старалась во снѣ завлечь въ свои сѣти, очевидно, «ларва».

— А что такое ларва?

— Это, по нѣсколько запутанному объясненію Гуайта, существо фантастическое и безсвязное, хотя и реальное, но живущее жизнью другихъ. Онѣ иногда порождаются самими людьми, ихъ дурными дѣлами и чувствами, ихъ злобой и распутствомъ, и тогда онѣ привязываются къ тѣмъ, кто ихъ породилъ. Ваша ларва имѣла намѣреніе выманить вашъ астралъ и

овладѣть вашимъ матерьяльнымъ тѣломъ. Счастье ваше, что вы не увидали вашего отраженія въ томъ зеркалѣ, которое она вамъ подносила! Вашъ астралъ тамъ бы такъ и остался и тогда вы вдвойнѣ бы умерли... Что же касается вашей собаки, то этотъ вѣрнѣйшій и благороднѣйшій другъ человѣка обладаетъ способностью видѣть угрожающихъ намъ ларвъ и предупреждаетъ о нихъ своего господина... На ваше счастье на святкахъ я ѣду по одному дѣлу въ Парижъ. Я постараюсь разыскать вашу гадалку и разрушить ея зеркало, а съ нимъ и ея чары... А пока берегите вашу собаку...

— Ну, а что же ваша невѣста?—спросилъ поэтъ.

Нерехтинъ улыбнулся и, помолчавъ нѣсколько мгновеній, отвѣчалъ:

— Она мнѣ дорога попрежнему, и если ничего не случится и нашъ добрый волшебникъ разрушитъ магическое зеркало, то я надѣюсь пригласить васъ всѣхъ пожаловать на мою свадьбу...

1912 г.

ИСКУШЕНІЕ.

(Разсказъ о духовидцахъ).

I.

...Лѣстница, по которой я поднимался, по случаю лѣтняго времени, не была освѣщена, и я свѣтилъ себѣ спичками, чтобы найти его квартиру. Въ полутьмѣ дождливаго лѣтняго вечера мною овладѣло неприятное чувство жуткости. Это происходило отъ легкаго нездоровья, вслѣдствіе кошмара, случившагося со мною наканунѣ, и присущей мнѣ нервности. Я еще не боялся, но уже находился, такъ сказать, въ преддверіи страха. Что-то необъяснимое и безформенное уже тянуло ко мнѣ свои холодныя объятія. Я долженъ признаться, что моя душа всегда была склонна ко всему чудесному, въ противность разуму, воспитанному на положительныхъ наукахъ, недопускающихъ, чтобы дважды два было пять. А между тѣмъ въ домѣ, куда я долженъ былъ войти, мнѣ, быть можетъ, сегодня же докажутъ прямо противоположное.

Такъ говорилъ во мнѣ какой-то внутренній голосъ, который дѣйствуетъ совершенно по своему: до-

пускаетъ то, въ чемъ сомнѣвается разумъ, и, наоборотъ, сомнѣвается въ непреложныхъ истинахъ, установленныхъ тѣмъ же разумомъ, и заставляетъ насъ дѣлать иногда въ жизни поступки, противные установленному порядку, и просто даже безумства. И вотъ, въ противность разуму, воображеніе уже начинало работать въ моей головѣ; оно уже собирало краски на свою волшебную палитуру, хотя еще далеко не было извѣстно, въ чемъ будетъ состоять картина. Между прочимъ, мнѣ почему-то вспомнился слѣдующій эпизодъ изъ моего дѣтства.

У насъ въ семьѣ жила горничная, бывшая крѣпостная моей бабушки. Это была красивая и здоровая женщина. Мы жили лѣтомъ въ деревнѣ, и вдругъ она заболѣла какою-то странною болѣзнью, которую не могъ объяснить и пріѣзжавшій изъ города докторъ, пичкавшій ее касторовымъ масломъ и всякими другими латинскими снадобьями. Передъ смертью ей стало лучше. За день или за два до ея кончины я зашелъ къ ней въ комнату, и старая няня ей сказала при мнѣ:—«Ну, вотъ ты, Аннушка, слава Богу, поправляешься», на что Аннушка отвѣтила:—«Нѣтъ, матушка, я ужъ не поправлюсь. Сегодня на разсвѣтѣ я сама себя видѣла. Всѣ еще спали, и ты спала. Вдругъ слышу, кто-то идетъ мѣрнымъ шагомъ, да какъ-то осторожно, какъ будто боится кого-то разбудить. Я сначала думала, не ко мнѣ ли кто идетъ, а она прошла мимо и опять какъ будто возвращается. Я и спрашиваю:—«кто это?» Тогда она остановилась, дверь пріотворила и сказала:—«это я»... И вижу я, что это я сама стою въ дверяхъ, въ бѣлой кофтѣ и въ юбкѣ. Постояла, посмотрѣла, закрыла дверь и ушла».

Моя няня ни на мгновеніе не сомнѣвалась въ смыслѣ и сущности этого разсказа и только прослезилась и сказала: — «Ахъ, ты Господи, Господи! Ну, Богъ милостивъ, Аннушка! Можетъ быть, Онъ тебѣ и поможетъ. А я, вотъ, завтра къ обѣднѣ схожу и за тебя просвиру выну».

Я почувствовалъ большой страхъ отъ этого разсказа и, когда вышелъ съ нянькой отъ больной, то сталъ ее разспрашивать: «Неужели случаются такія страшныя вещи, что человѣкъ видитъ самого себя?» На это нянька отвѣчала, что мнѣ слѣдуетъ пойти побѣгать да поиграть, а объ этомъ не думать. Но я слышалъ потомъ, какъ она говорила кучеру: — «Ей надо было притаиться и на образа посмотрѣть, а она, вишь, ее окликнула», на что кучеръ замѣтилъ: «Да, ежели смерть подъ оконами ходитъ, такъ оно тово»...

Этотъ отдаленный эпизодъ изъ моего дѣтства я вспомнилъ, когда уже стоялъ у дверей его квартиры, и при этомъ невольно подумалъ, что старая нянька права и что если бы Аннушка не позвала привидѣніе, то оно бы ей и не показалось...

«Не вернуться ли домой», сказалъ внутренній голосъ, а рука между тѣмъ прижала пуговку звонка...

II.

Мнѣ отворилъ дверь молодой лакей и, пока я оправлялся въ передней, пошелъ обо мнѣ докладывать господамъ. Хозяинъ вышелъ встрѣчать меня въ гостиную и, обмѣнявшись привѣтствіями, повелъ меня въ столовую, гдѣ всѣ сидѣли за чаемъ.

Общество казалось невелико. Оно состояло изъ сестры хозяина дома, сидѣвшей за самоваромъ, очень похожей на нее маленькой дѣвочки, которая вскорѣ ушла, и пожилого господина съ волосами, наполовину посѣдѣвшими, въ формѣ генерала въ отставкѣ... Мнѣ дали чаю и затѣмъ разговоръ завязался о разныхъ не относящихся къ дѣлу предметахъ. Пожилой господинъ говорилъ о какомъ-то новомъ лекарственномъ растеніи, вывезенномъ изъ Америки. Потомъ стали говорить о томъ, что въ тяжкихъ и сложныхъ болѣзняхъ доктора обыкновенно не помогаютъ и что если кому суждено выздоровѣть, то выздоровѣетъ и безъ доктора. При этомъ все тотъ же господинъ разсказалъ, какъ у него былъ боленъ единственный сынъ, положеніе больного казалось совершенно безнадежнымъ, и вдругъ онъ чудомъ какимъ-то выздоровѣлъ.

Послѣ этого наступило минутное молчаніе. Тогда, будто встрепенувшись, Андрей Ивановичъ сказалъ:

— Григорій Григорьевичъ! Вотъ господинъ Д. давно уже говоритъ мнѣ о своемъ желаніи ознакомиться съ сущностью и явленіями спиритизма, не для какого-либо глумленія, а ради любознательности...

— Да, сказалъ Григорій Григорьевичъ, обращая ко мнѣ свой взоръ,—мнѣ Андрей Ивановичъ уже говорилъ объ этомъ и даже предупреждалъ, что вы сегодня къ нему зайдете. Я съ удовольствіемъ готовъ удовлетворить ваше любопытство, но предупреждаю васъ, что отношусь къ явленіямъ спиритизма серьезно, съ вѣрою и поэтому надѣюсь, что что̀ бы я вамъ ни разсказывалъ, вы не сочтете меня за сумасшедшаго или за мистификатора. Я скорѣе согласенъ на пер-

вое, чѣмъ на второе, потому что въ мои годы и въ моемъ положеніи мистифицировать кого-либо было бы непристойнымъ шутовствомъ.

Я на это возразилъ, что заранѣе не сомнѣваюсь въ его искренности, что же касается хозяина дома, то я его знаю, какъ человѣка серьезнаго и порядочнаго и что разъ мы собрались говорить серьезно, а не забавляться, то я и не допускаю мысли, чтобы меня стали поднимать на смѣхъ.

— Вотъ и прекрасно... Теперь, прежде чѣмъ я начну вамъ разсказывать, какъ я сдѣлался спиритомъ и чему я былъ свидѣтелемъ,—а разсказъ мой займетъ довольно продолжительное время,—я долженъ попросить Андрея Ивановича сдѣлать нѣчто въ родѣ предисловія и разсказать сначала о себѣ, такъ какъ онъ первый ознакомился съ явленіями спиритизма, и уже отъ него я узналъ, что такое спиритизмъ.

— Вы помните, конечно,—началъ тогда Андрей Ивановичъ,—появленіе первыхъ статей Вагнера о спиритизмѣ въ одномъ серьезномъ и большомъ журналѣ, кажется, въ «Вѣстникѣ Европы». Прочитавъ ихъ, я былъ удивленъ по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, я удивился необычности и странности явленій, описываемыхъ профессоромъ; во-вторыхъ, тому, что профессоръ рѣшается говорить о нихъ серьезно и даже какъ бы примѣняя научный методъ къ своему изложенію; наконецъ, въ-третьихъ,—что серьезный журналъ все это напечаталъ и, сколько помню, даже безъ замѣчаній и оговорокъ. Потомъ, если вы помните, на спиритовъ и на спиритизмъ посыпались возраженія, гдѣ къ научнымъ доводамъ примѣшивалось не мало злыхъ насмѣшекъ. Спириты

защищались довольно туманно, но, что меня поразило тогда еще, упорно и спокойно. Вотъ я и подумалъ: «Если такъ, то, значитъ, тутъ что-нибудь и есть... Дай-ка и я попробую, сдѣлаю опытъ и посмотрю, что изъ этого выйдетъ». Дѣло было лѣтомъ, семья моя была на дачѣ, но мнѣ приходилось часто бывать въ городѣ; на зимней квартирѣ оставался только одинъ человѣкъ. Мы сговорились съ моимъ двоюроднымъ братомъ посвятить спиритизму нѣсколько вечеровъ. Въ одинъ вечеръ мы выбрали съ нимъ небольшой столъ, сколько помню, четырехугольный, и, сѣвъ за него, другъ противъ друга, положили на него руки, какъ полагается. Мы сидѣли съ нимъ въ полной тишинѣ, въ ожиданіи явленій, въ теченіе часовъ двухъ съ лишнимъ. Передъ сеансомъ мы условились не разговаривать и, поэтому, почти неподвижное и продолжительное сидѣніе было утомительно. Но первый вечеръ ничего не вышло. Мы встали нѣсколько разочарованные и утомленные, но рѣшили сойтись на слѣдующую ночь. На слѣдующую ночь мы просидѣли три битыхъ часа и опять ничего; никакихъ послѣдствій. Двоюродный братъ предложилъ мнѣ бросить это дѣло, но какой-то тайный голосъ во мнѣ говорилъ: «потерпи еще немножко», и я сказалъ своему двоюродному брату: «нельзя такъ бросать; попробуемъ еще два или три вечера; если-бъ всѣ отказывались послѣ двухъ неудачъ, тогда многое, что теперь извѣстно и очень важно, оставалось бы для человѣка въ полномъ невѣдѣніи». Онъ согласился, и вотъ, не помню, на третій или четвертый разъ, черезъ какія-нибудь двадцать минутъ не болѣе, ко мнѣ неслышно протянулась черезъ столъ чья-то рука и тронула меня. Я

ясно почувствовалъ ея прикосновеніе въ то мгновеніе, когда всего менѣе этого ожидалъ... Я испыталъ странное чувство, не говоря уже о страхѣ, и скорѣе вскрикнулъ, чѣмъ сказалъ: «Это ты меня трогаешь?» «Нѣтъ», отвѣчалъ онъ съ удивленіемъ, и я сознавалъ и чувствовалъ, что это не онъ меня тронулъ. Черезъ какія-нибудь двѣ-три минуты онъ тоже вскрикнулъ и повторилъ тотъ же вопросъ. Неизвѣстныя руки, откуда-то появившіяся въ темнотѣ, трогали то меня, то его. Потомъ сталъ стучать столъ и отвѣчать на наши вопросы. Не помню, какъ кончился этотъ сеансъ, но помню, что когда мы вышли въ освѣщенную столовую и сѣли ужинать, то ни одинъ изъ насъ почти не притронулся къ пищѣ, и оба мы сознавали, что случилось нѣчто очень важное. Послѣ того мы повторяли сеансы чаще и съ большей охотой; затѣмъ пригласили участвовать двухъ-трехъ близкихъ пріятелей, въ которыхъ мы были увѣрены, что они не подымутъ насъ на смѣхъ и поймутъ, что мы серьезно ищемъ разъясненія столь загадочныхъ явленій. Между прочимъ и она принимала участіе,—прибавилъ Андрей Ивановичъ, указывая на свою сестру.

— И что-жъ, вы тоже видѣли явленія?—спросилъ я, оборачиваясь къ сестрѣ хозяина.

— Да, я тоже видѣла,—отвѣчала она спокойнымъ голосомъ, наливая чай.

— Такимъ образомъ,—продолжалъ Андрей Ивановичъ,—постепенно мы были свидѣтелями всевозможныхъ явленій, о которыхъ вы, вѣроятно, слышали или читали въ книгахъ. Кромѣ того, я оказался очень сильнымъ медіумомъ. Въ моемъ присутствіи явленія дѣлались разнообразнѣе и ощущительнѣе. При этомъ

я, какъ говорится, впадалъ или въ полный трансъ или въ половинный. Я находился въ состояніи какого-то забытья: это сонъ, но только какой-то особенный, что-то въ родѣ магнетическаго сна, какъ прежде его называли. Теперь я уже давно не принимаю участія въ сеансахъ, да и медіумическая сила стала во мнѣ ослабѣвать. На этомъ кончается мое предисловіе, а уже продолжать будетъ Григорій Григорьевичъ.

Григорій Григорьевичъ затушилъ докуренную имъ папиросу, откашлялся и началъ:

— Прежде всего надо вамъ сказать, что я старый другъ этой семьи. Уже много лѣтъ я принятъ здѣсь, какъ свой человѣкъ, да и они у меня бываютъ частенько запросто. Говорю это для того, чтобы напомнить вамъ, что обмана между нами быть не можетъ. Конечно, шутка возможна, но всякая шутка имѣетъ свое мѣсто и свои предѣлы. Кромѣ того, я долженъ оговориться, что до того, какъ я сдѣлался спиритомъ, я былъ человѣкъ маловѣрующій или, если хотите, совсѣмъ не вѣрующій. Я, конечно, допускалъ, что при нашихъ пяти чувствахъ и ограниченности ума человѣка, мы не въ состояніи понять и опредѣлить, что такое пространство, время, матерія; но въ то же время я признавалъ очень остроумной теорію Дарвина о половомъ подборѣ, считалъ непреложной истиной законъ Лавуазье, что «въ природѣ ничего не создается и ничего не исчезаетъ», а о Богѣ, признаться сказать, никогда не думалъ. Вѣдь мы съ вами теперь говоримъ искренно, по душѣ, а потому я вамъ и скажу, что по теперешнему моему убѣжденію безусловный атеизмъ есть или завѣдомая ложь

того, кто заявляетъ себя атеистомъ, особеннаго рода кокетство, или безнадежная, тупая ограниченность человѣка, который живетъ инстинктомъ и только думаетъ объ удовлетвореніи своихъ скотскихъ потребностей. Понятная вещь, что прежде я никогда не просилъ Бога о чемъ-либо, никогда не молилъ его о прощеніи, не благодарилъ за счастливыя минуты въ жизни, а ужъ тѣмъ болѣе за испытанія, которыя выпадали на мою долю. Присутствіе же Его на небѣ было для меня столь же безразлично, какъ существованіе жителей на лунѣ... Впрочемъ, чтобы не отвлекаться много въ сторону, перехожу къ интересующему насъ предмету...

Разъ какъ-то я прихожу къ Андрею Ивановичу. Онъ мнѣ и говоритъ: «Такъ и такъ, устроили мы сеансъ и вотъ что произошло». Я, конечно, сказалъ, что все это вздоръ и пустяки, а Андрей Ивановичъ говоритъ: «нѣтъ, не вздоръ» и предложилъ мнѣ испытать самому. Я сначала отказывался, говорилъ, что даже совѣстно этимъ заниматься, но онъ уперся на своемъ. Нечего дѣлать, пришлось согласиться. И представьте себѣ, въ тотъ же вечеръ я былъ свидѣтелемъ замѣчательныхъ явленій. Я уже не говорю о томъ, что столъ вертѣлся, стучалъ, отвѣчалъ на наши вопросы, и даже становился тяжелѣе и легче по нашему желанію. Произошло нѣчто совершенно необъяснимое... Сеансъ происходилъ въ столовой, при спущенныхъ портьерахъ. Стаканы на чайномъ столѣ прыгали и перемѣщались. Андрей Ивановичъ оказался очень сильнымъ медіумомъ... Поэтому всѣ явленія въ его присутствіи происходили при самой разнообразной обстановкѣ; требовалось только общее сосредоточеніе.

Тогда, чтобы болѣе убѣдиться, что обмана нѣтъ, я взялъ его за обѣ руки, а колѣни зажалъ между своими колѣнями. Черезъ какихъ-нибудь десять минутъ въ воздухѣ начали летать различные предметы...

Онъ минуту помолчалъ, потомъ началъ снова.

— Первый же вечеръ произвелъ на меня такое впечатлѣніе, что я рѣшился продолжать опыты; на этотъ разъ уже я упрашивалъ Андрея Ивановича собраться еще нѣсколько разъ подъ-рядъ. Между нами было такое согласіе, что явленія съ каждымъ разомъ усложнялись и дѣлались все поразительнѣе и поразительнѣе. Надо замѣтить, что въ этихъ явленіяхъ вообще трудно уловить логическую связь и установить общій законъ; но, однако, при всей ихъ капризности, въ нихъ существуетъ извѣстная послѣдовательность. Сначала начинаются явленія динамическія: вертится столъ и стучитъ; это самое простое; потомъ начинается, по желанію присутствующихъ, измѣненіе вѣса стола, перелетъ предметовъ изъ одного мѣста въ другое; послѣ этого, а иногда и одновременно, ощущается прикосновеніе чьихъ-то рукъ. Мы самымъ строжайшимъ образомъ провѣряли другъ друга и, тѣмъ не менѣе, руки, самыя настоящія руки, съ пятью пальцами, теплыя, а иногда и холодныя, быстро прикасались къ нашему тѣлу, съ неуловимою скоростью мѣняя мѣсто въ пространствѣ.

— Неужели вамъ не было страшно?—спросилъ я.

— Очень было страшно; въ особенности первое прикосновеніе наводитъ ужасъ... Сначала я такъ испугался и растерялся, что черезъ нѣсколько минутъ мы принуждены были прекратить сеансъ. Я не могъ

переносить болѣе... Потомъ я постепенно привыкъ, хотя долго еще испытывалъ особую тревогу, даже тогда, когда я только приступалъ къ опытамъ. Послѣ динамическихъ, начались явленія высшаго порядка. Появился свѣтъ, а вмѣстѣ съ нимъ видимые предметы, непонятно откуда являющіеся. Напримѣръ: въ углу стояли цвѣты и вдругъ среди листьевъ загорался свѣтъ; онъ то свѣтилъ, то потухалъ, затѣмъ опять начиналъ мерцать, какъ бы собираясь съ силами, и, наконецъ, надъ цвѣтами подымался свѣтовой шаръ. Этотъ шаръ незамѣтно мѣнялъ мѣста: то онъ тутъ, то онъ тамъ; при этомъ онъ мѣнялъ и цвѣтъ: то былъ бѣлесоватый, то розовѣлъ, то зеленѣлъ, то принималъ блѣдно-синеватый отблескъ, и, странное дѣло, при этомъ послѣднемъ цвѣтѣ я испытывалъ наибольшую душевную тревогу. Я иногда вскрикивалъ: «Видите, видите!»...

Григорій Григорьевичъ замолчалъ на минуту и нервно закурилъ папиросу.

III.

По мѣрѣ разсказа, взглядъ Григорія Григорьевича принималъ особое странное выраженіе... Нѣчто подобное я видѣлъ въ глазахъ одного вертящагося дервиша въ Константинополѣ, когда онъ совершалъ свой странный обрядъ: въ глубинѣ ихъ зрачковъ, такъ мнѣ казалось, свѣтился какой-то странный, ужасно далекій огонь, и огонь этотъ напоминалъ мнѣ тотъ, который носится надъ могилами въ темную тихую ночь... И въ голосѣ его мнѣ слышалось нѣчто осо-

бенное. Сначала онъ велъ свой разсказъ хотя серьезно, но спокойно, но потомъ его рѣчь приняла интонацію странную, торжественную, какъ будто онъ читалъ страницы изъ какой-то священной книги... Постепенно хаосъ необъяснимыхъ мыслей и чувствъ зарождался въ моемъ мозгу и охватывалъ его подобно крѣпкому куренію въ таинственномъ языческомъ храмѣ...

— Въ чемъ же состояли дальнѣйшія явленія?

— А вотъ слушайте. Потомъ стали являться въ нѣжныхъ, колеблющихся хлопьяхъ свѣта чьи-то руки, нѣжныя, прозрачныя, съ тонкими, точно выточенными пальцами, которыя носились въ воздухѣ, трогали насъ, таяли и замѣнялись новыми. Иногда мелькали въ воздухѣ отдѣльныя части лица, складки одежды; какъ будто «ему», если хотите назовемъ, духу, было крайне трудно собраться въ полную человѣческую форму. Казалось, онъ томился такъ же, какъ и мы, и, наконецъ, ему это удалось. Однажды въ той полутьмѣ, въ которой происходили сеансы, появился сѣрый волнующійся столбъ, который постепенно принялъ видъ человѣческой фигуры. Затѣмъ духи,—еще разъ уговоримся ихъ такъ называть,—какъ будто къ намъ привыкли и стали проявляться все яснѣе и яснѣе и, наконецъ, стали намъ совершенно видимы. Единовременно появились и звуки: то какъ будто около насъ ходилъ кто-то въ сапогахъ, то въ туфляхъ, то босикомъ; иногда раздавались голоса, произносившіе безсвязныя слова, короткія фразы; звуки этихъ голосовъ были рѣзки, подобны возгласамъ опасно больныхъ въ состояніи бреда. Кромѣ того, они не слышались оттуда, гдѣ являлся духъ, а какъ-то со стороны...

— Сначала, пока я не привыкъ, продолжалъ Григорій Григорьевичъ, эти голоса меня очень пугали. Вотъ что случилось со мной послѣ одного изъ такихъ сеансовъ. Возвращаюсь я домой, раздѣваюсь и ложусь въ постель. Только что я потушилъ свѣчу, какъ на меня вдругъ кто-то навалился... Сознавая, что это духъ, я воскликнулъ. «Что ты, что ты, оставь меня!» и перекрестился; тогда онъ меня оставилъ. На слѣдующую ночь что-то застучало въ стѣнѣ, потомъ задвигался стаканъ съ водой на моемъ ночномъ столикѣ, и кто-то положилъ мнѣ руку на грудь. Я опять помолился, и все исчезло. Съ тѣхъ поръ это болѣе не повторялось...

— Вы давеча сказали, спросилъ я, что духи стали къ вамъ являться во весь ростъ. Что же это такое было?

— А вотъ вамъ наиболѣе поразительный случай. Это было въ іюнѣ... Вы помните, Андрей Ивановичъ, какъ «онъ» къ вамъ явился?

— Помню. Но они его видѣли лучше меня. Я былъ въ состояніи полузабытья, такъ сказать, полутранса...

— Такъ какъ въ началѣ іюня ночи совсѣмъ свѣтлыя, то мы спустили портьеры на окнахъ. Я сидѣлъ, приблизительно, вотъ такъ, а влѣво отъ меня было окно. Вдругъ «онъ» явился между мной и окномъ, очень близко... Онъ имѣлъ формы человѣка и довольно высокаго роста. Онъ былъ строенъ и отъ его плечъ до полу падала широкими складками одна непрерывная, сплошная бѣлая одежда, изливавшая какой-то тихій свѣтъ, какъ будто подъ нею что-то горѣло.

— И вы его хорошо разглядѣли?

— Да, я его хорошо разглядѣлъ. Я сидѣлъ за столомъ и, не отнимая отъ него рукъ, наклонился

въ сторону призрака. На немъ было что-то въ родѣ сандалій и широкій серебрящійся поясъ... Лицо было очень правильное, съ бородой. Но я его разглядѣлъ не сейчасъ. Онъ стоялъ совершенно неподвижно, ни одна складка на немъ не шевелилась и голова была приподнята такъ, какъ будто онъ смотрѣлъ въ уголъ потолка. Затѣмъ «онъ» исчезъ. Мы были всѣ очень возбуждены, и кто-то изъ насъ сказалъ: «Покажись, пожалуйста, еще разъ». Когда эта просьба была повторена, «онъ» опять явился около самаго окна. Портьера съ одного края приподнялась и на него упалъ цѣлый снопъ лучей восходящаго солнца... Былъ уже четвертый часъ утра. «Онъ» простоялъ такъ нѣсколько секундъ, бокомъ къ намъ, и затѣмъ исчезъ. Лицо его было очень блѣдно, какъ будто безкровное; черты правильныя и нѣсколько восточнаго характера. Глаза «его» были какъ-то безучастно и неподвижно устремлены по направленію солнечныхъ лучей...

— Какъ все это странно!—сказалъ я.

— Въ томъ, что я вамъ разсказалъ теперь въ краткихъ чертахъ,—продолжалъ Григорій Григорьевичъ,—въ сущности говоря, заключается вся исторія моего обращенія, которымъ я обязанъ Андрею Ивановичу. Къ сожалѣнію, онъ послѣдніе года два почти совсѣмъ прекратилъ свое участіе въ сеансахъ...

— Это вѣрно,—прервалъ Андрей Ивановичъ, — я бросилъ спиритизмъ по многимъ причинамъ; между прочимъ, потому, что потерялъ всякую надежду пролить на него хоть какой-нибудь лучъ свѣта.

— Я же остался гораздо болѣе постояннымъ и убѣжденнымъ. Я завязалъ знакомства съ нѣсколькими

кружками образованныхъ людей, ищущихъ жадно истины, и продолжалъ посѣщать и устраивать сеансы. Я многое видѣлъ, многое испыталъ, запасъ моихъ наблюденій увеличивается съ каждымъ разомъ... У меня зародилась надежда, что, быть можетъ, я удостоюсь, наконецъ, быть свидѣтелемъ чего-нибудь такого, что просвѣтитъ меня окончательно.

— Почему вы употребили слово: «удостоиться»?

— Потому что, благодаря спиритизму, въ моемъ духовномъ мірѣ произошелъ большой переворотъ. Я ищу въ немъ прибѣжища и утѣшенія; я сталъ «вѣрующимъ». Что бы я ни дѣлалъ, гдѣ бы я ни находился, часть моихъ чувствъ, если можно такъ выразиться, всегда остается въ связи съ этимъ таинственнымъ міромъ, а это мнѣ напоминаетъ о Богѣ. Я хорошо знакомъ съ X. (онъ назвалъ имя извѣстнаго спирита), но въ извѣстныхъ отношеніяхъ я его не одобряю. Въ своей непреклонности и въ желаніи завербовать какъ можно больше адептовъ, онъ не пренебрегаетъ никакими средствами. Ему, напримѣръ, ничего не стоитъ обмануть... Вотъ до чего доводитъ фанатизмъ! Вѣдь это такая же крайность, какъ и атеизмъ?.. Я этого никакъ не могъ и не могу понять, и считаю, что такіе пріемы могутъ только подорвать въ конецъ довѣріе къ спиритическимъ явленіямъ. И такъ уже наша работа походитъ на трудъ Сизифа. Съ величайшимъ трудомъ мы тащимъ этотъ таинственный камень по невѣдомому скату вверхъ; тащимъ, тащимъ и вершины-то не видимъ, а только надѣемся, что за нею блеснетъ отрадный свѣтъ, и вдругъ онъ вырывается изъ рукъ и опять начинай сначала.

— Да развѣ вы придаете спиритическимъ явленіямъ духовное происхожденіе?

— Не хочу отвѣчать утвердительно, но разскажу вамъ одинъ эпизодъ, который разъяснитъ вамъ мой взглядъ на этотъ предметъ...

IV.

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, — продолжалъ Григорій Григорьевичъ,—умерла одна дама, съ которой я былъ очень друженъ, и смерть ея была для меня большою утратой. Это было еще до того, какъ я сдѣлался спиритомъ, и, когда она умерла, я подумалъ, что ея болѣе нѣтъ и что тѣ частицы, изъ которыхъ она состояла, разнеслись по этому скучнѣйшему изъ міровъ и никогда болѣе не соберутся въ ту же самую форму. Что можетъ быть печальнѣе и безотраднѣе такого сознанія! Послѣ поразительныхъ явленій, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, мои взгляды коренннымъ образомъ измѣнились. Я все чаще и чаще сталъ ее вспоминать и, такъ какъ въ сеансахъ, въ которыхъ я принималъ участіе, несмотря на мое тайное желаніе, она не только ни разу мнѣ не являлась, но даже ничѣмъ не дала знать о своемъ невидимомъ присутствіи, то я рѣшился это устроить какимъ-нибудь инымъ путемъ. Главное дѣло, надо было достать сильнаго медіума, такъ какъ я зналъ, что въ ихъ присутствіи нѣтъ необходимости составлять цѣпь. Наконецъ, то, что я желалъ, случилось. Всѣ обстоятельства сложились чрезвычайно благопріятно. Моя жена съ сыномъ уѣхали на праздники въ Москву къ тещѣ, и я оста-

вался совершенно одинъ; прислуга помѣщалась въ другомъ концѣ квартиры, очень далеко отъ моего кабинета. Въ одномъ обществѣ я познакомился съ медіумомъ, котораго и упросилъ посвятить мнѣ нѣсколько вечеровъ. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, худощавый, блѣдный и вялый на видъ; но въ его взглядѣ было что-то такое, что пробуждало во мнѣ надежду, что желаемое свершится... Въ одномъ углу моего кабинета есть ниша съ раздвигающейся занавѣской. Я туда поставилъ глубокое кресло и усадилъ въ него моего медіума. Самъ же я сѣлъ недалеко отъ него за столикомъ и мысленно сосредоточился на своемъ желаніи. Въ двухъ наиболѣе удаленныхъ углахъ кабинета горѣли лампы съ абажурами, и было довольно свѣтло. На дворѣ стояла темная, морозная ночь... (Это было въ декабрѣ въ 188* году)... Медіумъ за занавѣской сначала тяжело хрипѣлъ, а потомъ успокоился. Все было тихо. Я просидѣлъ битыхъ два часа, но никто не являлся. Наконецъ, въ началѣ второго часа ночи занавѣска стала колыхаться, какъ будто кто-то силился ее приподнять; колыхнулась нѣсколько разъ, потомъ какъ-то безпомощно упала и больше уже не шевелилась. Тогда я спросилъ столъ, могу ли я надѣяться, что она явится, и столъ мнѣ отвѣтилъ: «сегодня нельзя, приходи завтра»... Мы сговорились сойтись на слѣдующій вечеръ. На этотъ разъ медіумъ долго не засыпалъ, но черезъ четверть часа послѣ того, какъ онъ впалъ въ трансъ, край занавѣски приподнялся, и я увидалъ высокую сѣрую фигуру, точно вылѣпленную изъ глины. Она постояла нѣсколько мгновеній и исчезла. Я положилъ руки на столъ и опять спросилъ: «покажется ли она еще

разъ», и получилъ отвѣтъ, что «на сегодня довольно» и чтобы я приходилъ завтра.

На третій разъ мой медіумъ казался еще болѣе утомленнымъ, чѣмъ наканунѣ, и мнѣ даже стоило не мало труда уговорить его прійти. Это происходило наканунѣ Рождества. Цѣлый день я былъ въ разъѣздахъ, обѣдалъ гдѣ-то въ гостяхъ, но мысль о предстоящемъ меня не покидала... Къ вечеру поднялась вьюга, меня уговаривали немного переждать, но что-то меня толкало скорѣе домой... Медіумъ нѣсколько опоздалъ и пришелъ около полуночи. Онъ почти ничего не говорилъ и дрожалъ отъ холоду. Онъ показался мнѣ еще блѣднѣе и худѣе обыкновеннаго. Я ему далъ нѣсколько отогрѣться и затѣмъ повелъ его на мѣсто. На этотъ разъ онъ не сѣлъ, а скорѣе упалъ въ кресло, поблѣднѣлъ и впалъ въ трансъ. Я сѣлъ за свой столикъ и уставился въ занавѣску. Прошло какихъ-нибудь десять минутъ и... оттуда вышла женщина и остановилась въ шагахъ четырехъ передо мной. Это была «она», съ ея чертами лица, во всѣхъ краскахъ, въ томъ самомъ платьѣ, въ которомъ я привыкъ ее видѣть въ послѣднее время... Она простояла передо мной совершенно неподвижно и безмолвно нѣсколько секундъ и затѣмъ скрылась за занавѣской.

Не сумѣю вамъ сказать, что я испыталъ въ это время; я не помню... но, когда она исчезла, я весь обратился въ непреодолимое желаніе увидѣть ее вторично... «Еще разъ покажись, говорилъ я, глядя туда; покажись еще разъ, прошу тебя!»... Чѣмъ болѣе усиливалось желаніе, тѣмъ болѣе вздувалась занавѣска... и вдругъ, не помню какъ, она отвернулась вся и я

увидалъ такую картину. Медіумъ глубоко спалъ, раскинувшись въ креслѣ, а она стояла позади его, какъ будто на какомъ-то возвышеніи, круто загнувъ голову лицомъ къ потолку, и черезъ нѣсколько секундъ ушла вся, какъ дымъ, въ голову медіума...

Григорій Григорьевичъ нервнымъ взмахомъ руки показалъ, какъ «она» исчезла и на мгновеніе задумался...

— Занавѣска упала. Я сталъ просить ее явиться въ третій разъ, но на это неизвѣстно кому принадлежащій голосъ мнѣ отвѣчалъ: «Больше ничего нельзя... Проси Бога: молись Ему и, можетъ быть, Онъ тебѣ откроетъ то, чего ты такъ много желаешь...» Тогда я разбудилъ медіума. Онъ былъ весь въ поту и казался страшно измученнымъ.

— И вы думаете, спросилъ я, что это была «она»?... Такъ сказать, ея духъ?

— Вотъ въ этомъ-то и дѣло, въ этомъ-то и величайшая задача! Чтобы убѣдить меня въ томъ, что это явленіе имѣло духовное происхожденіе, надо было, чтобы она заговорила, а она молчала: а голосъ, который я слышалъ, раздавался изъ-за занавѣски и на ея голосъ не походилъ. Вотъ, если бы мнѣ удалось этого достигнуть, я бы считалъ это величайшею «милостью»... Для меня былъ бы разрѣшенъ страшный вопросъ о смерти... Я все-таки вѣрую, я глубоко вѣрую, но у меня есть какое-то сомнѣніе... И Ѳома вѣдь сомнѣвался... Не смерть, смерти я уже не боюсь, а меня смущаетъ «умираніе»... Вотъ въ чемъ вопросъ... Какъ изъ одного положенія, изъ одной оболочки, человѣкъ переходитъ въ другое?.. «Они» одни могутъ только объяснить это...

Послѣ этого Андрей Ивановичъ сталъ дополнять разсказъ Григорія Григорьевича нѣкоторыми подробностями о спиритизмѣ, и разговоръ опять сдѣлался общимъ. Говорили о томъ, что духи иногда приносятъ съ собою разные предметы, главнымъ образомъ, цвѣты. Говорили также, что изъ медіума въ состояніи транса иногда исходило какое-то «существо», которое въ его же формахъ, т. е. медіума, могло являться единовременно въ другомъ мѣстѣ... Вслѣдствіе общаго разговора въ столовой стало шумнѣе; слушая ихъ и вдумываясь въ ихъ разсужденія, я въ то же время испытывалъ странное раздвоеніе мысли. Съ одной стороны, я старался объяснить себѣ болѣе или менѣе правдоподобно невозможныя явленія, о которыхъ мнѣ разсказывали, и душевное состояніе разсказчиковъ; съ другой стороны, возбужденное воображеніе рисовало мнѣ нѣчто невозможное и дикое... Фантастическая струна зазвенѣла въ моей душѣ, странные образы слетѣлись на этотъ призывъ и передъ моимъ духовнымъ взоромъ развертывалась совсѣмъ другая волшебная картина...

V.

— Все то, что мы вамъ передали,—сказали Андрей Ивановичъ,—вамъ кажется, конечно, невѣроятнымъ; но если бы мы оба положили свои руки на ваши и вдругъ пятая васъ бы коснулась, повѣрили ли бы вы?

Я отвѣчалъ, что это зависѣло бы отъ обстоятельствъ...

— Если бы мною завязанный узелъ на веревкѣ развязался въ моихъ рукахъ, я бы еще повѣрилъ...

— Для медіума все возможно,—сказалъ Григорій Григорьевичъ,—онъ дѣйствуетъ въ непонятной намъ области...

— Но не будемъ, однако, терять времени,—добавилъ онъ,—мы всѣ трое одинаково настроены, и я увѣренъ, что мы что-нибудь увидимъ. Вы согласны сѣсть?

Откровенно сказать, именно потому, что я былъ «настроенъ», мнѣ хотѣлось отклонить опытъ до слѣдующаго раза, но искушеніе было еще сильнѣе и продолжало вести меня по этому фантастическому пути. Мы встали и пошли въ другую комнату. На часахъ пробило полночь...

Комната, въ которую мы вошли, была нѣсколько менѣе столовой и освѣщалась однимъ окномъ, заставленнымъ высокимъ экраномъ. Сквозь небольшіе промежутки, между краями экрана и рамы, пробивался слабый свѣтъ бѣлой петербургской ночи, омраченной дождливою погодой. На ломберномъ столикѣ, находившемся у одной изъ стѣнъ, горѣла свѣча. Въ меблировкѣ комнаты не было ничего примѣчательнаго. Большой столъ съ бумагами, нѣсколько шкаповъ со стеклянными и глухими дверцами; въ одномъ углу, на открытой вѣшалкѣ, висѣло завернутое въ простыню платье. Хозяинъ поставилъ по серединѣ небольшой четырехъугольный столъ и три стула и сказалъ:

— Ну что-жъ, господа, можно садиться?

— Да, сядемте, сядемте,—отвѣчалъ Григорій Григорьевичъ съ нервной торопливостью.

Я сѣлъ противъ Григорія Григорьевича. Андрей Ивановичъ затушилъ свѣчу и сѣлъ сбоку.

Было настолько темно, что, несмотря на небольшіе размѣры стола, я не видѣлъ сидѣвшаго напротивъ меня Григорія Григорьевича.

— Что же вы не даете ваши руки?—спросилъ я его.

— Обождите,—отвѣчалъ онъ изъ темноты.—Я молюсь... Помолитесь и вы; помните, къ какому страшному дѣлу вы приступаете!..

Я не могъ удержаться отъ раздраженія при этихъ словахъ...

— Не примѣшивайте Бога,—возразилъ я ему; — мнѣ кажется, что Богъ тутъ не при чемъ. Оставимъ Его въ покоѣ.

— Я всегда молюсь... отвѣчалъ онъ и положилъ свои руки на мою.

Руки Андрея Ивановича скоро похолодѣли и стали едва замѣтно вздрагивать. Всѣ мы молчали, погрузившись каждый въ свои мысли. Медленно шла минута за минутой...

Хотя мои глаза и освоились нѣсколько съ темнотой, но все-таки я видѣлъ очень мало. Очертаніе неподвижныхъ предметовъ сливалось съ темнотой и опредѣлить точныя границы каждаго изъ нихъ было трудно; въ темнотѣ всегда кажется, что онѣ перемѣщаются то въ одну, то въ другую сторону.

Все было тихо и даже самый легкій скрипъ не нарушалъ тишины. Даже дыханіе моихъ товарищей едва было слышно. Наконецъ, въ комнатѣ стало темнѣе. Отчего это произошло, не знаю, но знаю только, что изо всѣхъ окружающихъ предметовъ я сталъ различать съ трудомъ только бѣлое пятно простыни. Это была та фантастическая темнота, на фонѣ кото-

рой воображеніе рисуетъ всевозможныя картины, одну причудливѣе другой, гдѣ нѣтъ ни начала, ни конца, потому что взоръ дѣлается безсильнымъ найти ихъ. Осязаніе и въ особенности слухъ становятся особенно чувствительны и ловятъ такія ощущенія, которыя при свѣтѣ были бы незамѣтны.

Иногда, вслѣдствіе напряженія взгляда, передо мной мелькали тонкіе свѣтлые круги, которые тотчасъ же и исчезали,—явленіе обычное въ темнотѣ.

Прошло болѣе часа... Андрей Ивановичъ нѣсколько разъ тяжело вздыхалъ, руки его нервно вздрагивали... Тогда я, съ согласія обоихъ, перемѣнилъ положеніе рукъ и положилъ ихъ сверху. Прошло еще около получасу. Отъ напряженнаго вниманія и волненія я началъ чувствовать усталость...

Вдругъ что-то тихо заскрипѣло и застучало.

— Кажется, начинается,—сказалъ Григорій Григорьевичъ.

Никто не отвѣчалъ... Я встрепенулся, съ усиліемъ сбросилъ овладѣвшую мною усталость, съ твердой рѣшимостью бороться противъ охватившихъ меня ощущеній и не принять какое-нибудь простое явленіе за сверхъестественное. Ощущенія эти невидимымъ кольцомъ носились вокругъ меня въ окружающей тьмѣ, и это кольцо становилось все уже и уже... Я уже слабо боролся; желаніе ничего не испытывать и ничего не видѣть все болѣе и болѣе побѣждалось роковымъ стремленіемъ къ таинственному, неизвѣданному; эта тьма притягивала меня, какъ болото засасываетъ неосторожнаго путника... Прошло еще полчаса... Еще минута и... Но Андрей Ивановичъ всталъ и сказалъ:

— Я думаю, что довольно. Вы, вѣроятно, утомились для перваго раза; да и врядъ ли сегодня что-нибудь бы вышло.

— Досадно,—сказалъ Григорій Григорьевичъ.

И когда зажгли свѣчу, то я по лицу его убѣдился, что ему дѣйствительно было досадно. Мы вышли опять въ столовую, и я вздохнулъ съ облегченіемъ.

Григорій Григорьевичъ обвинялъ хозяина въ неудачѣ сеанса.

— Вы недостаточно сосредоточивались,—сказалъ онъ.—Сегодня всѣ мы были такъ настроены, что навѣрное что-нибудь бы вышло.

— Я дѣйствительно виноватъ,—сказалъ Андрей Ивановичъ.—Я чувствовалъ, что впадаю въ особенное состояніе, но удерживался отъ этого. Я боялся, чтобы мои движенія въ состояніи транса не произвели непріятнаго впечатлѣнія на нашего гостя.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы сидѣли два часа? — раздраженно спросилъ Григорій Григорьевичъ.

— И то правда... Однимъ словомъ, мнѣ не хотѣлось, а почему, не сумѣю объяснить...

— Не думайте, чтобы эта неудача подорвала во мнѣ довѣріе къ вашей искренности,—сказалъ я.— Вопросъ останется открытымъ...

— Да онъ и для насъ еще не разрѣшенъ, сказалъ Андрей Ивановичъ.—А въ нашей неудачѣ нѣтъ ничего удивительнаго. Первый сеансъ обыкновенно рѣдко удается. Во всякомъ случаѣ, вы теперь уже знаете, что такое спиритизмъ изъ нашихъ разсказовъ. На другой или третій разъ вы уже убѣдитесь изъ опыта...

Мы простились съ хозяиномъ и вышли съ Григоріемъ Григорьевичемъ на улицу. Несмотря на позднюю ночь, онъ проводилъ меня до Гостинаго двора. Онъ былъ не въ духѣ и сказалъ:

— Теперь ужъ этого я такъ оставить не могу. Осенью я съ вами увижусь, и мы повторимъ сеансы. Тогда вы убѣдитесь на дѣлѣ, что все, что я вамъ сообщилъ, есть истинная правда...

На этомъ мы разстались. На этомъ собственно и кончились всѣ таинственныя приключенія; быть можетъ, даже къ неудовольствію и разочарованію читателя. Мнѣ остается только дополнить мой разсказъ тѣми отрывистыми разсужденіями, которыя мнѣ пришли въ голову, когда я, разставшись съ Григоріемъ Григорьевичемъ, шелъ домой...

VI.

...Послѣднія капли дождя лѣниво падали на опустѣлые тротуары и на ставни закрытыхъ магазиновъ. Кромѣ дежурныхъ городовыхъ никого не было видно; изрѣдка проѣзжали извозчичьи дрожки съ запоздалыми сѣдоками; тускло свѣтились часы на думской башнѣ; было сыро и какъ-то безпріютно. Часть неба очистилась отъ тучъ и чуть замѣтные розоватые лучи поднимающагося солнца примѣшались къ бѣлесоватому свѣту полярной ночи. Нѣкоторые иностранные писатели, побывавшіе въ Петербургѣ, восторгаются этими необычайными для южанина ночами. И нашъ великій Пушкинъ въ своемъ «Мѣдномъ Всадникѣ» посвящаетъ имъ нѣсколько очаровательныхъ строкъ:

...Люблю
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный...

Я родился и подолгу жилъ въ странахъ, гдѣ бѣлыхъ ночей нѣтъ, и до сихъ поръ не могу привыкнуть къ ихъ «прозрачному сумраку». Что-то болѣзненное, раздражающее чувствуется мнѣ въ этомъ трепещущемъ, извивающемся свѣтѣ. Мнѣ кажется, что ночная тьма создана для того, чтобы дать возможность людямъ скрывать то, что они не сдѣлали бы днемъ; а въ этомъ бѣлесоватомъ свѣтѣ становится какъ-то томительно и стыдно бываетъ взглянуть въ лицо человѣку... Въ такія ночи сонъ бѣжитъ отъ меня, взоръ чего-то ищетъ, самъ не знаю чего, уши прислушиваются къ отдаленнымъ звукамъ, къ болѣзненному трепету природы, зарождающей тысячи новыхъ жизней, и хочется что-то сказать такое, къ чему и не подберешь словъ; а сердце бьется уныло, нерадостно...

Подъ вліяніемъ этой бѣлой ночи, мнѣ пришла мысль, что у насъ исканіе чудеснаго и невѣроятнаго должно было проявиться болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, въ видѣ спиртизма, потому что въ такого рода общеніи съ волшебнымъ отражается наша природа. Въ спиритизмѣ все какъ-то безсвязно, тускло и болѣзненно. Начинается съ ничтожнаго, а затѣмъ переходитъ къ настоящимъ видѣніямъ, загадочнымъ созданіямъ нашего воображенія. И въ этихъ видѣніяхъ, предательски измѣнчивыхъ, свѣтящихся бѣлесоватымъ свѣтомъ нашихъ полярныхъ ночей, спириты ищутъ Божества...

Подходя къ дому, я все думалъ о своихъ собесѣдникахъ, о томъ, были ли они искренни, точно ли они

видѣли то, что описывали, и рѣшилъ, что да... Я рѣшился имъ повѣрить. Если я вѣрю въ обманъ намѣренный, то я также вѣрю въ обманъ чувствъ, а также и въ злое начало, откуда бы оно ни шло, потому что не усматриваю разницы между дьяволомъ и необъяснимой болѣзнью души, такъ какъ и то и другое намъ совершенно неизвѣстно. Шопенгауеръ, котораго называютъ отцомъ пессимизма нынѣшняго вѣка, въ своей статьѣ о вмѣшательствѣ судьбы въ жизнь человѣка приводитъ цѣлый рядъ чудесныхъ случаевъ; не прилагая къ нимъ точнаго метода сужденія, онъ сравниваетъ размышленія о нихъ съ нащупываніемъ въ темнотѣ чего-то неопредѣленнаго...

Раздумывая, такимъ образомъ, я вспомнилъ одного французскаго физіолога, съ которымъ познакомился лѣтъ пятнадцать тому назадъ на югѣ Франціи. Онъ старался объяснить нѣкоторыя видѣнія особеннымъ раздраженіемъ мозга, вслѣдствіе продолжительнаго сидѣнія на одномъ мѣстѣ и напряженнаго сосредоточенія мысли, да еще и въ темнотѣ, на томъ, что невозможно. Общность галлюцинацій онъ объяснялъ заразительностью этой болѣзни. Въ его объясненіяхъ были нѣкоторыя противорѣчія, но тѣмъ не менѣе они мнѣ показались заслуживающими вниманія. «Вы, конечно, читали», говорилъ онъ мнѣ,—«о видѣніяхъ отшельниковъ. Послѣ извѣстнаго промежутка времени ихъ обыкновенно начинаетъ искушать дьяволъ, окружая ихъ привидѣніями, то поразительно ужасными, то полными изступленнаго сладострастія. Представьте себѣ, что это обыкновенно случалось ночью, въ мрачной холодной лачугѣ, а то и въ пещерѣ, вдали отъ людей, и вы

согласитесь, что ужъ эта обстановка сама по себѣ не обѣщала ничего добраго. Въ такія ночи отшельникъ, умерщвляя свою плоть, простаиваетъ на колѣняхъ цѣлые часы, находясь, такимъ образомъ, въ угнетенномъ и напряженномъ состояніи. Остальное понятно... Видѣнія прокрадываются въ бѣдную келью, и когда ужасъ достигаетъ своего апогея, онъ начинаетъ страстно и горячо молиться, и нечистая сила исчезаетъ, пораженная въ прахъ просвѣтленнымъ духомъ. Вы, конечно, скажете, что онъ молился и тѣ долгіе часы, когда стоялъ на колѣняхъ? Можетъ быть. Но это была холодная молитва тѣла, а не духа, потому что истинная молитва всегда коротка и идетъ прямо изъ глубины души».

Вотъ почему я и допускалъ, уже поднимаясь по лѣстницѣ своего дома, что на второй, а можетъ быть и на третій сеансъ я тоже могъ сдѣлаться свидѣтелемъ странныхъ явленій, такихъ же болѣзненныхъ, какъ наши полярныя ночи, и рѣшился не повторять болѣе этого опаснаго опыта... Пусть являются духи, если это надо, но только не я ихъ буду вызывать... Я остановился на порогѣ спиритизма, на которомъ, быть можетъ, какъ на воротахъ Дантовскаго ада начертано: «Оставьте всякую надежду всѣ сюда входящіе».

1893 г.

СЪ ВЕЧЕРНИМЪ ПОѢЗДОМЪ.

Петрова задержали кое-какія дѣла въ редакціи одного журнала въ Петербургѣ, и онъ возвращался къ себѣ на дачу поздно вечеромъ съ пассажирскимъ поѣздомъ.

Въ вагонѣ было очень немного проѣзжающихъ, да и тѣ, что были, повылѣзли на первыхъ же станціяхъ. Такъ какъ ему оставалось ѣхать еще часа два слишкомъ, а читать газеты было уже поздно, то онъ и рѣшилъ устроиться поудобнѣе и если не заснуть, то по крайности основательно подремать. Вытянувъ наискосокъ ноги на противоположный диванъ и закрывъ глаза, онъ сталъ обдумывать повѣсть на тему изъ фабричнаго быта, на три, на четыре печатныхъ листа. Въ дорогѣ онъ поступалъ всегда такъ: когда хотѣлъ не спать, то обдумывалъ статью по какому-нибудь общественному или литературному вопросу, подбирая непріятности по адресу противниковъ; въ противномъ же случаѣ—повѣсть или романъ, такъ какъ это всегда нагоняло на него сонъ...

Какъ онъ ожидалъ, такъ и случилось; изъ его обдумыванія ничего не выходило, нить мыслей между тѣмъ постепенно порвалась, и онъ незамѣтно задре-

малъ. Въ такомъ состоянiи онъ находился, однако, недолго; стукъ выходной двери заставилъ его вздрогнуть и открыть глаза.

Въ проходѣ около него стоялъ господинъ ростомъ выше средняго и лѣтъ тридцати слишкомъ, въ мягкой фетровой шляпѣ и въ длинномъ черномъ пальто. Замѣтивъ, что Петровъ не спитъ, онъ дотронулся до края шляпы и сказалъ:

— Извините!.. Нѣтъ ли у васъ спичекъ? Забылъ захватить съ собою, а курить безумно хочется...

При этихъ словахъ на лицѣ Петрова выразился испугъ: этотъ голосъ и эта фигура ему напомнили Волховского, котораго почему-то онъ считалъ умершимъ...

— Это не вы ли Волховской?—спросилъ онъ нерѣшительно, вынимая изъ кармана коробку шведскихъ спичекъ въ старомъ серебряномъ футлярчикѣ.

При этомъ вопросѣ, Волховской, — такъ какъ это былъ онъ,—сдѣлалъ невольное движенiе назадъ, какъ будто не желая быть узнаннымъ, но затѣмъ, такъ же быстро поборовъ это чувство, отвѣчалъ: «Да; это—я», и, сѣвъ напротивъ Петрова, устремилъ на него взглядъ своихъ большихъ сѣрыхъ глазъ, которые какъ-то болѣзненно блестѣли изъ-подъ надвинутой на нихъ шляпы.

— Что вы на меня такъ странно смотрите,—сказалъ Петровъ,—какъ будто вы меня не узнаете?

— Ну вотъ еще; конечно, я васъ узналъ: вы Василiй Васильевичъ Петровъ...

— Слава тебѣ Господи! А то ужъ я начиналъ думать, что вы—не вы... Вотъ ужъ не ожидалъ васъ встрѣтить! Признаться сказать, мы уже думали, что

вы умерли... Вѣдь вы не мертвецъ, не порожденіе ада, пришедшее меня смущать въ вагонѣ?—пошутилъ Петровъ.

— Нѣтъ, я живъ еще... Если бы я въ заправду умеръ, то вы, конечно, первый бы написали мой некрологъ.

— Ну, отчего же—первый?—Можетъ быть и вовсе не написалъ бы... Я вѣдь некрологами не занимаюсь...

— Я вижу, вы не перемѣнились!.. Вы все тотъ же и считаете ниже вашего достоинства написать некрологъ о маленькомъ писателѣ... Вы считаете, что это дѣло репортеровъ, но вѣдь и изъ репортеровъ выходятъ иногда геніальные люди...

— Ну, да и вы, какъ посмотрю, тоже не измѣнились,—возразилъ немного задѣтый Петровъ;—вы, кажется, все еще надѣетесь проснуться въ одинъ прекрасный день геніемъ... Однако, въ ожиданіи этого событія, скажите, пожалуйста, вѣдь вы, кажется, года три назадъ сильно заболѣли?

— Не кажется, а даже навѣрно...

— Что же потомъ съ вами случилось?

— Какъ видите, не то, что вы думали: я не умеръ, а просто уѣхалъ изъ Петербурга.

— Любовь?

— Можетъ быть... А можетъ быть и нѣтъ...

— Вы всегда были не въ мѣру чувствительны и каждую пустую интрижку раздували въ цѣлаго слона... Гмм... Такимъ образомъ вы, значитъ, путешествовали... Гдѣ же: заграницей?

— Отчасти... Теперь я ѣду въ направленіи противоположномъ тому, которому обыкновенно слѣдуютъ; на Одессу, Константинополь и Аѳины и такъ далѣе...

— Зачѣмъ же вы ѣдете съ пассажирскимъ поѣздомъ?

Въ задумчивыхъ глазахъ Волховского пробѣжало что-то тревожное, и онъ скороговоркой отвѣчалъ:

— Дѣло въ томъ, что тутъ по дорогѣ мнѣ еще кое-гдѣ надо вылѣзать... по одному дѣлу...

Петровъ по натурѣ принадлежалъ къ числу людей, которые любятъ почему-то все выяснить, даже то, что совершенно до нихъ не касается, и поэтому сталъ выспрашивать у своего спутника, не въ Бологомъ ли ему надо слѣзать, а если не въ Бологомъ, то гдѣ именно? Но эти нескромные вопросы остались безъ отвѣта... Волховской жадно курилъ папиросу и не отвѣчалъ...

Такъ какъ онъ откинулся назадъ, то Петровъ могъ теперь болѣе ясно разглядѣть происшедшія въ немъ перемѣны за то время, что онъ его не видѣлъ. Волховской сильно осунулся, носъ заострился; борода, которую онъ прежде подстригалъ акуратно, теперь заросла и потеряла форму; жидкая растительность, до которой, очевидно, рѣдко касались ножницы, покрывала и щеки; его сѣро-зеленоватые глаза глубоко ввалились и къ обычной ихъ выразительности прибавился какой-то безпокойный блескъ... Глядя на него, Петровъ вспомнилъ его первое появленіе на литературномъ поприщѣ, его нервно-веселый и слабый характеръ и его причуды, вспомнилъ, что они были сначала въ добрыхъ отношеніяхъ и какъ потомъ они разошлись вслѣдствіе различія, какъ ему казалось, взглядовъ на общественные вопросы и «художественнаго» отношенія Волховского къ беллетристикѣ, что Петровъ считалъ второстепеннымъ и даже пустымъ дѣломъ.

Нѣсколько минутъ оба молчали, послѣ чего Волховской сказалъ:

— Когда я задумаюсь, сидя въ вагонѣ, то шумъ и грохотаніе поѣзда мнѣ начинаетъ казаться чѣмъ-то особеннымъ... Иногда мнѣ представляется, что вагонъ, колеса, цѣпи, паровозъ,—все это между собою разговариваетъ на своемъ желѣзномъ языкѣ, на очень грубомъ и грозномъ языкѣ... Кажется, какъ будто они сообщаютъ что-то очень тревожное, такъ что даже жутко становится...

Надъ бѣгущимъ поѣздомъ между тѣмъ надвигалась темная, облачная ночь и мимо окна летѣли тысячи яркихъ желтыхъ искръ, выбрасываемыхъ паровозной трубой.

— Вотъ это тоже очень оригинально и красиво, — продолжалъ онъ, нагнувшись къ окну и наблюдая за полетомъ искръ. — Посмотрите, какія крупныя искры! Сотни, тысячи острыхъ огоньковъ на черномъ фонѣ... Летятъ, летятъ и тухнутъ, ничего не освѣщая... Помните, гдѣ-то у Диккенса въ святочномъ разсказѣ или въ сказкѣ Андерсена яркій огонь горитъ въ каминѣ и искры между собою разговариваютъ?

Петровъ улыбнулся съ выраженіемъ нѣкотораго снисхожденія и сказалъ:

— Фантазія! Теперь я вижу, что вы дѣйствительно не умерли...

На лицѣ Волховского вспыхнулъ легкій румянецъ, и онъ живо возразилъ:

— Ну, да, фантазія! Что же изъ этого? Я съ своими фантазіями никому, вѣдь, не мѣшаю...

Петровъ почувствовалъ въ себѣ неожиданно нѣкоторый приливъ добродушія и спросилъ Волховского съ участіемъ въ голосѣ:

— Отчего вы больше ничего не пишете? Писали и вдругъ умолкли!.. Чѣмъ объяснить это «altum silentium»?

— Отчего не пишете? Вотъ это мнѣ нравится! Не вы ли сами критиковали меня?.. Вотъ и выходитъ, что когда пишешь, говорятъ, зачѣмъ пишешь, а когда не пишешь—зачѣмъ молчишь?

— Ну, все-таки вы могли бы писать хотя бы для себя... У васъ же есть потребность?..

— Конечно, есть... Года два назадъ я опять сталъ усиленно работать, но ничего не выходило... Началъ писать романъ, но уже на половинѣ какъ-то разъѣхался, растерялъ своихъ героевъ, сбился съ основной мысли и ничего дальше не пошло. Попробовалъ написать драму—та же исторія! Сочинилъ нѣсколько разсказовъ совершенно реальныхъ, въ современномъ вкусѣ, но и они мнѣ показались такими тусклыми, что я не могъ смотрѣть на нихъ безъ тошноты и всѣ рѣшительно сжегъ... Какъ будто самъ сатана мнѣ заколотилъ голову!..

— Можетъ быть, вамъ это только такъ кажется?

Волховской уныло покачалъ головой...

— Нѣтъ, не кажется... я нарочно себя провѣрялъ: задался темой, написалъ повѣсть и затѣмъ сталъ ее сокращать, чтобы не было ничего лишняго... Сокращалъ, сокращалъ, и что-жъ бы вы думали? Осталось только восемь строкъ, то есть одна тема... Все остальное оказалось лишнимъ! Эту процедуру я повторилъ надъ другою повѣстью, и опять полу-

чилась та же исторія! Каково?.. Для меня стало ясно, что мой талантъ отсырѣлъ, точно старый фейерверкъ... Я понялъ, что у меня еще тлѣютъ внутри искры, да уже не тѣ, а въ родѣ вотъ этихъ, что летятъ изъ паровоза: онѣ тоже ярки, но ничего не освѣщаютъ... Это было мучительно!

Петровъ провелъ рукой по своему большому лбу, потомъ поводилъ пальцами по переносью и, подумавъ, сказалъ:

— Конечно, у васъ талантъ былъ всегда нѣсколько, какъ бы это выразиться, экзотическій... Вы разсказывали хорошо, но большею частью о положеніяхъ исключительныхъ, что и дѣлало большую часть вашихъ работъ, скажемъ рѣзко, безполезными. Кромѣ того, вездѣ у васъ, даже въ лучшихъ мѣстахъ, сколько помню, пробѣгала эдакая струйка ипохондріи, что придавало вамъ характеръ какого-то безразличія, равнодушія... Словомъ, я не могу сейчасъ сразу указать на всѣ ваши слабыя стороны, но талантъ во всякомъ случаѣ всегда у васъ былъ, и я не вижу причинъ, чтобы онъ ни съ того, ни съ сего вдругъ и окончательно пропалъ.

— Нѣтъ, не ни съ того, ни съ сего, причины были; а тѣмъ болѣе у насъ очень трудно работать... Или превозносятъ, или хулятъ... Талантъ, пожалуй, и признаютъ, а работу всегда порицаютъ... Кромѣ того, о чемъ ни напишешь, говорятъ, что это уже было, что это уже сказано... Это, говорятъ, вы взяли у такого-то, это—у такого-то...

— Ну, такъ что же изъ этого?—прервалъ съ удовольствіемъ Петровъ, тѣмъ болѣе, что пользованіе чужими мыслями онъ считалъ совершенно естествен-

нымъ и законнымъ. — Охота вамъ обращать на это вниманіе... Подъ луною нѣтъ ничего новаго...

Волховского передернуло.

— Не говорите, пожалуйста, о лунѣ, оставьте ее въ покоѣ!—воскликнулъ онъ.

Петровъ удивленно взглянулъ на него...

— Почему это?

— Да, такъ... я потомъ, можетъ быть, вамъ это объясню... Можетъ быть... Такъ, что вы сказали?

— Я хотѣлъ сказать, что если на все обращать вниманіе, то придется весь вѣкъ просидѣть сложа руки... Такъ и жить нельзя!

— Наконецъ, если ужъ вы хотите знать, я душевно усталъ... Я не могу очнуться отъ состоянія какого-то испуга и удивленія передъ тѣмъ, что происходитъ. Незамѣтно, съ концомъ вѣка, къ намъ хлынули новыя теченія, новыя вѣянія... Я увидалъ, что стою между прошлымъ, въ которомъ жилъ, и настоящимъ, въ которомъ все ново и неизвѣданно... Огромный переворотъ во всемъ! Новая міровая политика, новые взгляды на права и обязанности людей, всеобщее осужденіе войны и воинскихъ подвиговъ, которые тысячи лѣтъ поэты воспѣваютъ, и рядомъ съ этимъ всеобщій походъ на древній міръ, раскапываніе вѣковыхъ могилъ праотцевъ; новыя открытія и, наконецъ, грядущее господство женщины!.. Какой надо имѣть душевный запасъ, чтобы со всѣмъ этимъ освоиться и броситься въ эти новыя волны. Тутъ нужны новыя пѣсни и новыя лютни, чтобы воспѣвать будущихъ героевъ мира и будущихъ женщинъ... По-моему женщина и такъ уже была сильнѣе насъ; чѣмъ же она станетъ въ будущемъ?! Я смотрѣлъ на

женщину совсѣмъ иначе... Мнѣ она представлялась созданіемъ удивительнымъ, таинственнымъ. Она даже не всегда мнѣ казалась человѣкомъ, потому что черезъ нее мы входимъ въ общеніе съ Богомъ и съ злымъ духомъ... Древніе египтяне поняли, что это за великая сила, и создали культъ Изиды... Говорятъ, что тогда-то и установятся настоящія нравственныя отношенія между мужчиной и женщиной, когда онѣ во всемъ будутъ принимать одинаковое участіе... А я думаю, что это можетъ выйти и не такъ!.. Въ женщинѣ много добра, но въ ней и могущество зла...

— По моему мнѣнію,—сказалъ Петровъ,—всѣ эти ожиданія всякихъ несчастій для общества отъ освобожденія женщины отъ мірского рабства ни на чемъ не основаны... Нельзя же изъ-за какихъ-то тамъ вашихъ Изидъ и тому подобнаго продолжать третировать женщину, какъ красивое животное. Вы, сами того не замѣчая, исповѣдуете не культъ Изиды, а культъ очаровательной дамочки; а между бѣдными женщинами есть много далеко не очаровательныхъ, которыя требуютъ себѣ куска хлѣба и болѣе ничего... Удивляюсь, что вы, литераторъ, этого не понимаете!..

На лицѣ Волховского изобразилось нѣчто въ родѣ испуга.

— Да вѣдь я же и говорю, что я отсталъ... Я отлично сознаю, что нахлынуло что-то совершенно новое, но уже двигаться съ нимъ рядомъ не могу, потому что оно бѣжитъ, летитъ впередъ...

— Вы преувеличиваете... Міръ никогда не стоялъ на мѣстѣ... Каждый день приноситъ что-нибудь новое, а если вы говорите о нравственныхъ принципахъ, то все это уже прекрасно выяснено еще въ минув-

шемъ вѣкѣ; все уже сказано и новаго тутъ ничего не прибавишь...

— А по моему можно сказать, но вотъ въ этомъ-то и загадка — какъ и кто будетъ говорить... Мнѣ кажется, это будетъ тотъ человѣкъ, который сумѣетъ, если можно такъ выразиться, написать похвальное слово міровому злу и даже его возвеличить увлекательно и убѣдительно... Я давно уже нахожу, что у насъ понятія о добрѣ и злѣ, о положительномъ и объ отрицательномъ, совершенно ложны. Пора заступиться за зло! Въ жизни и въ природѣ не знаешь, гдѣ начинается одно и кончается другое... Послѣднее время стремленіе къ абсолютному добру приняло такіе размѣры, что даже начинаетъ раздражать. По моему въ большомъ количествѣ добро нестерпимо... Да и что такое значитъ жить въ добрѣ, по правдѣ? По-моему—не жить, потому-что сама жизнь есть не только добро, но и зло... Когда я хожу по землѣ, я давлю ногами невинныхъ букашекъ; когда пью воду, то съ каждымъ глоткомъ уничтожаю милліоны инфузорій... И такимъ путемъ можно доказать, что зло господствуетъ наперекоръ всему и всѣ, даже проповѣдники самаго чистаго добра, влекли за собою большія несчастія, и еще вопросъ, хорошо ли они поступали?.. Зло никогда не исчезнетъ! Вы помните, въ Апокалипсисѣ говорится, что и смерть и адъ навѣки вѣчные будутъ повержены въ озеро огненное? Не указываетъ ли это предсказаніе на то, что то, что разъ создано—уже не будетъ уничтожено, и хотя въ огненномъ озерѣ, лишенное способности вредить, зло будетъ все-таки существовать?.. А вдругъ явится новый Прометей, который изъ любопытства, или изъ

жалости къ сатанѣ ослушается «сидящаго на бѣломъ престолѣ», да возьметъ и похититъ огонь изъ этого пылающаго озера... Что тогда?

Петровъ слушалъ съ удивленіемъ и не безъ нѣкоторой тревоги, такъ какъ мысли его ему показались болѣе, чѣмъ странными... Тотъ между тѣмъ продолжалъ говорить въ томъ же духѣ, но еще болѣе замысловатое, на тему о еще дремлющихъ силахъ природы, которыя человѣкъ постепенно призоветъ къ дѣятельности и отъ нихъ же погибнетъ... Все это онъ излагалъ горячо, но чѣмъ далѣе, тѣмъ безсвязнѣе. Петровъ съ тревогой посматривалъ то на него, то на часы и старался болѣе ему не возражать.

Между тѣмъ поѣздъ уменьшалъ ходъ и сталъ подходить къ какой-то станціи. Однообразный грохотъ колесъ замѣнился сильнымъ шумомъ дождя, падавшаго цѣлыми потоками на крышу вагона и струившагося по стеклу окошекъ. Громъ гудѣлъ почти безпрерывно. Поѣздъ остановился.

— Да, «кто знаетъ, что еще на днѣ временъ таинственно хранится!»—сказалъ, подымаясь, Волховской и затѣмъ неожиданно спросилъ:

— Не выпить ли намъ коньяку?

— Ну вотъ еще! Охота вамъ пить на ночь! Да и не стоитъ выходить; развѣ вы не видите, какой дождь?

— Ну, а я все-таки выпью, а то какъ-то жутко ѣхать въ такую погоду, — возразилъ Волховской и быстро вышелъ.

Петровъ слышалъ, какъ онъ поскользнулся на ступенькахъ, и ему стало непріятно. Странный собесѣдникъ вернулся уже съ послѣднимъ звонкомъ, вскочилъ на ходу и вошелъ въ вагонъ въ мокрыхъ

сапогахъ съ крупными каплями воды на пальто и на шляпѣ и съ руками, выпачканными въ сажѣ. Но казалось, онъ этого не замѣчалъ.

Онъ усѣлся опять противъ Петрова, снялъ шляпу, поискалъ въ карманѣ пальто платокъ и, не найдя его, сталъ обтирать лобъ грязной ладонью. Лицо его было блѣдно, ротъ кривился какой-то странной улыбкой, а давно нестриженные и нечесанные волоса плоскими космами падали на уши и на лобъ...

— Проливной дождь!—сказалъ онъ,—а я все-таки рюмки двѣ коньяку успѣлъ выпить... Каково?

— Напрасно! — сказалъ Петровъ съ оттѣнкомъ раздраженія въ голосѣ.—Вѣдь вамъ это должно быть вредно...

— Почему «мнѣ» вредно, а не вамъ?

— И мнѣ, и вамъ, и всякому, кто ни съ того ни съ сего пьетъ такіе крѣпкіе напитки на ночь...

— Ну, хорошо, сколько еще намъ осталось времени?

Петровъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ:

— Я не знаю, сколько вамъ осталось. А я черезъ полчаса буду на мѣстѣ...

— Ну, все равно. Значитъ, есть еще немного времени, хотя я могъ бы вамъ сказать еще многое, многое... А теперь я все-таки хочу подѣлиться съ вами очень важной идеей или, если хотите, фактомъ, ужасно страннымъ... Вотъ въ чемъ дѣло. Случалось ли вамъ какъ-нибудь неожиданно для васъ погрузиться въ глубочайшую задумчивость, когда въ головѣ какъ будто не остается ни одной мысли?

— Ну, случалось, — отвѣчалъ Петровъ, самъ не зная отчего, поглядывая по сторонамъ.—Что-жъ изъ этого?

— Въ такомъ состояніи,—продолжалъ Волховской, понизивъ голосъ и взявъ Петрова за пуговицу,—въ такомъ состояніи весь мозгъ какъ будто бы освобождается отъ необходимости работать, въ особенности если ничего въ это время не болитъ... Тогда что-то внутри васъ, ваше внутреннее «я», начинаетъ испытывать особенный отдыхъ, въ родѣ нирваны, точно вы сидите въ какой-то тепленькой ваннѣ, въ спокойномъ розовомъ свѣтѣ и кругомъ ни звука!.. Но вотъ волшебство! Въ вашемъ мозговомъ зеркалѣ вдругъ, ни съ того ни съ сего, начинаютъ отражаться образы и картины, которыхъ вы никогда не видали, ни при какихъ условіяхъ жизни... Понимаете ли—никогда!.. И это не цѣльные образы, не цѣльныя картины, а какіе-то обрывки чего-то, точно полустертыя, древнія письмена, и вы никакъ не можете уловить ихъ смыслъ, зацѣпиться за какой-нибудь узелокъ, чтобы съ нимъ пройти по этому лабиринту и выбраться изъ него... Случалось ли съ вами что-либо подобное?

— Да, вѣдь, вы сами же говорите, что «этого» никогда не было?

— Не было, да не совсѣмъ... Не было и даже навѣрно не было въ дѣйствительной, настоящей жизни, но «могло» случиться когда-нибудь, въ давно прошедшемъ, скажемъ, не съ вами, съ Петровымъ, а съ какимъ-нибудь нубійскимъ рабомъ; а можетъ быть это еще должно случиться въ будущемъ, что еще удивительнѣе...

— Это все ни болѣе ни менѣе, какъ рефлексы нашего мозга, — сказалъ успокоительнымъ тономъ Петровъ, которому этотъ совершенно необыкновен-

ный оборотъ разговора очень не нравился, также какъ и видъ его собесѣдника, хотя послѣдній выпилъ и немного...

— Можетъ быть, это даже болѣзненное явленіе,— прибавилъ онъ осторожно... Вѣдь не вѣрите же вы въ переселеніе душъ? Наконецъ, сами же вы говорите, что явленія эти совершенно безсвязны...

— Да, безсвязны... Но постойте!—при этомъ онъ лукаво улыбнулся и сталъ говорить еще тише...—Я таки добился своего и поймалъ, наконецъ, руководящую нить; правда, очень тоненькую паутинку, но ужъ я ее держу и не выпускаю... Я теперь кое-что знаю! Но только,пожалуйста, никому не разсказывайте, пока я это не разработалъ... Вотъ какъ это было... Я долженъ былъ разстаться съ одной особой, разстаться окончательно; иначе нельзя было поступить. Я былъ очень разстроенъ: не находилъ себѣ, что называется, мѣста... Тогда я рѣшился отправиться въ деревню, къ своей старой теткѣ... Она была вдова, дочь ея была гдѣ-то замужемъ и послѣднее время у нея рѣдко кто бывалъ... Другимъ, кто не можетъ найти въ самомъ себѣ второго человѣка, съ которымъ можно было бы побесѣдовать, въ ея усадьбѣ было бы очень скучно, но не для меня... Я нашелъ въ себѣ этого второго «я» и убѣжденъ, что можно было бы найти даже нѣсколькихъ... Съ теткой я проводилъ мало времени, даже опаздывалъ иногда къ обѣду, и все ходилъ по полямъ, бродилъ въ лѣсу, а то забивался гдѣ-нибудь въ уголокъ сада и тамъ, сидя на скамьѣ, сидѣлъ часами и думалъ...

«Тетка вообразила, что я скучаю, и выписала изъ Москвы свою дальнюю родственницу, хорошенькую,

тоненькую барышню съ голубыми глазами... Это для моего развлеченія и для излеченія отъ меланхоліи... Ну—ничего... Я сначала даже былъ радъ, что у насъ въ домѣ завелось молодое существо... Иногда съ ней поговоришь, пошутишь; на лодкѣ покатаешься... Вообще я ее терпѣлъ до тѣхъ поръ, пока у нея не явилась несчастная мысль разыскивать меня въ тѣ минуты, когда я хотѣлъ уединяться, и мѣшать мнѣ размышлять... Помню, какъ-то разъ я ушелъ въ лѣсъ, туда, гдѣ около огромныхъ корней стараго дуба бѣжалъ узенькій, свѣтлый ручеекъ, усѣлся на траву и, благодаря тому, что кругомъ рѣшительно никого не было, моя душа какъ-то убаюкалась и я, несомнѣнно, впалъ въ то состояніе безразличной задумчивости, о которой я вамъ говорилъ... И вотъ волшебныя «зеркала» заработали! Я вспомнилъ какой-то странный берегъ и огромный океанъ впереди... Странныя высокія и тонкія деревья... Процессію въ золотыхъ одеждахъ... Я—въ кольчугѣ... и вдругъ — она, эта дѣвица! «Вотъ вы,—говоритъ,—гдѣ запрятались? А вотъ я взяла да и нашла васъ! Пойдемте землянику собирать»... Можете себѣ представить, какъ я ей на это отвѣтилъ!?. Вотъ, когда я понялъ Архимеда, когда онъ крикнулъ ворвавшемуся къ нему воину: «не прикасайся къ моимъ кругамъ!» Она заплакала и убѣжала... Послѣ этого она уже безъ тетки ко мнѣ не подходила; онѣ все о чемъ-то шептались, въ концѣ-концовъ дѣвица разболѣлась и уѣхала... Мнѣ было сначала какъ-то не по себѣ; но потомъ я былъ даже радъ...

«Второй разъ былъ болѣе удаченъ... Послѣ вечерняго чая, когда моя тетка задремала у себя въ креслѣ, я отправился въ садъ и, усѣвшись подъ густою

липой на скамьѣ, закурилъ папиросу и сталъ мечтать... Былъ очень теплый вечеръ, кругомъ ни души, небо было такое чистое, что луна казалась совершенно близко... Я думалъ о томъ, какъ хороша природа, еще о чемъ-то и постепенно опять погрузился въ ту же глубокую задумчивость... И вдругъ я вижу, то есть не то, что вижу, а явственно вспоминаю, что я сижу на краю зубчатаго утеса, а тамъ глубоко внизу разстилается долина, вся покрытая травою какого-то голубоватаго цвѣта и большими бѣлыми цвѣтами... Кругомъ долины стѣною идутъ зубчатыя скалы, какія-то прозрачныя, такъ что сквозь нихъ проникалъ какой-то голубоватый свѣтъ... Хотя я сидѣлъ на краю обрыва, но меня это нисколько не пугало... Я взялъ да и полетѣлъ, хотя у меня и не было крыльевъ, свободно перенесся черезъ всю долину и прямо попалъ въ какую-то удивительную пещеру, въ которой на высотѣ сидѣлъ блѣдный старикъ съ зелеными глазами. Онъ всталъ и началъ мнѣ что-то говорить, но... въ это время запѣла птичка, я встрепенулся и все прекратилось...»

— Какая дикая фантазія!—сказалъ Петровъ.

— Да; на этотъ разъ я понялъ все... Я догадался, что я былъ, гдѣ бы вы думали?—На лунѣ!!—Волховской крикнулъ послѣднее слово и весело засмѣялся.— Теперь, когда восходитъ луна, мнѣ и пріятно, и невѣроятно страшно... Мнѣ такъ и кажется, что она меня выслѣживаетъ; что кто-то зоветъ меня туда... Это удивительно!..

Поѣздъ опять остановился... Петровъ облегченно вздохнулъ и, наскоро сказавъ «до свиданія», бросился къ выходу.

— Постойте, постойте; куда вы? Я еще не все досказалъ,—кликнулъ, хватая его за рукавъ... Дослушайте же до конца...

— Я сейчасъ вернусь... — догадался сказать Петровъ.

— Ну, хорошо! Только возвращайтесь скорѣе; то, что я вамъ разскажу, будетъ еще болѣе удивительно...

Конечно, Петровъ не вернулся... Вмѣсто него черезъ нѣсколько минутъ въ вагонъ вошелъ кондукторъ, но Волховского тамъ уже не было...

1901 г.

МУЗЕЙ ВОСКОВЫХЪ ФИГУРЪ.

I.

— Кажется, подняли занавѣсъ,—сказала красивая стройная дама господину среднихъ лѣтъ, задумчиво сидѣвшему на маленькомъ диванѣ въ аванложѣ,—вы такъ тихо сидите, что я думала, что вы уѣхали совсѣмъ, не простившись... Пойдемте досматривать «Коппелію».

— Позвольте мнѣ посидѣть еще здѣсь немного,—отвѣчалъ Боромлевъ,—я приду немного погодя; вѣдь вы не однѣ; съ вами Михаилъ Ивановичъ; а я, признаться сказать, не особенно люблю третье дѣйствіе этого балета: оно уже не въ жанрѣ Гофмана... Все полуфантастическое, сказочное кончается во второмъ дѣйствіи... Да, кромѣ того, у меня что-то болитъ голова...

Онъ остался одинъ... Сквозь закрытую дверь до него глухо доносились изящныя мелодіи Делиба. Обрывки разныхъ мыслей и отдѣльныя сценки изъ балета, автоматы, табакерочная музыка второго дѣйствія—все это путалось въ его головѣ и таяло, какъ

дымъ сигары на открытомъ воздухѣ. Около ихъ ложи сидѣла очень интересная молодая женщина, съ смуглымъ лицомъ, съ загадочнымъ и магнетическомъ взглядомъ; оригинальность костюма заставляла предполагать въ ней иностранку. Она была одна въ ложѣ. Боромлевъ ее видѣлъ нѣсколько разъ, и всегда она была одна. Въ началѣ представленія она бросила ему многозначительный взглядъ и, уходя въ антрактѣ въ аванложу, всякій разъ смотрѣла на него такъ, какъ будто приглашая его зайти...

Боромлевъ потихоньку вышелъ изъ своей ложи, нѣсколько секундъ постоялъ передъ сосѣдней дверью и потомъ рѣшительно вошелъ.

Въ аванложѣ сидѣла она; она тоже не смотрѣла третьяго дѣйствія.

— Наконецъ-то вы рѣшились прійти, — сказала она.—Вы не повѣрите, какъ я торжествую! Вы, который называете всѣхъ женщинъ куклами, не устояли, забыли всякое приличіе, и прямо пришли объясниться мнѣ въ любви... О, я увѣрена, что вы меня любите! Я сразу замѣтила, какъ ваше самолюбивое и холодное сердце смягчилось при первомъ же моемъ взглядѣ...

— Но позвольте!.. Почему же вы знаете, что я...

— Я все знаю... Я знаю, что съ первой же нашей встрѣчи въ этой головѣ только и живетъ одна мысль обо мнѣ, а все остальное улетѣло... Вы совершенно охвачены моимъ очарованіемъ... Вы вездѣ видите только меня, и не только глазами, но и душой! Васъ даже не интересуетъ, откуда я, что я такое... Можетъ быть, я—вѣдьма. А вамъ все равно; неправда ли? Хи-хи!

— Позвольте, однако, сударыня...

— Хи, хи! Ну, хорошо, намъ здѣсь долго разговаривать нельзя... Я вамъ назначаю свиданіе... Приходите завтра въ семь часовъ вечера въ музей восковыхъ фигуръ. Вы называете женщинъ куклами, а поэтому я приглашаю васъ въ общество мнѣ подобныхъ...

На слѣдующій день Боромлевъ наскоро пообѣдалъ и поспѣшилъ на улицу, чтобы немного глотнуть свѣжаго воздуху и въ шумной толпѣ успокоить свое волненіе передъ свиданіемъ съ загадочной красавицей. Оставалось всего минутъ двадцать до назначеннаго часа, когда онъ направился скорыми шагами къ музею, наиболѣе извѣстному въ городѣ. Подойдя къ нему, онъ былъ непріятно пораженъ, увидавъ, что вывѣска не иллюминована, и маленькая касса, въ которой продавали билеты, закрыта. «Она, вѣроятно, это знала,—сказалъ самъ себѣ Боромлевъ, — и нарочно назначила мнѣ здѣсь свиданіе, чтобы надо мной посмѣяться?.. Да и кто такая—она?.. Вотъ странно: не могу припомнить—на какомъ языкѣ она со мной говорила? Очевидно, это была мистификація!»

Волненіе сразу улеглось, и сердце охватило тоскливое чувство нераздѣленной любви. Онъ уже направился въ другую сторону, раздумывая, какъ бы убить вечеръ, но не успѣлъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ къ нему подошелъ бритый старичокъ съ выцвѣтшими глазами и красными вѣками и сказалъ: «Вамъ, мусью, угодно посмотрѣть музеумъ? Онъ теперь перенесенъ на другой уголъ, по случаю расширенія и увеличенія зрѣлищъ... О, теперь это настоящій паноптикумъ!.. Огромное разнообразіе для

глазъ!... Новости и рѣдчайшіе экземпляры... Подвижной автоматъ, играющій въ рамсъ и заводящій собственные золотые часы... Жрица Пиѳія на треножникѣ... Мумія фараона Псаметиха... Волшебный стрѣлокъ, всегда попадающій въ цѣль... Кромѣ того, рѣдчайшіе аппараты: часы жизни Парацельса и аппаратъ—гороскопъ Нострадамуса, изготовленный его собственною рукою, того самаго астролога, который предсказалъ будущее Катеринѣ Медичи. У насъ же рѣдкій нумеръ: «Видѣнія отрубленной головы», поставленное по картинѣ знаменитаго бельгійскаго художника Виртца... Пожалуйте, это недалеко»...

Боромлевъ покорно шелъ за старикомъ, семенившимъ передъ нимъ.

— Очень жаль, мусью, что вы не видѣли у насъ крошекъ лилипутовъ. Это въ высшей степени любопытный феноменъ природы, но зато, взамѣнъ ихъ, у насъ показываютъ удивительную живую нимфу «fin de siècle», плавающую сухой въ мокрой водѣ, а что прямо-таки удивительно: это фокусникъ изъ Индіи; за это платится отдѣльно...

Эта странная болтовня, да и самъ старичокъ съ его неопредѣленнымъ лицомъ какъ-то соотвѣтствовали настроенію Боромлева, тоже неопредѣленному и томительному. Не отвѣчая ни слова, онъ за нимъ послѣдовалъ. Старичокъ свернулъ съ Невскаго въ одну изъ поперечныхъ улицъ и, доведя его до подъѣзда, кашлянулъ многозначительно въ руку и, сказавъ: «Сегодня за входъ платится рубль», куда-то скрылся...

Взявъ билетъ внизу, Боромлевъ сталъ подыматься вверхъ, боясь заставить себя ждать: лѣстница была

узка, безъ ковра, а тусклое освѣщеніе придавало ей мрачный характеръ. Входная дверь была тоже не широкая и грязная, не обѣщающая ничего хорошаго, но, войдя, Боромлевъ перемѣнилъ мнѣніе въ лучшую сторону. Тамъ оказался большой залъ, вновь отдѣланный, въ два свѣта. Вдоль средней комнаты шли длинные диваны, обитые темно-малиновымъ бархатомъ. Изъ зала, то тамъ, то здѣсь, по причудливой фантазіи устроителя, выходили въ стороны широкіе коридоры или большія ниши. Съ двухъ сторонъ, наверху, были устроены на металлическихъ колонкахъ длинные балконы съ окнами, въ которыя были вставлены цвѣтныя стекла, освѣщенныя изнутри, что окрашивало потолокъ разными цвѣтами. Налѣво отъ входа, въ стѣнѣ, было такъ ловко вставлено большое зеркало, что Боромлевъ удивился, увидавъ неожиданно самого себя. Такія зеркала были разставлены въ разныхъ мѣстахъ.

Въ нѣкоторыхъ нишахъ стояли разныя тропическія растенія и цвѣты, очень искусно сдѣланные, а между ними вогнутыя и выпуклыя зеркала, чрезвычайно мѣняющія лицо и всю фигуру человѣка. Восковыя фигуры, большею частью въ натуральный ростъ, были такъ ловко размѣщены по залѣ, что не только издали, но и на довольно близкомъ разстояніи могли ввести въ заблужденіе и заставить предполагать, что въ музеѣ довольно много посѣтителей. Тутъ были и женщины, и мужчины, одни одѣтые очень богато, другіе въ простыхъ домашнихъ платьяхъ, но всѣ въ современныхъ модахъ, и такъ какъ только головы и руки ихъ были восковыя, а все остальное, начиная отъ шляпъ и кончая сапогами

и ботинками, совершенно такое же, какъ и на живыхъ людяхъ, то они и походили на живыхъ; одни сидѣли, другіе стояли въ самыхъ непринужденныхъ позахъ, ничѣмъ не отгороженные отъ проходящихъ живыхъ посѣтителей, и только какъ будто застыли, замерзли въ своей неподвижности, какъ будто адскій холодъ промчался надъ ними или волна тонкаго и очень сильнаго яда мгновенно прервала ихъ существованіе. Для посѣтителя-меланхолика это мѣсто представляло то удобство, что онъ могъ потихоньку усѣсться на одномъ изъ дивановъ, обитыхъ темно-малиновымъ бархатомъ, рядомъ съ какимъ-нибудь восковымъ Жюлемъ Фавромъ, Эдиссономъ или Сарой Бернаръ, и, какъ будто прислушиваясь къ рѣчамъ этихъ знаменитостей, потихоньку умереть отъ паралича сердца.

II.

При входѣ въ музеумъ, одинъ изъ сторожей въ черной ливреѣ, обшитой серебряными галунами, сунулъ въ руку Боромлеву каталогъ. Боромлевъ спросилъ его, много ли публики и не проходила ли молодая красивая дама, съ смуглымъ лицомъ и большими блестящими глазами. Тотъ отвѣчалъ, что—не помнитъ, но, кажется, проходила. Посмотрѣвъ разсѣянно какую-то знаменитую танцовщицу передъ зеркаломъ, отгороженную шелковымъ снуркомъ, онъ прошелъ поспѣшно по всему залу, вглядываясь во всѣхъ женщинъ, изъ коихъ добрыя три четверти оказались куклами, что произвело на него непріятное впечатлѣніе. Ея здѣсь не было... Онъ обошелъ всѣ

смежныя комнаты, но и тамъ ея не было... Затѣмъ онъ повернулъ назадъ, вспомнивъ, что люди, ищущіе другъ друга, часто идутъ по одному и тому же направленію и поэтому не могутъ встрѣтиться. Во время этихъ поисковъ, въ одной темной проходной комнатѣ, слабо освѣщенной зеленоватымъ свѣтомъ, ему послышалось, что кто-то его зоветъ по имени; знакомая женская фигура мелькнула за колонной; онъ ускорилъ шаги, но ея тамъ не было; около стояла танцовщица въ испанскомъ костюмѣ, держа въ неподвижной рукѣ вѣеръ. Вдали, направляясь къ выходу, шелъ какой-то военный, ведя подъ руку толстую, пожилую даму. Этотъ обманъ повторился нѣсколько разъ. Боромлеву казалось, что онъ видитъ свою незнакомку то въ той, то въ другой сторонѣ, и всякій разъ, приближаясь, онъ убѣждался въ своей ошибкѣ. При этомъ зеркала еще болѣе вводили его въ заблужденіе. Безплодное метаніе изъ стороны въ сторону его взволновало и утомило. Очевидно, она еще не пришла...

Публика все уходила и уходила, а новыхъ посѣтителей было мало, хотя до закрытія музея оставалось еще часа два слишкомъ. Боромлевъ рѣшился запастись терпѣніемъ и ждать. Онъ усѣлся въ углу на одномъ изъ дивановъ и погрузился въ задумчивость. Въ двухъ шагахъ отъ него, на томъ же диванѣ, сидѣлъ восковой господинъ, съ застывшей улыбкой на восковомъ лицѣ. На колѣняхъ у него лежала раскрытая книга, которую этотъ господинъ прижималъ къ колѣну восковой рукой. Хотя у Боромлева въ карманѣ лежалъ каталогъ, но онъ не поинтересовался справиться, что это за знаменитость;

отъ нечего дѣлать онъ сталъ смотрѣть въ неподвижные зрачки воскового человѣка, но черезъ какую-нибудь минуту мурашки забѣгала по его тѣлу; онъ быстро отвелъ взоръ на другого господина, въ свѣтломъ пальто, граціозно опиравшагося на толстую трость и весело смотрѣвшаго въ его сторону; Боромлевъ принялъ его сначала за знакомаго, но неподвижная улыбка вывела скоро его изъ заблужденія— это тоже была «фигура». Ему стало еще болѣе непріятно и жутко; на счастье, какъ разъ визави его, на кушеткѣ стиля ампиръ, сѣла очень красивая дама съ лорнетомъ въ рукѣ, и съ любопытствомъ разсматривала Боромлева, принимая его, вѣроятно, за «фигуру». Онъ съ негодованіемъ громко кашлянулъ, чтобъ дать ей понять ея ошибку, но дама продолжала нагло на него смотрѣть... «Ахъ, ты, чортъ возьми, и это кукла!» — подумалъ онъ. Съ удовольствіемъ разыскавъ глазами одного изъ служителей, стоящаго неподалеку у боковой двери, онъ поманилъ его рукою къ себѣ. Тотъ не двигался. «Поди сюда, любезный!..»— сказалъ Боромлевъ, но служитель тоже былъ восковой и продолжалъ стоять на мѣстѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Только гдѣ-то въ сторонѣ слышались шаги, а по близости не было ни одного живого существа; шаги же становились все тише и тише...

Когда отдаленный шумъ утихъ, Боромлевъ вдругъ услыхалъ рядомъ съ собой какой-то шорохъ. Онъ сталъ смотрѣть на своего сосѣда и ему стало казаться, что подъ восковою кожею его лица медленно и осторожно бѣжитъ кровь и что въ его карихъ зрачкахъ пробѣгаютъ какія-то искры. Затѣмъ эти глаза начали какъ будто оживляться, и точно могильный

огонекъ загорался въ зрачкахъ, а подъ сюртукомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ у настоящаго человѣка находится сердце, что-то медленно зашевелилось. Неподвижныя складки лица стали расправляться и вдругъ нижняя губа слегка опустилась. Боромлевъ въ ужасѣ хотѣлъ отвернуться, но всѣ члены его оцѣпенѣли, и онъ сидѣлъ точно прикованный.

Въ это время на порогѣ внутренней лѣстницы показалась, наконецъ, смуглая дама, которую онъ такъ долго ждалъ, и кивнула Боромлеву. Онъ хотѣлъ встать, но не могъ; за то его восковой сосѣдъ неожиданно вскочилъ, быстро, почти бѣгомъ, направился къ ней, подалъ ей руку и оба исчезли. Онъ сдѣлалъ опять попытку встать, но это было невозможно; даже дыханіе въ немъ остановилось. Проходили, какъ ему казалось, часы, а онъ не могъ шевельнуть пальцемъ. Глаза его затуманились отъ страха. Наконецъ гдѣ-то далеко зазвонилъ колокольчикъ, ему въ отвѣтъ другой—по близости, затѣмъ сразу зазвонило нѣсколько колокольчиковъ, и всѣ куклы сразу двинулись со своихъ мѣстъ и побѣжали по внутренней лѣстницѣ наверхъ. Боромлевъ страшно вскрикнулъ и очнулся. Къ нему подошелъ сторожъ и сказалъ: «Музеумъ скоро закрывается, господинъ, а та дама, о которой вы спрашивали, поднялась наверхъ, къ индѣйскому фокуснику». Онъ вскочилъ; воскового господина возлѣ него уже не было; на спинкѣ дивана былъ только поставленъ нумеръ.

— А гдѣ же № 132?—спросилъ онъ.

— Онъ сломался еще заграницей,—отвѣчалъ швейцаръ,—и еще не замѣщенъ.

— А въ каталогѣ его нѣтъ?

— Нѣтъ; его нѣтъ въ каталогѣ, и мы не знаемъ, кто это такой...

Остальныя фигуры попрежнему стояли на своихъ мѣстахъ. Боясь опоздать, Боромлевъ быстро сталъ подыматься наверхъ, по внутренней лѣстницѣ. Оттуда, сверху, доносились звуки музыки.

Сбоку широкихъ дверей, ведущихъ въ верхній залъ, былъ повѣшенъ большой транспарантъ, на которомъ огненными буквами было написано: «Балъ автоматовъ. Посѣтителей просятъ при входѣ опускать въ кружку серебряный рубль». У дверей стоялъ большой черный негръ и весело сверкалъ своими бѣлыми зубами. Боромлевъ опустилъ рубль, дверь отворилась и тотчасъ же за нимъ захлопнулась. Балъ, очевидно, былъ въ полномъ разгарѣ. Невидимая музыка (должно быть, это былъ очень хорошій органъ) играла шумный парижскій вальсъ и нѣсколько паръ отчетливо и плавно вертѣлись по залу. Пастушка танцовала съ какимъ-то генераломъ въ кирасирской формѣ, маркиза съ Мефистофелемъ, древній старикъ съ взъерошенными волосами бодро вертѣлъ первую балерину въ короткихъ газовыхъ юбкахъ и въ розовомъ трико. Въ одномъ изъ освѣщенныхъ угловъ красивая полная дама обмахивалась вѣеромъ, два кавалера, наклонясь къ ней, что-то ей говорили, и все время смѣялись въ тактъ вальсу, — и вездѣ были группы гостей въ самыхъ разнообразныхъ позахъ и всѣ они шевелились и старались шумѣть, сколько это было возможно.

Маленькіе негры носили зеркальные подносы съ прохладительными, и эти прохладительныя отражались въ зеркальныхъ подносахъ. Негры ловко лавировали между танцующими парами и ни разу никто

на нихъ не наткнулся и никто ничего не бралъ. Видимо, всѣ такъ рады были танцамъ, разговору и смѣху, что никто не чувствовалъ жажды. Онъ замѣтилъ рядомъ съ собой почтеннаго господина, среднихъ лѣтъ, во фракѣ и съ ленточкой въ петлицѣ, который съ удовольствіемъ смотрѣлъ на танцующихъ, съ нѣкоторыми раскланивался и, выбивая тактъ ногой, безъ церемоніи надувалъ щеки и сиплымъ баритономъ подпѣвалъ мотивъ вальса. Такъ какъ по всѣмъ этимъ пріемамъ можно было заключить, что господинъ во фракѣ зналъ все, что здѣсь дѣлалось, то онъ его и спросилъ: «А позвольте узнать, гдѣ же здѣсь автоматы?» Но господинъ, весело кивнувъ головой, ничего не отвѣтилъ и продолжалъ надувать щеки. Тогда Боромлевъ сталъ пробираться вдоль стѣны къ другому господину, сидѣвшему на стулѣ, и нечаянно толкнулъ негритенка съ подносомъ; стаканы съ прохладительными зазвенѣли, одинъ изъ нихъ упалъ на полъ, но ничего изъ него не пролилось; негритенокъ остановился и недоумѣвающе сталъ смотрѣть въ стѣну. Тогда Боромлевъ понялъ, что это все автоматы, и господинъ, къ которому онъ обратился съ вопросомъ, былъ тоже искусственный человѣкъ. Ему стало невыразимо страшно; гораздо страшнѣе, чѣмъ въ музеѣ неподвижныхъ фигуръ, потому что кругомъ него была не настоящая жизнь, а только искусное подражаніе жизни, лишенное всякихъ чувствъ. Таинственная и невидимая рука мастера пустила въ движеніе эти куклы, заставила ихъ говорить и смѣяться, танцовать подъ музыку и дѣлать видъ, что имъ страшно весело, тогда какъ матеріаламъ, изъ которыхъ они были сдѣланы, было

рѣшительно все равно, что кругомъ происходитъ. Съ тоской и ужасомъ онъ сталъ оглядываться кругомъ, ища глазами хоть одно живое лицо и твердо рѣшившись не поддаваться иллюзіи, а найти дѣйствительно настоящаго человѣка.

Для этого, прежде всего, надо было уйти отсюда; дверей было двое и, какъ нарочно, онъ забылъ, съ которой стороны вошелъ. Выбравъ наугадъ ближайшія двери, онъ рѣшительно къ нимъ направился, съ отвращеніемъ сторонясь отъ вертящихся деревяшекъ и боясь къ нимъ даже прикоснуться. Онъ схватилъ за дверную ручку и дернулъ. Кто-то не пускалъ съ другой стороны; тогда онъ напрягъ всѣ силы и дернулъ еще разъ. Раздался шумъ и металлическій звонъ, какъ будто лопнула большая спиральная пружина; всѣ автоматы сразу остановились — и дверь открылась. Тамъ, въ небольшой комнатѣ, около большой занавѣси, изъ-за которой пробивался свѣтъ, стоялъ индійскій фокусникъ,—высокій, худой и смуглый человѣкъ съ длинными черными волосами и тусклымъ взглядомъ. На немъ была длинная темная рубашка безъ рукавовъ, перевязанная въ поясѣ шалью, и туфли съ острыми концами. Повелительнымъ жестомъ онъ остановилъ Боромлева противъ занавѣса и взмахнулъ черной тростью. Занавѣсъ раздвинулся, и онъ увидалъ свою таинственную красавицу, связанную по рукамъ и по ногамъ... Она была страшно блѣдна и въ отчаяніи на него смотрѣла... Но Боромлевъ не могъ тронуться съ мѣста; взглядъ фокусника приковалъ его.

— Сейчасъ будетъ представляться самый интересный нумеръ!—прокричалъ чей-то гнусавый голосъ,—

«видѣнія отрубленной головы!» Пожалуйте, господа, пожалуйте!!

Въ комнату быстро сбѣгались всѣ автоматы, танцовавшіе передъ нимъ въ залѣ, и съ бездушнымъ любопытствомъ ожидали, какъ будутъ рѣзать голову у живой женщины.

Индусъ опять взмахнулъ рукой; все затихло; онъ поднялся по ступенькамъ къ связанной женщинѣ и, схвативъ ее за волосы, глухимъ голосомъ и съ разстановкой сосчиталъ по-англійски: «one, two, three»... Сверкнуло лезвіе ножа, брызнула кровь и голова отдѣлилась отъ туловища. Глазами, полными ужаса, смотрѣла она на Боромлева, а губы явственно проговорили: «Клянусь, я жива; спасите меня!»

— Голова отрублена и сейчасъ начнутся видѣнія; самое интересное!—опять раздался голосъ.

Боромлевъ бросился на эстраду и опять очнулся... на этотъ разъ въ аванложѣ.

— Что съ вами? — спросила его дама, выходя изъ ложи.—Нельзя такъ задумываться... Вы проглядѣли очень интересное дѣйствіе Что за очаровательный балетъ «Коппелія»! Не правда ли?.. Но я вижу, что вы думаете о чемъ-то другомъ... Прикажите, по крайней мѣрѣ, подать мнѣ шубу и отвезите меня домой. Спектакль кончился...

ПАГАНИНИ.

I.

Ко дню рожденія маркизы де-Тревизъ изъ окрестностей съѣхалось довольно много гостей. Изобрѣтательная и веселая баронесса де-Ланноа, кузина маркизы, придумала по этому случаю цѣлый рядъ развлеченій.

Замокъ де-Тревизъ находился въ восточномъ Руссильонѣ. Мѣстность здѣсь очень живописна. Лѣсистыя ущелья и горы кое-гдѣ перемежаются обнаженными скалами. Текутъ быстрыя рѣчки; то тамъ, то здѣсь, въ зелени деревъ, скрываются развалины старинныхъ крѣпостей и замковъ, гдѣ обитали когда-то бароны-рыцари, столь же извѣстные своею храбростью и благородствомъ, сколь необузданными страстями и жестокостью. Съ нѣкоторыхъ изъ ближайшихъ вершинъ видно голубое море, въ которомъ то отражается пламенное солнце юга, то луна, блестящая, какъ щитъ Тезея.

Я познакомился съ маркизой въ Парижѣ и сразу сумѣлъ ей понравиться. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ

мы очень часто съ ней видѣлись. Несмотря на свою скромность и красоту, молодая вдова довольно ясно выказывала мнѣ свое расположеніе, но, боясь почему-то сильнаго чувства, я держался съ ней нерѣшительно и даже холодно. Тѣмъ не менѣе, уѣзжая весной въ свое помѣстье, маркиза взяла съ меня обѣщаніе, что я непремѣнно пріѣду въ Руссильонъ. Въ день отъѣзда она смотрѣла на меня съ нѣмою грустью и съ тѣмъ загадочнымъ чувствомъ, которое свойственно только одной женщинѣ...

Прошло три мѣсяца, и только когда я получилъ вторичное, письменное приглашеніе, я устроилъ свои дѣла и выѣхалъ на югъ.

Послѣднее время Парижъ мнѣ сталъ надоѣдать; я былъ нездоровъ и хандрилъ, и поэтому искренно обрадовался приглашенію. Въ дорогѣ я чувствовалъ себя все лучше и лучше, по мѣрѣ приближенія къ цѣли путешествія. Голубое небо и жгучее солнце юга настолько благотворно на меня подѣйствовали, что сѣрыя думы, которыя постоянно гнѣздятся въ душѣ сѣверянина, постепенно стали отъ меня отлетать. Справедливо кто-то сказалъ, что смерть и солнце не могутъ глядѣть пристально другъ на друга.

До праздника я не видѣлъ маркизы; вслѣдствіе сильной головной боли она не выходила къ гостямъ, и роль хозяйки исполняла баронесса де-Ланноа, очень живая и кокетливая брюнетка, у которой остроты и шутки такъ и сыпались. Изъ гостей первымъ, съ кѣмъ я познакомился, былъ нѣкто Гюгъ де-Тюрто, пріѣхавшій одновременно со мной въ замокъ. Знавшіе его по Парижу очень удивились его появленію, потому что считали его давно умершимъ. Нѣсколько

лѣтъ тому назадъ онъ уѣхалъ путешествовать на Востокъ и уѣхалъ такъ же неожиданно, какъ неожиданно вернулся.

Это былъ высокій и сухой старикъ, очень подвижной, всегда гладко брившійся и улыбавшійся большой и холодной улыбкой. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ говорилъ о чемъ-нибудь серьезномъ или грустномъ, у него какъ-то особенно вздрагивали вѣки и складки около носа, что придавало всему лицу выраженіе горькой и глубоко затаенной насмѣшки. Манеры у него были весьма изящны; въ костюмѣ онъ соблюдалъ старую моду.

За первымъ же обѣдомъ мы разговорились. Политика его не занимала и въ общественной жизни его всего болѣе интересовали искусства, въ особенности музыка. Блистательное процвѣтаніе послѣдней при Бонапартѣ онъ считалъ единственной заслугой Имперіи.

— La musique sous l'Empire, quelle période glorieuse! Гретри, Мегюль, Спонтини, Керубини! Что за имена, monsieur, что за имена! Вы подумайте только, на такомъ маленькомъ пространствѣ времени—цѣлые десятки композиторовъ! Вы понимаете, какое тутъ должно было возникнуть соревнованіе и какая зависть? Сколько тутъ было поту, крови, волненія, безсонныхъ ночей, насмѣшекъ, яду, не того яду, за который преступниковъ ссылаютъ и казнятъ, а которымъ отравляется всякая интрига соперника: ядъ въ словахъ, который непремѣнно убиваетъ частичку чувствительнаго артистическаго сердца. Все это я видѣлъ, слышалъ и наблюдалъ! Подумайте только, monsieur, какъ это интересно и забавно. Въ жизни я не видалъ

ничего занимательнѣе музыкантовъ. Это натуры не прямыя, не кривыя, а какія-то спиральныя, страстныя до чрезвычайности и въ то же самое время безсильныя, какъ дѣти; иногда великодушныя, а въ то же время завистливыя до послѣдней степени. Хорошій музыкантъ—это, можно сказать, сама зависть, и если бы я былъ скульпторомъ, то я непремѣнно изобразилъ бы ее со скрипкой или съ флейтой въ рукахъ. Иногда мнѣ приходилось слышать отъ моихъ друзей-музыкантовъ очень умныя мысли, а, между тѣмъ, они сами очень часто бываютъ глупы, потому что никогда не бываютъ въ состояніи оцѣнить свою музыку. И это понятно, monsieur,—добавилъ Тюрто, выпивая рюмку стараго ривезальца,—потому что музыка не есть практическій языкъ, а языкъ боговъ, и плохой композиторъ не виноватъ, если его богъ не умѣетъ хорошо разговаривать...

II.

Въ день рожденія маркизы, съ самаго утра началась сильная жара. Въ полдень зной сталъ положительно нестерпимъ. Казалось, что съ небосклона лилось пламя. Когда мы пришли поздравлять маркизу, то она опять была блѣдна и жаловалась на головную боль. На этотъ разъ было отчего, до того воздухъ становился удушливъ и тяжелъ. Какая-то сѣрая мгла рисовалась на горизонтѣ, не предвѣщая ничего хорошаго. Мы всѣ ходили точно вареные. Только у фонтана, да, можетъ быть, въ подвалахъ замка можно было найти прохладу. Тѣмъ не менѣе

за обѣдомъ, который былъ сервированъ ранѣе обыкновеннаго, мы всѣ развеселились, а когда за здоровье хозяйки было выпито нѣсколько стакановъ рокевера и фронтиньяна, а затѣмъ и шампанскаго, то обычныя французскія шутки и смѣхъ посыпались со всѣхъ сторонъ.

За обѣденными разговорами мы и не замѣтили, какъ неестественная темнота стала ложиться на бѣлую скатерть, на цвѣты и на лица собесѣдниковъ. Прислуга стала зажигать канделябры, а въ то время, когда дворецкій докладывалъ маркизѣ, что, вѣроятно, будетъ гроза, раздался ударъ грома, который долго гремѣлъ вдали, въ горахъ, а затѣмъ подкатился ближе и замеръ надъ замкомъ. Вслѣдъ затѣмъ неподвижный воздухъ сразу заколебался, загудѣлъ, засвисталъ, поднимая къ темнѣющему отъ облаковъ небу вертящіеся столбы пыли. Наконецъ, казалось, сорвался богъ вѣтровъ. Онъ дунулъ своею могущественною грудью на насъ—и голубого неба какъ не бывало. Наступила предгрозовая тьма, все еще душная, но уже свѣжая, подобная глубокой, ужасной ночи, озаряемой по временамъ бѣлыми вспышками отдаленной молніи. Всѣ чувствовали себя тревожно, разговоръ сталъ умолкать...

— Каково-то теперь путешественникамъ, которыхъ застигнетъ подобная погода на пути,—сказалъ Тюрто,—въ этихъ мѣстахъ дороги очень опасны и въ такую бурю легко упасть въ оврагъ вмѣстѣ съ экипажемъ.

При этомъ я замѣтилъ, что его лицо при каждой вспышкѣ молніи нервно улыбалось, а глаза свѣтились какимъ-то зеленымъ свѣтомъ.

Только что Тюрто сказалъ объ опасности ѣзды по здѣшнимъ дорогамъ, какъ вошелъ дворецкій и доложилъ маркизѣ, что двое путешественниковъ, одинъ очень молодой, а другой постарше, упали вмѣстѣ съ каретой въ рѣчку и хотя, слава Богу, ничего себѣ не повредили, но продолжать путешествія больше не могутъ и просятъ оказать имъ гостепріимство на одну ночь. Маркиза, конечно, тотчасъ же приказала отвести имъ комнату въ западной башнѣ, рядомъ съ моимъ помѣщеніемъ.

— А что это за путешественники? — спросилъ Тюрто.

— Ахъ, monsieur, — отвѣчалъ дворецкій дрожащимъ голосомъ, — еслибъ не доброта маркизы, то я ни за что бы ихъ не пустилъ, въ особенности старшаго, до того его наружность не внушаетъ мнѣ довѣрія. Во-первыхъ, онъ блѣденъ, какъ выходецъ съ того свѣта: глаза блестятъ, какъ у десяти бандитовъ, и самъ худъ, какъ чортъ. Другой еще юноша и похожъ на женщину. Но вѣдь это ничего не значитъ, и мальчики бываютъ злодѣи.

— Ну, полноте говорить вздоръ,- сказала де-Ланноа,—нельзя же бѣдныхъ людей оставлять въ полѣ въ такую погоду.

Въ это время дождь полилъ какъ изъ ведра и громъ безпрерывно гудѣлъ. Сильный вѣтеръ налеталъ по временамъ, деревья трещали, окна дребезжали... Обѣдъ, между тѣмъ, кончился, и баронеса сказала:

— Что же мы, однако, сидимъ, какъ сонныя мухи. Давайте веселиться! Сейчасъ же будемъ танцовать подъ звуки музыки и грома... Веселья, побольше веселья!!

Въ сосѣдней залѣ заиграла музыка, и мы бросились танцовать, рѣшившись веселиться въ честь маркизы, наперекоръ погодѣ. Здѣсь были зажжены люстры, спущены занавѣси у оконъ и на грозу не обращали вниманія до тѣхъ поръ, пока сильный и неожиданный напоръ вѣтра не распахнулъ большого готическаго окна, должно быть, плохо притвореннаго. Стекла посыпались, и въ залу широкой волною ворвался шумъ и гулъ непогоды. Казалось, вся природа бранилась и разговаривала на непонятномъ языкѣ. Небо гремѣло, свистѣлъ вѣтеръ, по деревьямъ шелъ ропотъ и шумъ.

И вдругъ, сквозь весь этотъ хаосъ звуковъ раздалась дикая, свирѣпая пѣснь безъ словъ. Точно самъ дьяволъ игралъ на какомъ-то небываломъ инструментѣ. Сначала это были отрывистые звуки въ родѣ злобнаго хохота, вырывавшагося изъ нечеловѣческой груди. Затѣмъ звуки перешли въ стонъ, вопль, то пронзительный, то вдругъ падающій на низкіе тоны; но, при всей ихъ дикости, въ нихъ была гармонія, которая со страшной силой сразу охватила всѣхъ присутствовавшихъ... Тревога и недоумѣніе отражались на всѣхъ лицахъ. Что бы это такое могло быть? Не буря ли это, забравшись въ трубу или въ разбитое окно сосѣдней башни, спѣла свою дикую и короткую пѣснь, никогда не повторяющуюся въ тѣхъ же тонахъ? Но нѣтъ, дикая пѣсня не прекратилась. Послѣ странной и великолѣпной гаммы зазвучала новая мелодія, похожая на танецъ, прерываемая короткими взрывами злобнаго хохота, какъ будто вѣдьмы плясали въ присутствіи самого сатаны. Очевидно, это игралъ какой-то необыкновенный инструментъ,

извлекавшій по временамъ звуки, похожіе на скрипку, по временамъ—на человѣческій голосъ удивительной звучности и проникновенія. Мы бросились въ сосѣднюю комнату, по странной случайности освѣщенную очень слабо. Здѣсь стало ясно, что звуки исходятъ изъ комнаты въ башнѣ, отведенной для неизвѣстныхъ путешественниковъ. Вѣроятно, шумъ нашихъ шаговъ былъ услышанъ; полупритворенная дверь распахнулась; оттуда вышла молодая женщина съ большими черными глазами и сказала:

— Это играетъ синьоръ Николо... Мы очень благодарны за гостепріимство...

III.

Синьоръ Николо стоялъ въ дверяхъ и, не глядя на насъ, продолжалъ играть. Только легкая усмѣшка скользнула по его тонкимъ губамъ...

Онъ былъ очень худъ, а узкій фракъ и черные чулки еще болѣе выставляли его худобу; его длинная фигура во время игры изламывалась и извивалась, какъ у призрака. Сходство съ призракомъ увеличивалось еще благодаря трупной блѣдности его лица, обрамленнаго длинными, слегка вьющимися черными волосами; только удивительно подвижные и блещущіе огнемъ черные глаза оживляли это лицо. Большой орлиный носъ, саркастическій и глубоко ввалившійся ротъ, впалыя щеки, на которыхъ глубоко выдѣлялись двѣ длинныя складки, напоминающія «эсы» скрипки,— все это было чрезвычайно оригинально.

Онъ продолжалъ играть, и всѣ кругомъ затихли и замерли, сразу почувствовавъ, что присутствуютъ при

чемъ-то необыкновенномъ. Это были варіаціи на какую-то адскую мелодію. Впослѣдствіи я узналъ, что это были варіаціи на танцы изъ балета «Stryges», но мелодіи были совершенно пересозданы этимъ геніальнымъ человѣкомъ. Онъ стоялъ передъ нами, какъ какое-то чудесное видѣніе. Въ то время, какъ магическій смычокъ въ его правой рукѣ заставлялъ говорить злыхъ духовъ, заключенныхъ въ скрипкѣ, кисть лѣвой съ необычайной ловкостью и гибкостью прыгала и носилась по струнамъ, налетая на нихъ какъ царственный орелъ на добычу. Лицо его выражало то отчаяніе, то изступленную радость, то страданіе души, увлекаемой къ погибели безпощадной судьбой...

Гроза, между тѣмъ, стала утихать... Громъ удалялся все далѣе и далѣе; менѣе шумѣлъ вѣтеръ; сквозь разорванныя облака стало проглядывать синее небо и неожиданно луна забѣлѣлась въ окнѣ. Тогда на лицѣ музыканта появилось успокоеніе, взглядъ сталъ нѣжнѣе и, закончивъ первую часть нѣсколькими могущественными аккордами, онъ заигралъ нѣжно и плавно благодарственный гимнъ природѣ и ея Создателю... Злой духъ былъ побѣжденъ, и невидимые ангелы слетѣлись кругомъ...

Никогда я и не подозрѣвалъ, что инструментъ можетъ такъ звучать въ человѣческихъ рукахъ... Я бы могъ сказать, что скрипка у этого человѣка, казалось, держалась сама собою, висѣла на воздухѣ, что быстрота и сила въ его пальцахъ, а также вѣрность уха были поразительны, что всѣ пассажи поражали своей неподражаемой чистотой, но это ничего бы не выражало, и всѣ настоящія замѣчанія удер-

жались въ моей памяти безотчетно, а тогда я только испытывалъ необыкновенное душевное настроеніе. Я ничего тогда не понималъ; я только чувствовалъ; я самъ обратился въ живой инструментъ, дрожавшій всѣми своими частицами при каждомъ ударѣ смычка этого очарователя, наслаждавшійся и страдавшій по его волѣ. Этотъ злодѣй шелъ на меня со всею безпощадностью своего божественнаго таланта, какъ ураганъ, только-что промчавшійся надъ замкомъ, какъ Тамерланъ съ огнемъ и мечомъ, какъ сотня дьяволовъ, со всѣми ужасами и соблазнами ада...

Одинъ изъ лакеевъ, для котораго, вѣроятно, музыка не существовала, внесъ большой канделябръ съ зажженными свѣчами, но стоявшая возлѣ меня дама такъ грозно на него шикнула, что я сначала даже не догадался, кто это. Обернувшись въ ея сторону, я увидѣлъ совершенно «незнакомое» мнѣ лицо,— блѣдное, съ расширенными глазами, въ которыхъ блистало то чувство наслажденія, которое вспыхиваетъ только въ глазахъ женщины. Все это лицо было охвачено неподвижностью; каждый фибръ его былъ какъ бы заколдованъ чудной музыкой артиста, и все вмѣстѣ изображало восторгъ и любовь и поклоненіе...

Это была маркиза. И я почувствовалъ мгновенно страшную зависть, ревность, и все это вмѣстѣ соединилось въ затаенный гнѣвъ. Мнѣ вдругъ показалось, что меня страшно кто-то обманываетъ. Я замѣтилъ, уже не знаю какъ, что музыкантъ смотритъ на маркизу, и прочелъ въ ея глазахъ милліонъ обѣщаній. Какимъ образомъ такой изящной женщинѣ, какъ маркиза, могъ понравиться этотъ дьяволъ?

Проведя послѣдній разъ смычкомъ по струнамъ,

музыкантъ отеръ рукою лобъ, сказалъ хриплымъ голосомъ «basta», еще что-то пробормоталъ, сѣлъ на стулъ и нервно улыбнулся.

Демонъ, ему помогавшій, казалось, отлетѣлъ отъ него, и онъ теперь принялъ странный, какой-то робкій видъ. Скрипка въ его усталой рукѣ казалась разбитымъ щитомъ въ рукахъ бойца. Маркиза смотрѣла на него какъ очарованная; ея же легкомысленная и веселая кузина подлетѣла къ музыканту и стала восторгаться:

— О, несравненный артистъ! Вѣдь это чудо, прелесть, восторгъ, то, что вы играли!.. Чьи это пьесы?

Скрипачъ нахмурился и отвѣчалъ:

— Это все равно... Когда я ихъ играю, то онѣ «мои»...

— Вы насъ всѣхъ очаровали!.. Какъ зовутъ васъ?

Онъ молчалъ.

— Его зовутъ Паганини...—сказалъ Тюрто, выдвинувшись впередъ и широко улыбаясь.—Здравствуй, другъ Николо!.. Ты не ожидалъ меня здѣсь встрѣтить?

Паганини измѣнился въ лицѣ и что-то пробормоталъ.

Мнѣ уже приходилось слышать отъ путешественниковъ по Италіи это имя. Любители разсказывали про него чудеса.

— Mesdames et messieurs,—продолжалъ Тюрто,—рекомендую вамъ: синьоръ Николо Паганини, когда-то первый скрипачъ въ Луккѣ, при дворѣ принцессы Елизы Бачіоки. Я его зналъ въ Италіи болѣе какъ любителя картъ и никакъ не ожидалъ, чтобы онъ такъ игралъ на скрипкѣ... Онъ игралъ въ карты, какъ чортъ, а чортъ завистливъ и сталъ его обыгрывать... Вѣроятно, это и заставило его вернуться къ инструменту. Явленіе исключительное. Такъ, можетъ

быть, и стоитъ играть. Такой игрой можно укротить бурю на океанѣ... Не правда ли, князь?—прибавилъ Тюрто, весело улыбнувшись и скользнувъ взоромъ по лицу маркизы.

Но тутъ произошло странное явленіе. Паганини уронилъ голову на грудь, отклонился на спинку кресла, въ которомъ сидѣлъ, и закрылъ глаза...

— Что съ нимъ!?—встревоженно спросила маркиза.—Ему дурно!.. Вамъ дурно?

При звукѣ ея голоса Паганини открылъ глаза; въ нихъ отразилось восхищеніе.

— O maraviglіosa apparizione!—прошепталъ онъ и вновь закрылъ глаза.

— Оставьте его, signora,—отвѣчала за него молодая итальянка, бросая мрачный взглядъ на маркизу.—Это отъ грозы... Онъ вчера ее еще предчувствовалъ и не спалъ цѣлую ночь. Позвольте намъ воспользоватся вашимъ гостепріимствомъ и отдохнуть.

Мы ихъ оставили и вернулись потихоньку въ залу.

— Какъ онъ красивъ!.. Какъ онъ удивительно былъ красивъ!—говорила вполголоса маркиза своей кузинѣ.

Остатокъ вечера маркиза только и говорила о Паганини и на мои ухаживанія, особенно нѣжныя на этотъ разъ, обращала мало вниманія. Передъ тѣмъ какъ расходиться спать, она меня даже просила зайти къ музыканту и узнать объ его здоровьѣ. Однако, мнѣ не удалось поговорить съ нимъ. Въ дверяхъ я встрѣтилъ выходящаго отъ него Тюрто, который мнѣ сказалъ:

— Вы къ нему... Я былъ увѣренъ, что вы къ нему зайдете, но его нельзя видѣть. Онъ нездоровъ и спитъ. Если вы не вѣрите, что онъ спитъ, то посмотрите!

Я пріотворилъ дверь. Паганини лежалъ полураздѣтый на софѣ, со сложенными на груди руками и, благодаря своей блѣдности, походилъ на мертвеца. Его спутница Антонія сидѣла у его ногъ и смотрѣла на него печально и мрачно.

— Неправда ли, онъ походитъ на трупъ?—говорилъ мнѣ Тюрто, провожая меня въ мою комнату.— Вотъ «удивилась» бы наша великолѣпная маркиза, если бы узнала, что у нея въ замкѣ гоститъ покойникъ... хо, хо!.. А она-то въ него, вы замѣтили, сразу влюбилась... Это бываетъ рѣдко, но случается... Ея сердце заключено теперь въ его скрипкѣ, какъ голубь въ когтяхъ у ястреба... Что вы такъ блѣдны и печальны, князь? Вамъ нездоровится? Если позволите, я немножко у васъ посижу...

Онъ усѣлся противъ меня въ кресло и налилъ себѣ и мнѣ по полному стакану вина. Тутъ я замѣтилъ, что Тюрто имѣлъ видъ человѣка, выпившаго лишнее...

— Обыкновенно говорятъ,—продолжалъ онъ,—что нельзя гнаться за двумя зайцами, и человѣкъ, предавшійся музамъ, долженъ соблюдать умѣренность; иначе ничего не достигнешь... Паганини составляетъ исключеніе... Въ ранней молодости онъ увлекался азартной игрой до того, что даже проигралъ скрипку, великолѣпнаго Гварнери, которую ему подарилъ въ Ливорно одинъ французъ. Я съ нимъ познакомился въ одной тавернѣ, когда безъ денегъ, безъ скрипки, онъ проклиналъ свое существованіе и говорилъ, что заложитъ свою душу чорту, если его полюбитъ какая-нибудь знатная и красивая дама. И что же? Одна графиня не только его полюбила, а прямо-таки похи-

тила и три года удерживала его въ своемъ замкѣ. За эти три года она до того ему надоѣла, что онъ опять клялся перезаложить свою душу, лишь бы ему вернули его скрипку... И что же? Скрипка вернулась (замѣтьте: неизвѣстно, кто ее принесъ), и артистъ бѣжалъ отъ своей Цирцеи. Но говорятъ, что это былъ уже не Паганини, а только трупъ его, въ который вселился одинъ изъ слугъ сатаны. Съ этого времени онъ начинаетъ метаться изъ стороны въ сторону, неожиданно уѣзжаетъ, иногда ночью, изъ одного города въ другой; то онъ въ Италіи, то въ южной Франціи, то неизвѣстно гдѣ... Говорятъ, что онъ связанъ съ шайкой бандитовъ какими-то преступленіями... А вы замѣтили, князь, какъ «она» на него смотрѣла? Какъ это все странно: если бы женщинъ не было, не было бы и искусства, а между тѣмъ никто такъ не губитъ искусство, какъ та же женщина... Вотъ и подите!.. Но вы, кажется, утомились, слушая мою старческую болтовню. Засните, засните, дорогой мой...

Не знаю, долго ли онъ еще говорилъ, но я не замѣтилъ, какъ онъ вышелъ...

IV.

. . . .

Я безумно влюбился въ маркизу, а она ко мнѣ охладѣла. Я безумно сожалѣлъ, что, умѣя играть на скрипкѣ, я не сдѣлался виртуозомъ, т. е. не продался такъ же точно сатанѣ, какъ Паганини... Я унизился до того, что на колѣняхъ объяснялся съ маркизой, просилъ у нея въ чемъ-то прощенія, но мои мольбы

были встрѣчены вѣжливо, но холодно. Она скоро уѣхала подъ какимъ-то предлогомъ въ помѣстье своей кузины, меня туда не пригласили, и я впослѣдствіи узналъ, что она направилась далѣе, на югъ, чтобы вновь встрѣтиться тамъ съ Паганини.

Я былъ въ такомъ отчаяніи, что не зналъ, что дѣлать, и остановился на фантастическомъ планѣ заняться скрипкой, достичь такого же совершенства, какъ и мой соперникъ, и рано ли, поздно ли отомстить маркизѣ за отверженную любовь. Я вспомнилъ, что мой учитель Джіовани Коста, братъ извѣстнаго скрипача, долго жившій въ Россіи, находится теперь въ своемъ родномъ городѣ — Генуѣ, и рѣшилъ туда къ нему отправиться. Я скоро собрался и послѣ долгаго путешествія прибылъ въ Геную. Тамъ у меня открылась рана, полученная мною на дуэли въ Парижѣ, и я не могъ выйти изъ гостиницы, а долженъ былъ лежать. Мой бывшій учитель самъ ко мнѣ пріѣхалъ. Я ему обрадовался, какъ старому другу, и разсказалъ все, что было у меня на душѣ...

— Если бы вы, молодой князь,—сказалъ онъ, нюхая табакъ, — не были больны, я бы разсмѣялся или бы разсердился за то, что вы потѣшаетесь надо мной, старикомъ, разсказывая мнѣ какія-то пустыя исторіи... Въ чемъ въ сущности дѣло?.. Какая-то дама васъ любила или показывала видъ, что васъ любитъ. Bene... А вы на это не обращали вниманія, думая, что она всегда будетъ ваша, когда вы того захотите... Лошадь думаетъ одно, а кто ее сѣдлаетъ—другое... Benissimo... Вдругъ пріѣзжаетъ Паганини, артистъ дѣйствительно замѣчательный, и она въ его влюбляется и даже за нимъ скачетъ... Удивительно, но возможно! Изъ вашихъ

безсвязныхъ разсказовъ я вижу, что игра этого человѣка васъ потрясла, подѣйствовала на тѣ артистическія струны, которыя еще звучатъ въ вашемъ легкомысленномъ сердцѣ, и вамъ стало жаль, что вы не учились какъ слѣдуетъ. Съ перваго взгляда это все-таки пустяки... Но вы изъ-за этого даже ѣдете сюда, въ Генуе, и ищете у меня утѣшенія: это уже не пустяки... Ясно, что тутъ есть что-то таинственное, непонятное... Васъ сглазили, и это сдѣлалъ Тюрто. Представьте, я его припоминаю. Это былъ такой злодѣй и getatore... Я его отлично помню въ Неаполѣ: онъ былъ заколотъ кинжаломъ и всѣ говорили, что онъ умеръ. Между тѣмъ, по вашему описанію, это онъ и, значитъ, онъ не умеръ... Въ заключеніе — я объясню вамъ ваше чувство: въ васъ проснулась адская зависть и адская ревность къ той, которая никогда уже не будетъ такой, какой она могла бы быть, если бы Паганини не пріѣхалъ, а вы не были бы дилетантомъ въ любви, какимъ вы всегда были въ нашемъ великолѣпномъ искусствѣ... Поэтому, я вамъ совѣтую забыть эту женщину, забыть любовь къ ней,—любовью занимаются одни бездѣльники,—и отправиться путешествовать куда-нибудь подальше... Вы больны, и путешествіе лучшее лекарство отъ вашей болѣзни. Пройдетъ время и все сгладится... Черезъ сто лѣтъ всѣ будемъ въ раю, какъ говорятъ испанцы...

1895 г.

ОНА.

I.

Это было зимой одного изъ революціонныхъ годовъ, когда каждый день приносилъ съ собой вѣсти о новыхъ заговорахъ, покушеніяхъ, убійствахъ, арестахъ, вооруженныхъ столкновеніяхъ и тому подобномъ. Естественно, что наши бесѣды съ С-вымъ велись на разнообразные темы, соотвѣтственно переживаемымъ моментамъ, т. е. не только о самой революціи, но и объ явленіяхъ, почти всегда ее сопровождающихъ, т. е. о повсемѣстныхъ разбояхъ, о паденіи нравственности и религіи и вообще объ усиленіи разврата даже среди подростающихъ поколѣній. Я, между прочимъ, обратилъ вниманіе С-ва на появленіе, судя по газетамъ, цѣлой стаи колдуновъ и колдуній, подъ разными названіями ясновидящихъ, гадальщицъ, хиромантовъ и тому подобныхъ... По этому поводу С-въ замѣтилъ, что прежде полиція успокаивала воображеніе обывателей простымъ способомъ, запрещая волшебникамъ и гадальщикамъ печататься въ объявленіяхъ, а теперь некому за этимъ слѣдить;

тѣмъ не менѣе, тѣ и другіе существовали и прежде, и что не всѣ между ними жалкіе обманщики, а попадаются интересные субъекты и что чувство чудеснаго охватываетъ теперь всѣ сферы общества...

Служебное положеніе С-ова послѣднее время ставило его въ весьма тяжелыя условія; кромѣ постоянной опасности, онъ былъ заваленъ работой и часто находился въ разъѣздахъ. Поэтому, я не могъ претендовать на него за то, что онъ сталъ рѣже у меня бывать, хотя отсутствіе такого интереснаго собесѣдника, какъ онъ, было весьма ощутительно въ мрачные и тревожные дни, которые мы тогда переживали. Между тѣмъ, промежутки между его посѣщеніями становились все продолжительнѣе и странное дѣло... онъ все менѣе и менѣе говорилъ о происходящихъ событіяхъ, подробности которыхъ ему были лучше извѣстны, чѣмъ многимъ, а, напротивъ того, любилъ отвлекаться въ сторону любви, чувствъ и загадочныхъ движеній человѣческаго духа... Я сильно подозрѣвалъ, что С-овъ, по необъяснимымъ для меня причинамъ, сталъ часто посѣщать разныхъ кудесниковъ, неожиданно нахлынувшихъ въ нашу столицу. Хотя онъ самъ въ этомъ не признавался, но только этимъ предположеніемъ я могъ объяснить, что его разсказы становились все страннѣе и загадочнѣе, хотя, несмотря на ихъ безсвязность, въ нихъ и было что-то интересное; при этомъ онъ нерѣдко прерывалъ рѣчь не окончивъ разсказа, смотрѣлъ на часы, хваталъ торопливо шляпу и уходилъ не простившись... Я всегда замѣчалъ у него нѣкоторыя странности, но все-таки въ общемъ онъ былъ скорѣе здоровымъ человѣкомъ. Послѣднее же время онъ замѣтно похудѣлъ

и осунулся и часто, сидя у меня, задумывался... Передъ послѣднимъ посѣщеніемъ онъ пропадалъ цѣлый мѣсяцъ и за это время еще болѣе перемѣнился... На этотъ разъ онъ заговорилъ о своей судьбѣ.

— Мнѣ было предсказано,—сказалъ онъ,—что я буду любить трехъ женщинъ и что всѣ онѣ умрутъ необычной смертью...

— Кто же вамъ это предсказалъ?

— Это все равно... Но фактъ тотъ, что моя двоюродная сестра утонула, а Зинаида, какъ я вамъ уже разсказывалъ, погибла не такъ давно при самой драматической обстановкѣ. Первая моя любовь была какой-то фантастической сказкой, а моя кузина—принцессой этой сказки... Она утонула въ томъ самомъ пруду, на берегу котораго, очарованные теплой, лунной ночью, мы первый разъ поцѣловались... У нея были глаза голубые и задумчивые, точно два глубокихъ горныхъ озера... Зинаиду я полюбилъ прежде всего за то, что у нея были такіе же глаза, только какъ будто еще синѣе и еще задумчивѣе... На ея портретѣ, прекрасно исполненномъ какимъ-то иностраннымъ художникомъ за годъ до ея смерти, особенно удались глаза... Онъ виситъ у меня въ кабинетѣ и при извѣстномъ освѣщеніи эти глаза иногда оживаютъ, загораются синимъ огнемъ. Я подолгу смотрѣлъ въ нихъ и, сливаясь съ ихъ взоромъ, старался въ немъ прочитать тѣ затаенныя мысли, которыя она не досказала мнѣ при жизни...

Послѣ смерти этихъ двухъ женщинъ у меня ничего не осталось, что меня привязывало бы къ жизни... О своемъ благополучіи я совершенно не думаю; я весь

отдался службѣ, а мои обязанности при князѣ отнимаютъ у меня массу времени; мнѣ некогда даже думать объ опасностяхъ, которымъ я иногда подвергаюсь... Когда же мнѣ выпадаютъ рѣдкія свободныя минуты, то отдыхъ мой заключается въ томъ, что я, сидя въ мягкомъ глубокомъ креслѣ, что-нибудь читаю или мечтаю...

— О чемъ?

— О такихъ вещахъ, въ которыхъ въ обыденное время мы видимъ только одинъ обманъ и заблужденіе.

С-овъ помолчалъ съ минуту и потомъ продолжалъ:

— Уже довольно давно я стремлюсь освободиться отъ господства тѣла и сократить матеріальныя потребности до минимума и, какъ это ни было трудно сначала, но послѣднее время я этого достигъ и это замѣтно усилило дѣятельность моего духа... При обыкновенныхъ условіяхъ духовныя силы человѣка далеко не всѣ проявляются... Въ сущности же онѣ только связаны, и поэтому никто не подозрѣваетъ, насколько онѣ могутъ быть могущественны. Съ теченіемъ времени я все болѣе и болѣе въ этомъ убѣждался... Чѣмъ болѣе я подавлялъ свое тѣлесное «я», тѣмъ болѣе выступало впередъ духовное, но такъ какъ моя воля еще не научилась сдерживать и управлять этой болѣе могущественной частью моего существа, то это духовное «я» иногда, точно разбушевавшись, проявляло, совершенно помимо меня, свою особую силу...

— Напримѣръ, въ чемъ же?

— Прежде всего, въ ясновидѣніи... Напримѣръ, во время завтрака у князя, я увидѣлъ за спиною генерала К*, смерть котораго такъ всѣхъ поразила,

фигуру въ сѣромъ, которая, постоявъ, исчезла... Затѣмъ, когда К* нечаянно брызнулъ водой на свой сюртукъ, то водяныя капли явственно покраснѣли, и хотя убійца былъ обнаруженъ полиціей, но въ этомъ дѣлѣ, какъ теперь извѣстно, была еще замѣшана какая-то женщина въ «сѣромъ», которую такъ и не удалось разыскать... Я тогда же сказалъ князю, кто К* будетъ убитъ...

— Отчего же не было принято мѣръ къ его спасенію?

— Тогда я и не видалъ бы фигуры въ сѣромъ и капель крови... Судьбу перемѣнить было нельзя... Другая способность, которая во мнѣ начала проявляться, это угадываніе на разстояніи мыслей того лица, о которомъ мнѣ надо было что-нибудь узнать, а также внушеніе ему своихъ мыслей; въ послѣднемъ случаѣ иногда, не знаю почему, передо мной являлся духъ этой особы... Большей частью это была женщина... Я видѣлъ ихъ неясно, какимъ-то внутреннимъ взоромъ; однако, они не вполнѣ мнѣ подчинялись, такъ какъ моя воля, какъ я вамъ говорилъ, далеко еще не овладѣла тою силою, которая стала во мнѣ сосредоточиваться...

— Какое же отношеніе имѣетъ все то, что вы сказали, къ предсказанію, что вы полюбите трехъ женщинъ? Гдѣ же третья?..

— А вотъ послушайте, что со мной произошло, и рѣшите—кто «она»,—третья ли женщина, или что-нибудь другое...

II.

На дняхъ, вечеромъ, покончивъ съ дѣлами, я отправился къ себѣ спать. Надо вамъ замѣтить, что вслѣдствіе большого напряженія нервовъ въ теченіе дня, прежде, чѣмъ ложиться, я сижу и что-нибудь читаю. Какъ разъ въ это время князь далъ мнѣ просмотрѣть очень рѣдкую книгу изъ своей библіотеки, которую теперь ни у одного букиниста не достанешь ни за какія деньги... Это было сочиненіе нѣкоего аббата Ланглэ Дюфренуа, заключавшее въ себѣ интересный трактатъ о явленіяхъ и видѣніяхъ подъ названіемъ—«Sur les apparitions et les visions»; книга была издана въ Авиньонѣ въ 1651 г.

Въ концѣ этой книги, написанной устарѣлымъ языкомъ и какъ будто бы наивно по нынѣшнимъ понятіямъ, я нашелъ подтвержденіе нѣкоторыхъ своихъ мыслей насчетъ демоновъ въ женскомъ образѣ, которыхъ мы зовемъ вѣдьмами, а также о значеніи кошмаровъ, какъ ужасныхъ, такъ и болѣзненно сладостныхъ. Почтенный аббатъ приписывалъ послѣдніе не неправильному обращенію крови, а именно посѣщающимъ человѣка во снѣ злостнымъ сукубамъ, старающимся уничтожить тѣло, чтобы овладѣть потомъ нашимъ духомъ.

Дочитавъ интересную главу, я долго не могъ заснуть... Настойчивыя, хотя безсвязныя мысли не давали мнѣ забыться... Затѣмъ, мои мысли слились въ нѣчто опредѣленное и наконецъ я противъ воли вообразилъ, иначе не могу опредѣлить, что я иду ночью по набережной, сначала почему-то около Мор-

ского корпуса, потомъ заворачиваю куда-то и попадаю въ какую-то слабо освѣщенную квартиру; запоминаю расположеніе комнатъ, мебель, убранство. Въ квартирѣ не встрѣчаю ни одного живого существа. Затѣмъ я опять оказываюсь на набережной, около какого-то моста. Навстрѣчу мнѣ идетъ дама подъ синей вуалью и, не дойдя до меня нѣсколько шаговъ, хочетъ что-то сказать, поскальзывается и падаетъ... Я ее подхватываю, подымаю и... все исчезаетъ... Не помню, какъ я наконецъ заснулъ... Я забылъ вамъ сказать, что послѣднее время я получаю много анонимныхъ писемъ. Я ихъ проглядываю и бросаю въ корзину...

— Какія же это письма?

— Всякія... попадаются и романтическаго характера съ приглашеніемъ придти въ опредѣленное мѣсто... Но я, конечно, не иду, вы понимаете, почему?.. Утромъ я вспомнилъ объ этихъ письмахъ, такъ какъ два изъ нихъ были написаны однимъ и тѣмъ же почеркомъ и приглашали меня придти къ какому-то мосту... Утромъ я заглянулъ въ корзину съ рваными бумагами, но, не найдя тамъ этихъ писемъ, машинально сталъ просматривать газету и вдругъ замѣтилъ объявленіе, въ которомъ говорилось, что на Васильевскомъ островѣ давно уже думаютъ о господинѣ, которому дважды писали, знаютъ, что и онъ о «ней» думаетъ, я потому просятъ его придти сегодня въ четыре часа къ Биржевому мосту; подписано—«Она»... Все это вмѣстѣ меня настолько заинтересовало, что я послалъ въ четвертомъ часу за каретой и отправился на Васильевскій островъ. На Биржевомъ мосту я приказалъ ѣхать тише, и вообра-

зите, выглянувъ въ окно, какъ будто нарочно, увидалъ высокую, стройную даму подъ синей вуалью, стоявшую въ нерѣшительности на тротуарѣ и смотрѣвшую въ мою сторону...

Замѣтивъ меня, она безъ колебаній пошла впередъ... Я вылѣзъ изъ кареты и пошелъ ей навстрѣчу... Она, съ своей стороны, ускорила шагъ, но, подойдя близко ко мнѣ, вдругъ поскользнулась и навѣрно упала бы, если бы я не подхватилъ ее во-время подъ локоть...

— Благодарю,—сказала она,—это—я... Я боялась, что вы не пріѣдете...

— Развѣ вы мнѣ писали?

— Да... Будто вы не знаете?

— Сударыня, мало ли я получаю всякихъ писемъ; не могу же я на всѣ отзываться! Я страшно занятъ... Встрѣча наша совершенно случайна...

Она на меня посмотрѣла страннымъ взглядомъ и сказала:

— Если вы чего-нибудь боитесь, то прикажите вашей каретѣ ѣхать сзади насъ...

Я пожалъ плечами и громко приказалъ кучеру не ждать меня и ѣхать домой, а самъ пошелъ съ ней рядомъ по направленію къ Дворцовому мосту...

Она откинула вуаль и первое, что меня поразило, это глубокіе синіе глаза; лицо ея было выразительно, но очень блѣдно. Говорила она нѣжнымъ, проникающимъ въ душу голосомъ. По всѣмъ признакамъ это была женщина, принадлежавшая къ хорошему обществу; но когда мы шли рядомъ, она старалась итти какъ можно ближе ко мнѣ, и я нѣсколько разъ чувствовалъ ея прикосновеніе...

— Зачѣмъ вы огорчаете меня? Первыя же ваши слова, которыхъ я такъ страстно ждала отъ васъ, была—неправда... Хорошо ли это?

Но я рѣшилъ не сдаваться и развязнымъ тономъ старался ее увѣрить, что наша встрѣча не болѣе, какъ забавное недоразумѣніе, что я отъ нея никакихъ писемъ не получалъ и что она, вѣроятно, меня принимаютъ за другого, и что если я вышелъ изъ кареты, то вовсе не потому, что ожидалъ свиданія съ ней... Затѣмъ, такъ какъ мы не замаскированы и намъ нѣтъ нужды обманывать другъ друга, поэтому, если она желаетъ, мы можемъ сейчасъ же вернуться къ Биржевому мосту, гдѣ, можетъ быть, ее ожидаетъ съ нетерпѣніемъ ея настоящій избранникъ. При этомъ я предложилъ ей итти подъ руку. Это была съ моей стороны неосторожность; она прижалась ко мнѣ, и отъ прикосновенія ея тѣла что-то жгучее разлилось по моимъ жиламъ, и я почувствовалъ неудержимое влеченіе къ этой странной незнакомкѣ, которую даже не разглядѣлъ, какъ слѣдуетъ.

— Все это неправда,—говорила она,—вы именно тотъ, кого я звала... Но вы должны были знать это еще ранѣе... Не вы ли сами какой-то странной силой вызвали мой духъ къ себѣ?.. Вы же знаете, что вы были у меня, и я была у васъ.

— Что такое? Я не понимаю васъ... Какъ это я могъ быть у васъ и вы у меня?—продолжалъ я слабо отнѣкиваться и чувствовалъ, что мой голосъ дрожитъ.

Она взглянула мнѣ въ лицо своими лучистыми глазами...

— Я даже могу описать вамъ вашъ домъ и вашу комнату,—сказала она,—и если и этого вамъ мало, то напомню вамъ о двухъ женщинахъ, которыхъ вы любили...

— Но кто же вы, если вы это знаете?

— А кто вы?—сказала она, не отвѣчая на мой вопросъ,--это надо кончать... Болѣе нельзя... Вы придете ко мнѣ, потому что я ваша... Такъ суждено... Но прежде вы должны съѣздить, я васъ умоляю, въ Лѣсной; тамъ въ четвертой просѣкѣ, направо за деревьями, вы подойдете къ маленькому памятнику и увидите, что надо...

— Извольте; если хотите, поѣдемте хоть завтра?..

— Нѣтъ, вы поѣдете одинъ...

Я обѣщалъ, хотя рѣшительно не понималъ, зачѣмъ это надо... Незамѣтно мы дошли до ея дома; было уже темно. У подъѣзда, когда я сталъ прощаться, она порывисто и крѣпко схватила меня за руки и страстнымъ и молящимъ голосомъ еще разъ просила меня съѣздить туда и требовала, чтобы я пересталъ наконецъ ее мучить и освободилъ отъ страннаго состоянія, въ которомъ она уже давно находится... Я старался ее успокоить, какъ могъ, и когда къ подъѣзду кто-то неожиданно подъѣхалъ, я, ничего болѣе не говоря, поспѣшно ушелъ отъ нея, взволнованный до глубины души...

Вечеромъ мнѣ надо было быть у князя. Должно быть я не сумѣлъ скрыть своего настроенія, потому что, взглянувъ мнѣ въ лицо, онъ спросилъ:

— Что случилось?

— Ничего,—отвѣчалъ я...

— Вѣрно больны?

— Нѣтъ, я здоровъ.

— А...

И онъ со свойственной ему деликатностью перересталъ разспрашивать, но сократилъ докладъ и отпустилъ меня ранѣе обыкновеннаго...

III.

Я рѣшилъ не исполнять странную прихоть незнакомки, но не выдержалъ и на слѣдующій день поѣхалъ утромъ кататься на автомобилѣ, а потомъ, самъ не помню какимъ образомъ, очутился въ Лѣсномъ. Я сидѣлъ рядомъ съ шоферомъ, во всю дорогу не проронилъ ни слова... Очевидно, мое молчаніе не понравилось шоферу, и онъ меня спросилъ: «не хотите ли повернуть домой?»

Но мы находились какъ разъ противъ четвертой просѣки. Тогда я встрепенулся, остановилъ автомобиль и, сказавъ, чтобы меня ждали на этомъ мѣстѣ, пошелъ впередъ. Мой спутникъ тоже слѣзъ съ автомобиля и внимательно оглядѣлся кругомъ... Я забылъ прибавить, что это не былъ «обыкновенный» шоферъ, а спеціально приставленный ко мнѣ человѣкъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, я инстинктивно повернулъ въ сторону и здѣсь, за вторымъ рядомъ деревьевъ, увидѣлъ небольшой холмикъ, съ уложенной на немъ каменной плитой. Эта плита, видимо, была очень старая... Сметя снѣгъ, я увидалъ высѣченный на камнѣ пятиугольникъ, а внутри его крестъ съ четырьмя розами вокругъ—знаки розенкрейцеровъ, а ниже полустертую временемъ надпись, первыя слова которой меня не-

сказанно удивили... Я не имѣю права повторять вамъ этихъ словъ, да кромѣ того, чтобы вы поняли ихъ значеніе, я долженъ былъ бы вамъ разсказать другую необычайную исторію, которая со мной случилась года два назадъ... Теперь же повѣрьте только тому, что, прочитавъ эти слова, я рѣшилъ уходить отсюда поскорѣе, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе оттепели изъ чащи деревъ тянулся какой-то туманъ и запахъ полусгнившей травы дурманилъ мнѣ голову... Да и солнце стояло уже низко... Между тѣмъ изъ тумана вдругъ показалась женщина въ сѣромъ костюмѣ; она, точно загипнотизированная, направлялась къ тому мѣсту, гдѣ я находился, и остановилась напротивъ меня между ближайшими деревьями; насъ раздѣляла только небольшая насыпь...

— Это была ваша незнакомка?

— Не... не знаю... У меня затуманило глаза... Она сдѣлала шагъ впередъ и наклонилась, какъ будто тоже хотѣла взглянуть на плиту, и при этомъ у меня вдругъ промелькнуло въ головѣ знакомое движеніе и я вспомнилъ почему-то о сѣромъ призракѣ, который мнѣ тогда почудился за спиной генерала К*... Я хотѣлъ ей что-то сказать, но она сдѣлала движеніе рукой, какъ бы удерживая меня на мѣстѣ, и скрылась между деревьями... Мнѣ больше ничего не оставалось дѣлать въ просѣкѣ, и я вернулся къ автомобилю... Мы немедленно тронулись и съ большой скоростью направились домой...

Тѣмъ не менѣе, до Петербурга мы добрались довольно поздно, и я рѣшительно не понимаю, какъ съ нами на дорогѣ ничего не случилось...

Приказавъ затопить каминъ въ кабинетѣ и усѣвшись въ большое кожаное кресло, я сталъ перебирать въ своей памяти событія послѣднихъ двухъ дней... Мое глубокое раздумье нарушалось только трескомъ горящихъ дровъ. Несмотря на то, что последнее время я привыкъ ничему не удивляться, то, что случилось, выходило изъ области моихъ наблюденій и потому пугало меня... Прежде всего мнѣ казалось страннымъ, что неизвѣстная мнѣ женщина воображала, что это я ее загипнозировалъ и вызвалъ ея духъ... Между тѣмъ, увѣряю васъ, воля моя здѣсь совершенно не участвовала. Значитъ, дѣйствовало какое-то «третье» лицо, неизвѣстное ни мнѣ, ни ей, таинственный режисеръ этого волшебнаго театра, въ которомъ мы играли роль покорныхъ ему маріонетокъ.

— Не говорили ли вы кому нибудь о вашемъ странномъ настроеніи?

— Никому... Одинъ только князь могъ догадываться кое о чемъ по нѣкоторымъ отдѣльнымъ фразамъ и еще кое по какимъ признакамъ... Но князю было не до того, чтобы заниматься мистификаціями... Такъ или иначе, я рѣшилъ вступить въ борьбу съ неизвѣстнымъ мнѣ врагомъ и противопоставить силу силѣ. На этотъ разъ я рѣшился предупредить его и сталъ вызывать мою незнакомку по тѣмъ даннымъ, которыя я уже имѣлъ въ своемъ распоряженіи.

...Положивъ передъ собою круглое зеркало съ золотымъ ободомъ и потушивъ въ кабинетѣ всѣ лампы, кромѣ одной подъ темнымъ абажуромъ (огонь въ каминѣ въ это время уже догорѣлъ), я устремилъ свою мысль въ «ея» направленіи, стараясь въ то же время

забыть все остальное, отрѣшиться сначала отъ всего «ближайшаго окружающаго», а затѣмъ и отъ своего матеріальнаго тѣла... Полностью этого достигнуть нельзя, да и опасно; можно разорвать связь духа съ тѣломъ и даже умереть... Первымъ признакомъ близости къ такому состоянію является едва слышный, но настойчивый шумъ, и такая же еле замѣтная вибрація всѣхъ предметомъ въ комнатѣ... Дальнѣйшее напряженіе воли—и наступила полнѣйшая тишина и полнѣйшая неподвижность... Надо вамъ сказать, что въ данномъ случаѣ я подражалъ отчасти пріемамъ индусскихъ факировъ... Я пересталъ чувствовать свое тѣло, и все кругомъ наполнилось нѣжною синеватою мглою... Я увидѣлъ сѣрыя очертанія уже извѣстной мнѣ комнаты, предметы, находившіеся въ ней, затѣмъ... съ дивана, какъ будто нехотя, поднялись очертанія стройной женщины и, какъ-то колыхаясь, приблизились ко мнѣ; она упала передо мною на колѣни, черезъ зеркало протянула мнѣ руки и стала смотрѣть на меня молящимъ и въ то же время полнымъ страданія взглядомъ.

Это была «она»... Но какъ я ни напрягалъ силу воли, мнѣ не удалось достигнуть большаго и прочесть ея мысли. Тогда съ досады я рѣшилъ прогнать отъ себя призракъ, но и это мнѣ удалось не вполнѣ: сначала она исчезла сразу по моему требованію, но я самъ почувствовалъ себя точно скованнымъ и не могъ пошевелиться; между тѣмъ призракъ явился снова, причемъ голова смотрѣла откуда-то уже съ высоты, и вся ея фигура вытянулась въ длину, постепенно теряя человѣческія формы... Въ темномъ углу кто-то смѣялся, а можетъ быть этотъ смѣхъ до-

носился съ улицы. Затѣмъ я какъ-то забылся и проснулся утромъ уже на диванѣ... Я твердо рѣшилъ избѣгать встрѣчи съ этой странной женщиной и не отзываться на ея письма, но въ тотъ же день, вечеромъ, неожиданно встрѣтился съ ней на Конногвардейскомъ бульварѣ... Она какъ бы выросла передо мной, точно это было между нами условлено. На этотъ разъ я не расположенъ былъ шутить и самъ сталъ требовать у нея объясненій. «Чего вы отъ меня хотите?—говорилъ я,—зачѣмъ вамъ надо было, чтобы я ѣздилъ туда? Ну вотъ, я съѣздилъ... Что же дальше?» Затѣмъ я намекнулъ ей, что подозрѣваю какого-то другого, мнѣ неизвѣстнаго, который толкнулъ ее на мою дорогу...

Въ отвѣтъ на это она засмѣялась радостнымъ смѣхомъ, глаза ея засвѣтились знакомымъ огнемъ и, подхвативъ меня подъ руку, она быстро пошла со мною впередъ...

— Этотъ «другой»—ты самъ,—говорила она.—Ты видѣлъ и слышалъ меня во снѣ, какъ я видѣла и слышала тебя... Ты каждую ночь вызывалъ меня, но я не сразу угадала, откуда зоветъ меня этотъ голосъ, не знала, гдѣ ты, существуешь ли ты; но чувствовала, что уже принадлежу тебѣ... Я страшно страдала, стараясь найти тебя... Вѣдь ты подумай... Чудныя видѣнія блуждали въ этомъ мірѣ, блуждали—и вдругъ нашли другъ друга въ какомъ-то мракѣ, нашли такъ же случайно, какъ лунный лучъ въ густомъ лѣсу вдругъ находитъ распустившійся цвѣтокъ... Теперь, какъ суждено, такъ и будетъ... Я должна быть твоею, потому что ты создалъ меня!..

Она говорила еще много такихъ же непонятныхъ и страстныхъ словъ, какъ будто колдовала, и я скоро поддался ея власти и шелъ за нею, точно увлекаемый непреоборимой силой; я ни о чемъ не думалъ въ эти минуты и чувствовалъ только, что страстная любовь овладѣла всѣмъ моимъ существомъ... Не помню, какъ мы очутились въ той самой комнатѣ, въ которой я уже видѣлъ ее въ магическомъ снѣ, но на этотъ разъ комната была не пуста; со мной была «она», и ея объятія и поцѣлуи жгли и опьяняли...

— Теперь уходи,—сказала она, когда въ сосѣдней комнатѣ стѣнные часы стали бить полночь,—помни мои ласки, онѣ первыя и послѣднія... Больше ты меня не увидишь...

На это я отвѣтилъ, что, наоборотъ, увѣренъ, что мы очень скоро, можетъ быть завтра же, опять съ ней увидимся, вообще тогда, когда я этого пожелаю; но она загадочно покачала головой и сказала, что только рѣдкій случай могъ свести насъ однажды, но второй разъ это уже не повторится...

На слѣдующій день я былъ очень занятъ дѣлами, но въ моей душѣ стало зарождаться смутное безпокойство... Я невольно вспомнилъ ея послѣднія слова, звучавшія вѣчной разлукой, которымъ я не придалъ тогда особеннаго значенія... Меня томила какая-то тоска... Вечеромъ я старался сосредоточить на ней свою мысль и безмолвно всѣми силами души звалъ ее къ себѣ, но никто не отвѣчалъ на мой зовъ. Но, что еще печальнѣе, ея образъ, помимо воли, сталъ быстро изглаживаться изъ моей памяти. Я никакъ не могъ болѣе возсоздать въ моемъ воображеніи ни выраженіе ея лица, ни ея голосъ, однимъ словомъ—

ничего. У меня оставалось только впечатлѣніе удивительныхъ синихъ глазъ. Чтобы напомнить ихъ себѣ еще болѣе, я зажегъ лампу у портрета Зинаиды, но, представьте, глаза послѣдней уже не производили прежняго эфекта; взоръ ихъ какъ будто утратилъ глубину и жизненность,—онъ не свѣтился болѣе, а неподражаемый цвѣтъ, чудно подобранный художникомъ, какъ-то поблекъ; это были обыкновенные глаза, хорошо написанные на полотнѣ...

Наконецъ, утомленный, съ разбитыми нервами, я легъ и заснулъ. Во снѣ я почувствовалъ, что духъ мой отдѣляется и несется куда-то... И затѣмъ я очутился не въ той комнатѣ, а у таинственнаго холмика въ Лѣсномъ. Противъ своей воли я сталъ смотрѣть надпись на плитѣ и вмѣсто уничтоженныхъ тогда временемъ словъ прочелъ два дорогихъ мнѣ имени. Затѣмъ, я не помню, что было...

Утромъ я пошелъ къ князю и въ ожиданіи его выхода сталъ просматривать газету... И вдругъ, представьте, въ дневникѣ происшествій прочелъ поразительное для меня извѣстіе, что на Васильевскомъ островѣ, въ той самой квартирѣ, въ которой я былъ, нашли вчера трупъ красивой молодой женщины... По объясненію газеты, эта квартира принадлежала одной дамѣ, уѣхавшей за границу и отдавшей ее на время отсутствія въ наемъ. Убитая женщина приходила за нѣсколько дней ее осматривать и затѣмъ не возвращалась болѣе... Какимъ образомъ она все-таки очутилась въ этой квартирѣ и въ ней меня принимала, не могу себѣ объяснить...

— Вы, конечно, ходили туда провѣрить, та ли это женщина или другая?

— Я не ходилъ, но знаю, что это была она...

— Кто же ее убилъ?

Но С-овъ, вмѣсто отвѣта, вдругъ вскочилъ и, воскликнувъ: «до свиданія, я очень спѣшу»—ушелъ оставивъ меня самого разбираться въ этой исторіи... Поэтому, если вамъ этотъ разсказъ покажется непонятнымъ или болѣзненнымъ, то въ этомъ виноватъ С-овъ, такъ какъ авторъ разсказа онъ, а не я...

СКАЗКИ и ЛЕГЕНДЫ.

А. БѢЖЕЦКІЙ.

УГОДНИКЪ БОЖІЙ.

На краю деревни жили старикъ со старухою. Хата у нихъ была старая, покосившаяся: стѣны осыпались, стекла повыбились, а солому на кровлѣ солнце сожгло, вѣтеръ и птицы растрепали. И уродилъ старикамъ Богъ одну десятину пшеницы, одну—жита и одну—ячменя, а работника не далъ. Вотъ они жали-жали, а пшеница еще осталась. Надо торопиться.

Однажды, поутру, будитъ старикъ жену и говоритъ:

— Пойдемъ, старая, пшеницу дожинать...

— Пойдемъ,—отвѣчаетъ.

Взяли серпы и пошли.

Къ полудню солнышко надъ головой поднялось, и стала ихъ жара пронимать. Полегли они отдыхать, а, малость полежавши, старикъ говоритъ:

— Эко горе! Ѣсть хочется, а хлѣба нѣтъ. Ступай старуха, по сосѣдямъ: не одолжитъ ли кто мѣрку пшеницы?

Пошла старая и возвращается съ пустыми руками, и побрели они домой не ѣвши. Старикъ сѣлъ на лавку и прослезился:

— Что тутъ будешь дѣлать? Чрево ѣсть проситъ, а руки къ работѣ ослабли!

Старуха и говоритъ:

— Обожди горевать; слышишь, колеса стучатъ? То сосѣдъ изъ города пріѣхалъ. Онъ богатый. Иди къ нему, не дастъ ли мѣрку пшеницы; дожнемъ—отдадимъ...

Пошелъ старикъ, а богатый и говоритъ:

— Дамъ тебѣ мѣрку, только пойди найди за себя поруку.

Пошелъ старикъ по сосѣдямъ; всѣ на работѣ, работы по горло, жара пронимаетъ, и никто за старыхъ ручаться не хочетъ.

— Господи, Твоя воля! Кажется, у всѣхъ бывалъ, всѣхъ просилъ, никто повѣрить не хочетъ... Пойду къ богачу съ Николаемъ угодникомъ; пусть онъ на икону повѣритъ, а я сожну, да обмолочу, да смелю и отдамъ... А пока безъ угодника проживу...

А икона-то съ ризами двѣнадцать цѣлковыхъ стоила. Взглянулъ богачъ на икону, видитъ — икона стоющая и далъ подъ нее мѣрку пшеничной муки. Пришелъ старикъ домой; поѣли, спать полегли, а на слѣдующій день пошли дожинать. До полудня кончили дожинать и старикъ прилегъ отдохнуть подъ кустъ. И вдругъ его болѣзнь схватила. Онъ—«охъ!» да «эхъ!» а ему все больше да больше горшаетъ. Побѣжала старуха къ богатому сосѣду, просить воловъ довезти мужа до дома. Богачъ согласился, а тому еще горше стало и померъ старикъ до свѣта...

Плачетъ старуха, бѣгаетъ по сосѣдямъ, проситъ помочь убрать покойника; никто не помогъ...

Плачетъ старуха, проситъ, не откопаетъ ли кто яму и гробъ не сколотитъ ли? «Намъ и самимъ, говорятъ, отъ работы хоть въ яму ложиться».

Вотъ сидитъ она надъ своимъ покойникомъ и плачетъ.

Богачъ услыхалъ у сосѣдей шумъ и пошелъ ихъ провѣдать. Пришелъ и видитъ, что сосѣдъ умеръ. Разсердился онъ на это и сталъ жаловаться на икону.

— Ты,—говоритъ,—поручитель, а смерти ему не отмолилъ, чтобы онъ безъ долговъ преставился... Кто же теперь отдавать будетъ?

Потомъ запрегъ онъ лошадей, положилъ на возъ мертвеца и икону и повезъ въ городъ продавать. Возитъ по городу и говоритъ:

— Кто дастъ рубль-цѣлковый, тому и мертвецъ, и икона!

И жилъ въ томъ городѣ небогатый купецъ. У него была жена и сынъ. И когда купецъ умеръ, то его лавку запечатали, пока сынъ не выростетъ. Мальчику уже семнадцатый годъ шелъ и звали его Иваномъ. А сынъ онъ былъ покорный, ласковый; жилъ съ матерью въ тишинѣ и согласіи, и лицо у него было ясное и чистое, какъ зеркало.

Вотъ вышелъ мальчикъ изъ дому и видитъ, что богатый мужикъ по-надъ лавками мертвеца и икону возитъ, отъ утра до обѣда возитъ, и никто не покупаетъ. Тогда подошелъ онъ къ возу и говоритъ:

— Здравствуйте, дяденька! Что это вы дѣлаете?

— А вотъ за долгъ вожу; кто мѣрку муки пшеничной или рубль-цѣлковый дастъ, тому и мертвецъ, и икона...

— Дяденька, везите за мною... Можетъ и сдѣлаемся.

Повезъ немилосердый богачъ мертвеца, а мальчикъ впереди пошелъ и какъ до воротъ дошли, обернулся и говоритъ: «обождите здѣсь, а я пойду мамашу спрошу»...

Вошелъ и говоритъ: «такъ и такъ, мамаша!».

— Что-жъ, сынокъ, возьмемъ! А икона съ нами останется...

И говоритъ мальчикъ: «везите во дворъ!» Ввезли во дворъ, внесли мертвеца въ чистую комнату и положили на кровать. Парень отдалъ рубль купцу, пошелъ купилъ досокъ и нанялъ плотниковъ гробъ дѣлать, а мать-старуха наняла людей, чтобы хлѣбы печь и разное варево варить, обѣдъ строить. Наняли гробокопателя и похоронили мертвеца по-христіански; помянули, какъ слѣдуетъ, и послѣ того на третій день еще разъ помянули. Икону въ особый уголъ поставили и лампадку передъ образомъ засвѣтили.

А тотъ богачъ, что рубль получилъ, этотъ самый рубль въ шинкѣ пропилъ и еще своихъ грошей пропилъ и на обратномъ пути дорогу потерялъ, съ пути сбился, въ оврагъ съ возомъ угодилъ и себѣ шею свернулъ...

Наступила суровая зима. Однажды вздумалось матери въ Николинъ день на икону помолиться; глядь, а иконы-то и нѣтъ... Она какъ заплачетъ и въ голосъ кинулась: «Господи Боже, нѣтъ иконы!»

Тогда сынъ сталъ ее утѣшать: «Не плачьте, мамаша! Не по нашей винѣ пропала икона; Богъ ее намъ послалъ, можетъ быть, Онъ и вернетъ»... Надѣлъ парень шубу и шапку и пошелъ на улицу. И идетъ Иванъ и думаетъ: «Какъ тутъ горю мамашину подсобить? И куда икона дѣвалась?»

Думаетъ парень и не чувствуетъ, что отъ мороза даже небо поалѣло. И видитъ: на встрѣчу идетъ ста-

рикъ въ бѣдной одеждѣ, высокій, статный, самъ сѣдой, какъ молоко, а взглядъ свѣтлый и глубокій; и идетъ тихо, степенно.

Парень шапку снялъ и говоритъ: «Здравствуйте, дѣдушка!».

— Здравствуй, сынокъ!

— Куда васъ Богъ несетъ?

— Иду, сынокъ, добрыхъ людей ищу. Не возьметъ ли кто меня, старика, до смерти догодовать...

— Подождите, дѣдушка! Я пойду мамашу спрошу...

Побѣжалъ къ матери: «Такъ и такъ, говоритъ, намъ вмѣсто иконы Господь старика послалъ»...

— Что-жъ? Возьмемъ, сынокъ! Старикъ насъ не объѣстъ, а, можетъ, еще за коровой приглянетъ... Идите, дѣдушка, въ домъ!.. Мы васъ успокоимъ до часа смертнаго...

Вошелъ старикъ и молитву сотворилъ, а старуха перекрестилась и сказала «аминь»...

— Спасибо тебѣ за «аминь»! Благодать Божья не оставитъ васъ. Да будетъ вамъ свѣтло, и тепло, и мирно...

Посадили старика, накормили, напоили, и сталъ онъ послѣ того хозяйку о покойномъ мужѣ распытывать.

Вотъ она ему и разсказала, что мужъ уже нѣсколько годовъ какъ умеръ, а лавка оставлена до сыновьева сроста; товару въ ней лежитъ много.

— Ну что-жъ,—говоритъ старикъ,—можно вотъ какъ сдѣлать: пошли сына къ начальству; пускай ему лавку откроютъ, а онъ товаръ распродастъ.

— Что же теперь отпирать, когда весь товаръ попортился?

— Пусть идетъ, отпираетъ... товаръ свѣжій...

Парень сдѣлалъ, какъ дѣдъ приказывалъ, отворилъ, посмотрѣлъ, а товаръ дѣйствительно свѣжій. И распродалъ онъ все за одинъ мѣсяцъ и тысячу цѣлковыхъ начисто взялъ за товаръ.

Приходитъ и эти самыя деньги матери отдаетъ, а та говоритъ:

— Отдай дѣдушкѣ! онъ сбережетъ... И слушай его, сынъ, какъ отца родного.

Поклонился парень старику и деньги передалъ.

Дѣдушка взялъ, посчиталъ и къ образамъ положилъ. И такъ-то прожилъ онъ годъ у матери съ сыномъ.

Вотъ однажды гуляетъ сынъ по-надъ моремъ и видитъ—двое его дядекъ корабли снастятъ, паруса навѣшиваютъ; хотятъ въ чужіе края за товарами ѣхать. И крѣпко захотѣлось ему съ дядьями во края неизвѣданные, море и счастья попытать.

— Что-жъ, говорятъ, коль у тебя деньги есть, мы тебя къ себѣ примемъ...

Мать ждала его цѣлый день и плакала.

— Гдѣ ты былъ, сынокъ?

Разсказалъ онъ, что корабли видѣлъ и что дядья за море собираются.

— Что-жъ намъ до этого? Они люди богатые, а у насъ силы не хватитъ, чтобы въ эдакую даль ѣхать. А тебѣ, сынокъ, надо вмѣстѣ со мной Господа молить, чтобы Онъ тебѣ пару послалъ, пока ты молодъ, да и жить съ женой въ мирѣ...

Сынъ задумался, а дѣдушка говоритъ:

— Ничего, старуха, не препятствуй! Пускай ѣдетъ и море испытываетъ; а я его не покину.

Нечего дѣлать, согласилась мать и сына отпустила съ благословеньемъ родительскимъ.

Вотъ поѣхали; поплыли на кораблѣ; день, другой ѣдутъ; ничего кругомъ, кромѣ волны, не видно. А дядья и говорятъ: «Вмѣсто того, чтобы намъ племянника съ собой возить, отберемъ у него лучше деньги, а его со старикомъ потопимъ»...

И рѣшили ихъ утопить за ночь, а тысячу рублевъ подѣлить за злое дѣло.

А старый дѣдъ сталъ на кормѣ. И задулъ вѣтеръ со стороны полунощной, и по морю скрозь великая волна пошла и поднялась буря невиданная. Паруса, снасти сорвало, поснесло, молнія мачту зажгла, и пошелъ корабль ко дну. Плыветъ Иванъ въ морѣ и видитъ — старый дѣдъ тонетъ; только сѣдая голова бѣлѣется. Онъ и подумалъ: «Господи, Боже праведный и ты, угодникъ Христовъ, Николай морской, отъ потопленія спасающій! Ничего, кромѣ добраго, я отъ этого старца не видѣлъ; что одному, что вдвоемъ—все равно живота рѣшаться... Помогу я ему, пока силъ хватаетъ»...—и поплылъ онъ къ дѣду. А у того лицо ясное, спокойное, будто не тонетъ. И говоритъ онъ Ивану: «Не бойся, Иванъ! Безъ воли Божіей камень ко дну нейдетъ»... И ухватилъ Иванъ старика и ему не то что тяжеле, а легче стало. Скоро занялся свѣтъ и они до берега доплыли...

Возвратились они потомъ къ матери, и разсказалъ Иванъ, какъ было дѣло. Мать плачетъ и смѣется отъ радости, а старикъ говоритъ:

— Ну, вотъ теперь сынъ твой море испыталъ и гнѣвъ Божій видѣлъ. Можно его и поженить...

И нашла старуха хорошую невѣсту своему сыну, сыграли свадьбу и стали жить да поживать.

Черезъ девять мѣсяцевъ, въ ночь, послалъ Богъ Ивану сына, а старуха за утро и говоритъ:

— Чудный сонъ видѣла я сегодня, дѣтки! Видѣла я, что стоитъ у колыбели угодникъ Божій, самъ въ церковномъ облаченіи, а въ рукѣ золотое кадило дымится; и горятъ у него на ризѣ и на митрѣ камни самоцвѣтные и волосы его точно мѣсяцъ свѣтятъ... Благословилъ онъ ребенка, повернулся ко мнѣ и вижу, что съ лица онъ ни дать, ни взять—нашъ дѣдъ... «Прощайте, говоритъ, добрые люди! Миръ вамъ»...

А Иванъ отвѣчаетъ:

— Что-жъ?—Сонъ хорошій.

Сталъ онъ креститься на образа и говоритъ:

— Смотрите-ка, мамаша, икона Николая угодника къ намъ вернулась!..

И видятъ всѣ, что эта самая икона, что пропадала, на старомъ мѣстѣ стоитъ и будто свѣтится, а Никола съ иконы какъ живой смотритъ. Что за чудо? Стали стараго дѣда кликать, а его дома нѣтъ: ушелъ и какъ ушелъ, никто не примѣтилъ, и болѣе никогда онъ не возвращался, и поняли они тогда, что дѣйствительно ихъ посѣтилъ угодникъ Божій, всякому во всякой потребѣ помощникъ и тайный защитникъ...

(Записано въ Харьковской губерніи).

ЖЕНА И СЕСТРА.

Жили были купецъ и купчиха и прижили дочь и сына. Дочь была старшая и, когда родители померли, осталась брату замѣсто матери. Пришло время замужъ идти, а она брата пожалѣла и лѣта пропустила. Брата звали Василіемъ. Жили они недалеко отъ города. Вотъ выросъ Василій до настоящихъ лѣтъ и говоритъ сестрѣ: «Поѣду-ка, сестрица, въ городъ себѣ невѣсту искать?» А она ему: «Ну, что-жъ, поѣзжай, а я дома похлопочу»... Пріѣхалъ онъ въ городъ, туда-сюда, замотался, заглядѣлся; скоро его тамъ окрутили и поженили на самой настоящей вѣдьмѣ. Василій привезъ ее домой и говоритъ сестрѣ: «Такъ и такъ, вотъ тебѣ невѣстка; чтобы тебѣ было свободнѣе, я тебѣ построю отдѣльный домъ». Построилъ онъ сестрѣ отдѣльный домъ, но такое къ ней чувствовалъ уваженіе, что, какъ вернется откуда, сейчасъ на минуту, другую зайдетъ къ сестрицѣ, а потомъ—къ женѣ...

Жена возревновала мужа къ сестрѣ и начала творить всякія пакости...

Поѣхалъ Василій какъ-то въ городъ, а жена тѣмъ временемъ взяла топоръ да и зарубила его любимую собачку. Возвращается, а она ему и говоритъ: «Ты

вотъ все своей сестрицѣ добраго утра желаешь, да на добрую ночь провожаешь, а она, негодная, тебѣ твоего любимаго пса зарубила». — «Какъ такъ?» — «Да такъ: взяла топоръ да и дерябнула по головѣ». Только не удалось вѣдьмѣ поссорить брата съ сестрой. Василій не повѣрилъ, пожалѣлъ собачку, а сестрѣ ни слова не сказалъ.

Въ другой разъ, когда Василій былъ въ отъѣздѣ, жена взяла да лучшему жеребцу голову сняла, а какъ онъ пріѣхалъ, сейчасъ стала жалиться: «Такъ и такъ, говоритъ, вотъ что твоя поганая сестра сдѣлала». Василій опять не повѣрилъ и говорилъ: «Эхъ, ты, глупая жена! Были бы деньги, а жеребцовъ много на свѣтѣ; другого купимъ!»

Озлилась жена такому отвѣту, но ничего не сказала. Въ третій разъ, пошла она къ колыбели, гдѣ ея дитя спало, и сказала: «Не покаялся ты на жеребцѣ, такъ покайся на дитѣ». Взяла да и порѣшила своего ребенка. Возвращается мужъ, а она ему и говоритъ:

— Вотъ, глупый песъ, полюбуйся, что твоя проклятая сестрица надѣлала!

Затосковалъ Василій и диву дался: «Что такое? Вѣдь не могла же мать родная убить свое дѣтище? Это ужъ навѣрно сестра-злодѣйка сотворила». Разсердился онъ послѣ этого, запрегъ въ телѣгу пару лошадей, отточилъ саблю и говоритъ сестрѣ:

— Собирайся, что ли!..

— Куда?—спрашиваетъ.

— А вотъ,—говоритъ,—увидишь...

Сѣли и поѣхали въ поле. Братъ молчитъ, а сестра—рада, пѣсни себѣ распѣваетъ и въ мысляхъ не имѣетъ, что братъ противъ нея замышляетъ...

Вотъ въѣхали они на узкую лѣсную тропинку, а поперекъ стоитъ дубъ изломанный. Остановилъ братъ лошадей и говоритъ:

— Сестрица! Встань и ступай за дубъ!

Какъ она стала за дубъ, онъ два раза махнулъ саблей и отсѣкъ ей обѣ руки, которыя такое злодѣйство произвели.

Сестра упала, а Василій вернулся домой и загрустилъ...

. . . .

Не далъ Господь помереть безвинной. Поднялась она и стала ходить по лѣсу. Устанетъ—поспитъ подъ деревомъ; отдохнетъ и опять идетъ; гдѣ грушу съѣстъ, гдѣ—яблочко, такъ и жила и питалась плодами да овощью.

Вотъ шла это она, шла и набрела на большой садъ: видитъ — сорокъ большихъ яблонь стоитъ и сорокъ сторожей въ саду. Захотѣлось ей яблока, подошла она къ дереву, потянулась зубами къ вѣткѣ и упала въ глубокую яму... Лежитъ въ ямѣ и думаетъ: «пропаду я теперь»! А садъ этотъ принадлежалъ одному князю и у этого князя было три сына. Призываетъ онъ однажды ихъ къ себѣ и говоритъ: «Сыны мои любезные! Вотъ вамъ каждому по луку; выпустите по стрѣлѣ и у кого стрѣла дальше залетитъ, того я и женю перваго»... Понатужились сыновья, что было мочи, и пустили стрѣлы, а потомъ пошли искать. Меньшого стрѣла залетѣла какъ разъ въ ту самую яму. Подходитъ онъ и видитъ: лежитъ красавица въ ямѣ и лицо у нея, какъ зеркало. Высвободилъ онъ ее оттуда и любуется: «Хочешь, говоритъ, за меня замужъ?» Она согласилась. Приводитъ онъ

ее домой и говоритъ: «Вотъ, папенька, извольте посмотрѣть! Пока другіе братья стрѣлы ищутъ, а я уже себѣ невѣсту нашелъ».

Вотъ такъ-то они и поженились и жили себѣ въ согласіи. Прошло немного времени, братъ князя прислалъ просить племянника на свадьбу. Собрался онъ на свадьбу и сказалъ родителямъ: «Жену я дома оставлю, потому она безрукая, а вы около нея походите, кормите и пойте ее».

Тѣмъ временемъ, какъ молодой князь на свадьбѣ пировалъ, жена родила ему сына—красавца на удивленіе: во лбу—звѣзда, на затылкѣ—мѣсяцъ, а противъ сердца—солнышко красное. Обрадовался старый князь и тотчасъ же засылаетъ сыну письмо съ нарочнымъ. Пишетъ: «Такъ и такъ, родила тебѣ твоя безрукая жена сына красоты неописанной»...

Поѣхалъ посланный какъ разъ черезъ то мѣсто, гдѣ жилъ Василій. Жена-вѣдьма погадала на четыре стороны, узнала, зачѣмъ ѣдетъ нарочный, и наслала на него дождь. Посланный отъ дождя сталъ подъ ея воротами, а она ему дѣвку высылаетъ: «Пожалуйте,—говоритъ,—въ домъ!» Напоила его, какъ лучше быть нельзя, и пока онъ спалъ, письмо стараго князя сожгла, а замѣсто его написала другое, что родился, молъ, сынъ безъ образа человѣческаго, «не то песъ, не то котъ,—не разберешь»...

Дошло это письмо до молодого князя. Онъ прочелъ, посмотрѣлъ и сказалъ: «что-нибудь да не такъ», и сейчасъ же во дворецъ отписалъ, чтобы оставили все какъ есть до его пріѣзда. Опять послала вѣдьма погоду на нарочнаго, опять его напоила и письмо подмѣнила, а въ томъ письмѣ написала отъ имени князя:

«Пока», говоритъ, «я пріѣду, истребить подлую жену съ ея сыномъ». Получаютъ письмо во дворцѣ и диву дались: «Да никакъ онъ не въ своемъ умѣ?!» Но нечего дѣлать: безрукую не истребили, а пошили ей мѣшокъ, надѣли на шею, посадили туда ребенка и говорятъ: «Иди, родная, куда знаешь»...

Вотъ опять она очутилась въ томъ же лѣсу; ходитъ, ходитъ и плачетъ. А мальчикъ растетъ не по часамъ, а по минутамъ. Пришли они разъ къ глубокому ручью. Взяла ее жажда, она и наклонилась къ водѣ напиться, а мальчикъ изъ торбы вывернулся и упалъ въ ручей; упалъ и понесло его. Бѣжитъ мать за нимъ и молится: «Господи, не дай младенцу погибнуть!»

И далъ ей Господь новыя руки и этими руками она сына вытащила изъ воды и Бога славила.

Пошли дальше, а сынъ уже около нея бѣжитъ и еще подросъ. Шли и видятъ: стоитъ высокій дубъ въ обхватъ.

Вотъ мальчикъ и говоритъ: «Маменька, благослови меня взлѣзть на этотъ дубъ; я оттуда кругомъ погляжу».

Полѣзъ онъ на самый верхъ, кругомъ высмотрѣлъ, спустился и говоритъ: «Въ той сторонѣ виденъ городъ; намъ туда надо идтить, что доброму молодцу лапти вить».

Вотъ пошли они и подъ тѣмъ самымъ городомъ у брата Василія остановились. И ни онъ, ни жена-вѣдьма, ихъ не признали.

Нанялась она къ брату въ работницы, работала усердно и сыну новую шапку справила. Ждетъ-пождетъ, въ скорости проѣзжаетъ княжій сынъ, ея супругъ, черезъ это самое мѣсто и сталъ здѣсь на ночлегъ. Онъ уже во дворцѣ у родителей побывалъ, всю ошибку спозналъ и поѣхалъ несчастную жену разыскивать. А вѣдьма была распутная; нанесла ѣды и напитковъ, пріодѣлась да пріукрасилась, думала гостю понравиться. А тотъ ея и во вниманіе не беретъ, все на работницу поглядываетъ... «Какъ двѣ капли воды—она... Только та была безъ рукъ, а эта при рукахъ ходитъ».

— Ты,—говоритъ,—милая, какого роду, да откуда?..

— А тебѣ зачѣмъ?

— А затѣмъ, что ты очень на мою жену похожа...

— А, можетъ, это я и есть?

Видитъ, что княжій сынъ отъ радости плачетъ, она и говоритъ:

— Да и точно это я, твоя жена!

Ну, сейчасъ обнялись, поцѣловались.

— А вотъ тебѣ,—говоритъ,—и сынъ твой распрекрасный; какъ писала тебѣ про его красоту, такъ она и по сейчасъ сохранилась.

Тутъ все и объяснилось, какія дѣла творила Васильева жена, чтобы невѣстку со свѣту сжить... Князь въ сердцахъ выхватилъ острую саблю и воскликнулъ:

— Тутъ тебѣ и конецъ, змѣя подколодная!

А жена говоритъ:

— Прости ей ради такого счастливаго дня!

Но Василій злую бабу не простилъ: привязалъ ее за косы къ хвосту жеребца и пустилъ въ поле; тотъ ее по полю носилъ, всю разметалъ; однѣ косы остались. А князь съ княгиней съ честью вернулись во дворецъ; попировали и стали себѣ жить да добра наживать.

1898 г.

(Записано въ Харьковской губерніи).

КУПЕЦЪ ЕЛИСЕЙ И ЕГО ЖЕНА.

У богатаго купца было три сына: Иванъ и Андрей женатые и младшій, Елисей, не женатый. Когда отецъ сталъ помирать, то позвалъ Ивана съ Андремъ и сказалъ имъ: «Вотъ я теперь заслабъ и, надо такъ полагать, скоро преставлюсь и все мое вамъ останется; а потому и прошу васъ: не отдѣляйтесь, живите вмѣстѣ и берегите Елисея, потому что онъ молодъ и красивъ собою».

Сыновья пообѣщали отцу не отдѣляться и за меньшимъ братомъ наблюдать...

Померъ родитель, а сыновья продолжали жить вмѣстѣ и вели сообща торговлю. Только одинъ Елисей дѣломъ не занимался и все охорашивался, да задумывался. Стали на него братья нападать.

— Что ты, братецъ, зря живешь, никакимъ дѣломъ не занимаешься?

А у нихъ было двѣнадцать лавокъ и за всѣми надо было имѣть наблюденіе.

— Братья мои любезные, — отвѣчалъ Елисей, — видите вы мою безпримѣрную красоту?

— Видимъ, и такой другой не найдется... Такъ что же изъ этого?

— Ну, такъ по моей красотѣ надо и красавицу жену отыскать.

— Искать, такъ искать... А сидя дома, сложа руки, не найдешь.

Принарядились. Запрягли тройку и поѣхали въ другой городъ и стали изъ дома въ домъ ѣздить. Ѣздили и по купцамъ, и по господамъ, — нигдѣ не нашли подходящей: все не нравится, да не нравится Елисею; у этой, говоритъ, носъ кверху, а у той, говоритъ, книзу. Эта полна, а та больно худа, а эта, говоритъ, ростомъ недовольна...

— Ну, — говорятъ братья, — трудно, Елисей, на тебя потрафить... Только на поѣздку стравили попусту... Рожна тебѣ, видно, нужно!..

Такъ безъ ничего вернулись братья обратно въ городъ, гдѣ у нихъ были лавки, и опять стали торговать, да Елисея попрекать, что мало работаетъ.

Въ томъ же самомъ городѣ жилъ отставной солдатъ; и у этого солдата была красавица дочка. И вотъ стала она жаловаться отцу на свою судьбу: «Я, говоритъ, и такая и сякая, только приданаго у меня нѣтъ и никто меня не сватаетъ!» А отецъ ей отвѣчаетъ: «Ничего, дочка! Не жалься! Вотъ тебѣ рубль цѣлковый, ступай, купи себѣ на юбку и на корсетъ, принарядись, увидятъ люди твою безпримѣрную красоту и женихи хорошіе найдутся».

Взяла она рубль и пошла въ лавку какъ разъ къ тремъ братьямъ и наткнулась на Елисея. Елисей, какъ увидалъ ее, такъ и ахнулъ.

— Вамъ,—говоритъ,—милая, чего надобно?

— На юбку и на корсетъ...

— Какого товару?

— А который подешевле... У меня денегъ нѣтъ.

— Ничего; я вамъ наборъ отпущу самый хорошій.

— За что же такая милость?

— А потому что я безпримѣрно красивъ, а вы трижды красивѣе... Очень вы мнѣ понравились...

Елисей замѣтилъ, что и онъ понравился солдатской дочери и сталъ ее выспрашивать: «Какъ тебя зовутъ? Да гдѣ ты живешь?» И про родственниковъ спросилъ.

— Какъ бы мнѣ къ вамъ въ гости пріѣхать?

— Милости просимъ! Только угощать васъ почти-что нечѣмъ; достатку у насъ настоящаго нѣтъ...

Сейчасъ же Елисей приказалъ съ приказчикомъ отпустить самоваръ, чаю, сахару, пряниковъ и черезъ часъ запрегъ лошадь и поѣхалъ къ солдату въ гости. Солдатъ былъ человѣкъ бывалый, обходительный; надѣлъ новые сапоги, шинель почистилъ, трубку закурилъ и принялъ гостя, какъ слѣдуетъ. О чемъ ни спроситъ Елисей — все солдатъ знаетъ: и про службу, и про иноземныя государства, и про все однимъ словомъ.

А дочь тѣмъ временемъ самоваръ поставила, чай разнесла и еще больше понравилась Елисею.

— Отдай,—говоритъ,—за меня, служивый, дочь... Я тебя къ себѣ возьму, поить и кормить буду и всякое уваженіе тебѣ сдѣлаю...

— Что-жъ, — говоритъ солдатъ, — ежели она желаетъ, такъ я не препятствую... А мнѣ многаго ненужно... Тебѣ, пока молодъ, пара нужна, а мнѣ, подъ старость лѣтъ, тѣлу помереть по легкости, да душѣ царство небесное... А водка-то у тебя всегда найдется...

Елисей обрадовался, въ скорости женился, слово свое сдержалъ, тестя къ себѣ перевезъ и ни въ чемъ ему отказу не дѣлалъ. Прожилъ солдатъ годъ и померъ отъ хорошей жизни. А Елисей жилъ да поживалъ и ничѣмъ не занимался.

Братья опять стали Елисея попрекать:

— Вотъ ты и женился, а все баклуши бьешь... Хоть бы ты за море съ товаромъ съѣздилъ?

— Вѣдь вы знаете мою безпримѣрную красоту?

— Знаемъ...

— Ну, такъ моя жена трижды красивѣе... Вотъ я и боюсь: отлучусь куда-нибудь, а ее вдругъ кто-нибудь прельститъ... Лучше ужъ я самъ смертью умру, чѣмъ такой грѣхъ случится...

Поговорили между собой Андрей и Иванъ и потомъ все женѣ объяснили. Жена обидѣлась, пошла къ Елисею и говоритъ:

— Слыхала я про твои рѣчи нехорошіе... Коли не вѣришь мнѣ, такъ повѣрь клятвѣ.

Потомъ взяла, отрѣзала коленкору, сшила мужу рубашку, отнесла ему и сказала:

— Возьми три корабля и поѣзжай за море торговать, и хоть ты тамъ сто лѣтъ пробудешь, никогда эта рубаха не почернѣетъ, пока я не согрѣшу передъ тобой...

Послушался Елисей, снарядилъ три корабля, набралъ товару и уѣхалъ въ заморскую страну, и такъ тамъ выгодно торговалъ, что всѣ прочіе купцы стали завидовать. Все они думали, какъ бы Елисея опутать, наконецъ придумали; пришли къ королю: «Такъ и такъ, говорятъ, пріѣхалъ купецъ Елисей, гнилого товара навезъ и всѣ у него покупаютъ—дѣло нехо-

рошее... И, кромѣ того, извольте сами посмотрѣть, годъ живетъ и рубашки не мѣняетъ, а рубашка все чистая остается, точно сейчасъ надѣвана... Колдовство!»

Король нахмурился и говоритъ: «Позвать его сюда! А становому приличное наказаніе сдѣлать, чтобы смотрѣлъ въ оба и докладывалъ во-время и чтобы такія дѣйствія мимо нашего взора не проходили!»...

Елисей пріодѣлся, подбодрился и явился королю.

— Здраствуй!

— Здраствуйте, ваше сіятельство!

— Ты это что же, братецъ? Пріѣхалъ въ мое государство, безъ моего позволенія торгуешь, гнилое за хорошее спускаешь, худое за доброе, да еще двойную цѣну берешь? И что удивительно: всѣ у тебя берутъ и деньги платятъ! А еще на тебя произносятъ, что ты рубашку цѣлый годъ не мѣняешь, а она не чернится... Это что еще за порядки? Отвѣтствуй и страшись моего праведнаго гнѣва!

На это Елисей отвѣчалъ, что праведнаго гнѣва онъ не боится, потому что не виноватъ: «На торговлю разрѣшеніе имѣю, покупателей не обвѣшиваю и не обмѣриваю, товаръ привезъ хорошій, а если хорошо торгую, то тому причина — моя безпримѣрная красота».

Потомъ Елисей объяснилъ, что его жена трижды красивѣе, разсказалъ про свое сомнѣніе, какъ жена сшила ему рубашку и все прочее...

Выслушалъ король внимательно, крѣпко задумался и потомъ сказалъ:

— Теперь я понимаю, братецъ, почему на тебя прочіе купцы ершатся... А все-таки же, если ты мнѣ совралъ, такъ тебѣ голову долой... Вотъ что я на-

думалъ. Есть у меня одинъ сенаторъ; человѣкъ дошлый; пошлю я его къ твоей женѣ съ подарками... Если онъ ее улеститъ и соблазнитъ — голову тебѣ долой; и если нѣтъ—три корабля тебѣ въ подарокъ; сказано и да будетъ мое слово неизмѣнно...

— Что-жъ, ваше сіятельство! На то ваша королевская воля... Извольте посылать...

Сейчась король позвалъ казначея и велѣлъ взять большой сундукъ и въ этотъ сундукъ наложить всего: и ситцевъ, и шелковъ, и разныхъ уборовъ, и всякихъ сластей — и все первый сортъ. Потомъ приказалъ этому самому сенатору снарядиться; «такъ и такъ,— говоритъ, — долженъ ты жену Елисея прельстить... Для того тебѣ и подарки дадены...»

Сенаторъ сказалъ:—«Буду стараться, ваше сіятельство», и отправился.

Вотъ пріѣхалъ онъ въ тотъ самый городъ подъ вечеръ и проситъ старшину, чтобы ему отвели постой въ домѣ, гдѣ жена Елисея живетъ. Отвели ему квартиру; разложился онъ, почистился, разодѣлся и видитъ—по двору двѣ женщины ходятъ.

— Вы,—говоритъ,—сестры, кто такія будете? Чьи вы невѣсты?

Онѣ объяснили.

— Какъ бы мнѣ жену Елисея позвать... Очень ужъ много я о ней наслышался?..

Пришла жена Елисея, и видитъ сенаторъ, что дѣйствительно звѣзда-баба. Очень она ему понравилась и сталъ онъ ей подарки подносить и словами улещать. А она, не будь дура, догадалась, что тутъ что-то не ладно, притворилась, что будто соглашается Елисею измѣнить; сейчасъ слугъ позвала и говоритъ: «Ни-

кого въ ворота не пускать, столъ накрыть, сладкой водки подать, и того, другого, и самоваръ холодной водой налить, чтобы дольше время проводить». Обрадовался сенаторъ, разважничалъ, а она ему все подливаетъ да подливаетъ: «погоди,—говоритъ, попозже и не то будетъ»... Совсѣмъ голову сенатору отвертѣла. Напоила она его до пьяна и велѣла въ холодный погребъ снести. Утромъ просыпается, ничего разобрать не можетъ и не вспомнить, исполнилъ ли приказаніе короля или нѣтъ. А она его за работу посадила, за кудель, чтобы, говоритъ, хлѣбъ даромъ не ѣлъ.

Время прошло; видитъ король, что рубашка на Елисеѣ не чернѣетъ, а сенаторъ не возвращается, и зоветъ къ себѣ купца.

— Ну, что, братъ Елисей, на первый разъ голову спасъ ты свою; закладъ свой я проигралъ... Вотъ тебѣ три корабля... Только ты у меня еще погости... Хочу еще разъ попытать... Есть у меня принцъ, такой вѣжливый, что вѣжливѣе его и нѣтъ. Пошлю его: если твою жену соблазнитъ—голову съ тебя долой... А если нѣтъ, то тебѣ шесть кораблей...

Приказалъ король наложить второй сундукъ подарками, еще лучше, чѣмъ въ первый разъ, позвалъ принца и приказалъ ему отправляться къ женѣ Елисея.

Поѣхалъ принцъ, но также ничего не добился и только въ погребъ угодилъ. Нечего дѣлать, отдалъ король Елисею еще шесть кораблей и говоритъ: «Что за притча? Что за твердая баба! А я все-таки не угомонюсь, пока своего не добьюсь; поѣду самъ и на нее посмотрю»...

Снарядили большой корабль, и отправился король за море. Пріѣхалъ въ тотъ самый городъ, гдѣ жена Елисея жила, запрягли коляску съ фалеторомъ; осмотрѣлъ король городъ, покатался и потомъ велѣлъ вечеромъ ѣхать къ ней. Какъ взглянулъ онъ на нее, такъ и удивился: «Дѣйствительно,—говоритъ,— ты трижды красивѣе Елисея, да и королевнѣ моей носъ утрешь... Ты, вѣдь, знаешь, кто я?»

— А кто же вы такіе будете?

— Я заморскій король... У меня твой Елисей торгуетъ: гнилое за хорошее продаетъ и за все двойную цѣну беретъ... Хочешь, я ему голову сниму?

— Нѣтъ, не хочу.

— А не хочешь, такъ измѣни со мной своему мужу.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, невозможно...

Король осерчалъ и началъ ей грозить:

— Ты,—говоритъ,—что съ моими слугами исдѣлала? Я къ тебѣ и сенатора и принца послалъ, а о нихъ ни слуху, ни духу?

— А я ихъ за работу посадила, чтобы даромъ хлѣбъ не ѣли...

— За какую работу?

Открыла она дверь и показываетъ. И дѣйствительно, видитъ король, что сенаторъ съ принцемъ сидятъ вдвоемъ и кудель прядутъ.

— Ахъ, вы, — говоритъ, — такіе-сякіе! Вотъ вы какъ мое повелѣніе исполнили?

— Осрамились, ваше сіятельство!

— То-то осрамились! А еще сановитые люди... Ну, да и я самъ ничего не добился... А то бы я васъ разжаловалъ... Ну, нечего дѣлать, бросайте прядево и поѣдемъ домой. Надо повиниться передъ Елисеемъ.

Распрощался король съ хозяйкой, подарилъ ей всѣ подарки, а два пустыхъ сундука съ собой взялъ, и какъ пріѣхалъ въ свое королевство, тотчасъ приказалъ сенатора и принца въ эти самые сундуки посадить. Сѣлъ на тронъ и зоветъ къ себѣ Елисея.

— Здорово, купецъ! Ну, что, твоя рубашка не почернѣла?

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство!

— Такъ-то такъ; а вотъ за то я осрамился... Былъ у твоей жены; у тебя безпримѣрная красота, а она трижды красивѣе... Она, слава Богу, здорова и тебѣ два сундука съ подарками шлетъ... Подать сюда сундуки!

Подали сундуки, а король отдалъ ключи Елисею и говоритъ:

— Открой да покажи, какой гостинецъ тебѣ жена прислала?

Елисей открылъ, и изъ одного сундука сенаторъ вылѣзъ, а изъ другого—принцъ.

— Каковы подарки? Это они хотѣли твою жену прельстить, да вмѣсто того въ сундуки попали... Ну, что дѣлать, отпустить ему еще двѣнадцать кораблей за обиду и торговать ему у насъ безпошлинно... А ты, все-таки, Елисей, къ женѣ съѣзди, а не равно другой король пріѣдетъ, повѣжливѣе меня, и, чего добраго, придется чистую рубаху надѣвать!

1896 г.

ЧАСОВОЙ И ЧОРТЪ.

I.

Рядовой 15*-го пѣхотнаго полка Андрей Адріановъ стоялъ на часахъ у интендантскаго склада. Первую смѣну онъ отстоялъ еще днемъ. Послѣ этого онъ обѣдалъ въ караульной комнатѣ, потомъ послушалъ удивительную исторію про рыцарей Фортинбраса и Сефемора и про колдуна Мерлина, которую читалъ вслухъ унтеръ-офицеръ, и, наконецъ, крѣпко заснулъ и спалъ до тѣхъ поръ, пока опять не пришлось идти на часы. На этотъ разъ пришлось стоять глубокою ночью...

Дѣло происходило въ Закавказьѣ. Южная темная ночь прикрыла всѣ окрестности. Черныя тучи тянулись со стороны горъ. Луну по временамъ заволакивало и по мѣстности скользили странныя, причудливыя тѣни. Постоявъ нѣсколько времени на мѣстѣ, Андрей Адріановъ почувствовалъ, что глаза смыкаетъ дремота, а по спинѣ пробѣгаетъ дрожь отъ ночного холода. Тогда онъ сталъ ходить взадъ и впередъ мѣрнымъ шагомъ, разсѣянно поглядывая то на черные, поросшіе кустарникомъ, края обрыва, то на

осыпавшуюся стѣну неуклюжаго каменнаго ящика, изображавшаго интендантскій складъ. Чѣмъ болѣе онъ ходилъ, тѣмъ болѣе его утомляло его ружье. Сначала онъ держалъ его на лѣвомъ плечѣ, потомъ на правомъ, и чѣмъ дольше ходилъ, тѣмъ чаще дѣлалъ эту перекладку, и съ каждымъ разомъ ему казалось, что къ вѣсу ружья прибавлялось по фунту. Такимъ образомъ, черезъ полчаса ружье вѣсило уже около пуда. Затѣмъ онъ сталъ носить его уже подъ курокъ, заложивъ руки въ рукава. Облака все болѣе надвигались и въ горахъ по временамъ вспыхивала молнія, ничего не освѣщая. Адріановъ вспомнилъ чтеніе про колдуна и ему стало немножко жутко... Въ это время вдали показался обходъ. Адріановъ оживился, и ружье сразу стало вѣсить пять фунтовъ.

— Кто идетъ? — крикнулъ онъ.

Вдали показалась странная фигура въ огромнѣйшей папахѣ.

— Кто идетъ?—повторилъ Адріановъ.

— Это я, кавалеръ,—чортъ...

— Чортъ, стой! что пропускъ?

При этомъ часовой хотѣлъ приложиться, но прикладъ точно приросъ къ землѣ. Ружье сразу потяжелѣло, точно въ немъ было пудовъ десять. Глаза у неизвѣстнаго свѣтились, какъ у волка, а изъ носу шелъ дымъ. Сзади извивался длинный хвостъ. Дѣло выходило плохо...

«Должно быть, и взаправду чортъ!» подумалъ Андрей.

У чорта была странная голова: не то песья, не то ослиная, съ огромнымъ кривымъ носомъ.

— Ты меня, кавалеръ, не бойся, я тебѣ зла не

сдѣлаю и въ покоѣ тебя оставлю, только съ однимъ условіемъ...

— Никакихъ я твоихъ условіевъ не желаю. Развѣ не знаешь, дьявольское отродье, что на часахъ разговаривать солдату нельзя?

— А я вашего устава знать не хочу! Ежели ты со мной не поладишь, такъ я тебѣ всякую пакость причиню...

Захотѣлось Андрею Адріанову перекреститься, но рука прилипла къ погонному ремню, а въ головѣ начало мутиться...

— Что же тебѣ отъ меня надо?

— А хочу я такимъ же кавалеромъ быть, какъ и ты... Поэтому мнѣ надо вашу солдатскую науку произойти и военное званіе заслужить...

Адріановъ пріободрился.

— Дуракъ, ты, какъ я погляжу, хоть и чортъ,— сказалъ онъ.—Ты думаешь, что дѣло такое, что тяпъ-ляпъ и готовъ корапъ. Я, братъ, шесть мѣсяцевъ эту науку происходилъ, и сколько мнѣ всякаго гостинцу влетѣло, пока я научился, а ты эдакое мудрое дѣло, нечистое рыло, хочешь въ одинъ часъ произойти!

— Ужъ ты только меня научи, а въ остальномъ не сумнѣвайся. А я тебѣ за это всякое уваженіе окажу.

— Ну, ладно, что съ тобой подѣлаешь; становись; только доставай ружье, а своего я дать тебѣ не смѣю.

Чортъ моментально откуда-то досталъ ружье. На свое мохнатое тѣло онъ напялилъ солдатскую шинель, которую стянулъ тутъ же, въ интендантскомъ складѣ.

— Эко рыло!—сказалъ Андрей Адріановъ и сплюнулъ.

— Да ты, кавалеръ, не смѣйся надо мной; кажется, я по формѣ.

— Ну, нечего дѣлать,—сказалъ Адріановъ,—сдѣлаю тебѣ ученіе... Смотри не обижайся, если я тебя сгоряча поправлять начну; только ты сначала мои руки отъ своего дьявольскаго навожденія освободи.

— Ты ужъ только меня выучи, а ужъ я все отъ тебя стерплю.

— Ну, бери свое ружье; становись въ будку!

— Зачѣмъ же въ будку?—спросилъ удивленный чортъ.

— А затѣмъ, чтобы тебя никто не видѣлъ со стороны, да и обычай у насъ таковъ, чтобы рекрутовъ въ будкѣ учить.

Нечего дѣлать, сталъ чортъ въ будку и по командѣ «смирно!» изобразилъ на своей мордѣ необыкновенно серьезное выраженіе.

За каждый неловкій пріемъ Адріановъ поправлялъ чорта кулакомъ подъ подбородокъ; бѣдному чорту въ будкѣ было очень тѣсно, и наука ему доставалась не легко. Сначала Адріановъ училъ его стойкѣ и поворотамъ; но когда дѣло дошло до ружейныхъ пріемовъ, то нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ никакъ не могъ выполнить, ибо ружье упиралось въ крышу будки; чортъ положительно выбился изъ силъ.

— Ну, служивый, спасибо за науку, — сказалъ онъ,—на первый разъ достаточно...

— Ну, нѣтъ, братъ: учиться такъ учиться; еще съ полчаса я тебя поманежу!

Чортъ не соглашался и хотѣлъ уже выскочить изъ будки и удрать, но Адріановъ взялъ и перекрестилъ будку. Чортъ завизжалъ благимъ матомъ.

— Что ты визжишь? Ты эдакъ всѣхъ часовыхъ переполошишь. Сиди смирно; вотъ, когда смѣна придетъ, я тебя сдамъ по принадлежности. Ахъ, ты, анаѳема! Вотъ, не будешь смущать болѣе нашего брата.

Чортъ присмирѣлъ, но черезъ нѣсколько времени сталъ вкрадчивымъ голосомъ и на разные лады умолять солдата, чтобы онъ отпустилъ его на волю.

— Ну, что тебѣ за сласть, служивый, если я свободы лишусь? Вѣдь такихъ чертей, какъ я, на землѣ гуляетъ видимо-невидимо... Да еще въ аду ихъ цѣлая тьма на-готовѣ сидитъ... Вѣдь на каждаго солдата насъ существуетъ по нѣсколько штукъ, а на бабъ и на генераловъ и еще того болѣе... Положишь ты на меня запретъ или нѣтъ—все равно—лучше не станетъ... Отпусти ты меня лучше на волю, и за это все, что хочешь, все я для тебя сдѣлаю, только отпусти меня, служивый; отпусти ты меня, ваше высокоблагородіе!

Въ воображеніи Адріанова мелькнуло свѣжее лицо бѣлокурой дѣвушки; блестящіе сѣрые глаза ласково взглянули ему въ сердце, и звонкій смѣхъ задрожалъ въ его ушахъ. Родныя избы въ тѣни березъ и липъ, черный боръ, золотой верхъ сельской церкви и даже родимая рѣка, какъ огнемъ, блеснули подъ лучами полуденнаго солнца...

— Ну, ладно,—сказалъ Адріановъ,—отпущу я тебя, но только съ уговоромъ. Сейчасъ же свези меня въ наше село; хочу я посмотрѣть, что моя невѣста дѣлаетъ; но чтобы къ смѣнѣ быть назадъ и сдѣлай

такъ, чтобы никто не замѣтилъ, что я съ поста отлучился...

Нечего дѣлать: чортъ согласился.

Намалевавъ своимъ дьявольскимъ пальцемъ на интендантской стѣнѣ часового, онъ согнулъ спину и сказалъ:

— Ну, полѣзай мнѣ на плечи, служивый, только смотри, не обмани, отпусти въ срокъ...

Адріановъ распустилъ погонный ремень у ружья, забросилъ себѣ ружье за плечи и вскочилъ верхомъ на чорта.

— Ну, трогай, что ли!

Чортъ взвился надъ складомъ, какъ ястребъ, такъ что Адріановъ успѣлъ только схватиться за рога и вскрикнуть: «ухъ!» Но такъ какъ солдатъ ничему не удивляется, то и онъ немедленно привыкъ къ новому положенію и, устроившись поудобнѣе, вынулъ изъ кармана трубку, зажегъ и такъ затянулся, что даже искры посыпались во всѣ стороны, а табакъ былъ такой крѣпкій, что чорту показалось, что ему засунули въ глотку огромный булыжникъ.

II.

Чортъ летѣлъ съ быстротою молніи; но вслѣдствіе своего лукавства онъ летѣлъ не прямо, а то вздымался наверхъ, прорываясь сквозь облака, то спускался внизъ и извивался между деревьями и строеніями. Дѣлалъ онъ это изъ присущаго соблазнителю рода человѣческаго обыкновенія совать свой носъ повсюду, а отчасти и потому, что чорта поминаютъ

во многихъ мѣстахъ и во всякое время, и онъ изъ вѣжливости хочетъ показаться тамъ, гдѣ его звали; и тѣ мѣста, куда обращался любопытный взоръ дьявола, немедленно освѣщались: это искры, летѣвшія изъ трубки Адріанова, разгорались, точно звѣзды...

— А вотъ и наши казармы, вотъ это нашъ часовой стоитъ у денежнаго ящика,—говорилъ Адріановъ.—А здѣсь нашъ ротный командиръ живетъ.

Затѣмъ чортъ промелькнулъ надъ какой-то саклей, около которой стояла арба съ огромными винными бурдюками и дремали буйволы. Рядомъ, подъ освѣщеннымъ навѣсомъ, несмотря на позднее время, что-то визжало и топотало; это играли зурначи, и совершенно пьяные люди въ огромныхъ папахахъ и съ огромнѣйшими сизыми носами, съѣдая другъ друга глазами, отхватывали лезгинку, припѣвая: «Лу-бо-о-въ, что та-ко-іе, луб-о-о-въ!»

— Да, любовь это, друзья любезные,—проговорилъ Адріановъ, пуская огромный клубъ махорки,—это тово...

Но они уже промелькнули дальше. Вдоль по косогору пронесся запоздалый джигитъ на маленькой, горячей лошади, похожій подъ своей растопыренной буркой на конусъ, подъ которымъ брянчало ружье, три пистолета, шашка и кинжалъ. Джигитъ былъ, видимо, выпивши и, почувствовавъ приволье, скакалъ очертя голову, самъ не зная куда, колотя нагайкой единовременно лошадь и себя.

— Ишь жаритъ-то,—сказалъ Адріановъ,—пожалуй, чорта обгонитъ...

Чортъ усмѣхнулся, и всадникъ вмѣстѣ съ лошадью полетѣлъ въ кручу, пустивъ въ воздухъ самое отборное азіатское проклятіе...

— Да,—сказалъ солдатъ,—ежели въ темную ночь да такъ зря скакать, такъ оно тово...

Но они уже летѣли далѣе...

Повѣяло холодомъ, и путешественники понеслись надъ ущельемъ. Густыя облака, тѣснившіяся въ немъ, имѣли сверху видъ рѣки съ высоко вздутыми сѣрыми волнами. Адріанова пробралъ холодъ и захотѣлось ѣсть.

— Мы теперь почтовымъ трактомъ летимъ, кавалеръ,—сказалъ чортъ.—Не хочешь ли передохнуть на станціи, подзакусить на скорую руку, а я тѣмъ временемъ поправлюсь?

— Ну, коли расковался, такъ спускайся,—сказалъ Адріановъ,—закусить я не прочь. Только смотри, чтобы все къ сроку было. Да еще вотъ что: нашего брата въ господскій буфетъ не допущаютъ, такъ ты меня на это время въ барина обрати, да и самъ какъ бы въ родѣ моего собственнаго слуги явись, да и обдѣлывай это въ одинъ моментъ; такъ что если я тебѣ скажу: «эй, ты, заплати»,—такъ ты свое дѣло знай!

Чортъ сказалъ: «слушаюсь», и Адріановъ неожиданно очутился передъ большимъ станціоннымъ домомъ на Военно-Грузинской дорогѣ.

Какъ разъ за нѣсколько минутъ до его прибытія, къ станціи подъѣхала большая дорожная коляска и изъ нея вылѣзъ важный генералъ, въ теплой шинели, надѣтой въ рукава, затѣмъ толстая, важная барыня, въ теплой бархатной кофтѣ, а за нею выпорхнула легонькая, какъ коза, барышня, закутанная въ бѣлую бурку. Наконецъ съ козелъ съ трудомъ слѣзъ заспанный лакей, у котораго ноги отказывались дѣйствовать отъ трехъ причинъ: отъ холода, отъ не-

удобнаго сидѣнья и большого количества вина, выпитаго на всѣхъ станціяхъ. Изъ подъѣхавшаго сзади тарантаса съ вещами вылѣзла красивая бѣлокурая горничная.

— Брр... какъ пробираетъ!—сказалъ генералъ. — Это большое неудобство въ дорогѣ. А какая бы это была прекрасная страна — Кавказъ, если бы въ ней не было этихъ горъ!

— Ахъ, папа, что вы? Въ горахъ-то вся и прелесть! А нѣтъ ли тутъ разбойниковъ?

— Какіе тутъ разбойники!—возразилъ генералъ.— Никакихъ тутъ разбойниковъ нѣтъ и не можетъ быть.

Затѣмъ вся компанія вошла въ общую комнату, въ углу которой дремалъ блѣдный и худой армянинъ.

Только-что генеральская семья усѣлась за столомъ въ ожиданіи ужина, какъ вошелъ Андрей Адріановъ, переодѣтый купцомъ, а вслѣдъ за нимъ и чортъ въ кавказскомъ бешметѣ, превратившійся въ слугу. Въ этомъ видѣ лицо у него было такое худое, какъ будто его нѣсколько дней не кормили, а глаза косили во всѣ стороны.

Поклонившись всей компаніи и сказавши: «хлѣбъ да соль!» Андрей Адріановъ усѣлся на другомъ концѣ стола и сталъ уписывать за обѣ щеки все, что ему ни подавали.

Генералъ, рѣшивъ, что очень пріятно встрѣтить русскаго купца на Кавказѣ, завелъ съ нимъ разговоръ.

— Вы, конечно, не здѣшній?—сказалъ онъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство!—гаркнулъ Адріановъ, вскочивъ и вытянувъ руки по швамъ.

«Какой, однако, почтительный купецъ», подумалъ генералъ.

— А я ѣду принимать N-скую дивизію,—продолжалъ онъ.—Гм... А вы чѣмъ торгуете на Кавказѣ?

Адріановъ выпилъ водки и сталъ объяснять генералу, что онъ занимается казенными подрядами и поставляетъ въ войска всякую всячину: солдатское сукно, нефть, сапожный товаръ, поднарядъ, караульныя будки, нагайки, вино, махорку, кишмишъ, ключи для каптенармусовъ, эполеты, бубенный инструментъ... Адріановъ сталъ бы врать еще болѣе, если бы чортъ не положилъ конецъ этой бесѣдѣ.

Полная генеральша заглядѣлась на чорта и почувствовала къ нему необыкновенное влеченіе. Затѣмъ, неизвѣстно по какой причинѣ, стулъ подъ нею подломился, и она съ крикомъ: «проклятый Кавказъ!» полетѣла кверху ногами. Блѣдный армянинъ бросился ее поднимать, всѣ засуетились кругомъ, а тѣмъ временемъ Адріановъ вышелъ въ коридоръ. Мимо его промелькнула, стрѣльнувъ въ него глазами, генеральская горничная.

— Какъ васъ зовутъ? — спросилъ Адріановъ, ткнувъ ее слегка пальцемъ въ бокъ, что изображало комплиментъ.

— Дашей. А вамъ на что?

— Когда буду въ вашихъ мѣстахъ, ужъ позвольте васъ навѣстить. Я къ вамъ съ гостинцемъ приду.

— Милости просимъ: да вы обманете?

— Зачѣмъ обманывать.

— А васъ какъ звать?

— Андрей Адріановъ.

— Ну, хорошо; такъ до свиданья. Смотрите же,

торопитесь приходить, а то за чумазаго замужъ пойду. Счастливый вамъ путь, кривая дорога... Хи, хи, хи!

И она прошмыгнула въ комнату, отведенную для генеральши, а Адріановъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, почесалъ затылокъ и пробормоталъ:

— Вѣдь, какая дѣвка-то: сладкая! Вѣдь, ежели сравнить съ той, такъ оно тово...

Но въ это время чортъ его подхватилъ, и оба помчались далѣе на сѣверъ.

III.

Стрѣлою неслись они чрезъ закутанный въ туманѣ ночи сѣверный Кавказъ, холмистые долины Малороссіи, а чортъ летѣлъ все далѣе и далѣе.

— Эка страна-то, Россія! Сколько это нужно сапоговъ перемѣнить, ежели примѣрно отъ Капказа и до Бѣлаго моря...

А чортъ летѣлъ все далѣе. Удивленно смотрѣли звѣзды и мѣсяцъ, какъ рядовой 15*-го полка безъ всякаго зазрѣнія совѣсти несется выше облаковъ. Наконецъ полетъ замедлился. Раздались ночныя колотушки, запахло водкой, и Адріановъ очутился у дверей родного кабака. Во всѣхъ избахъ было темно, и лишь собаки выли, почуявъ нечистаго. Только изъ оконъ кабака и щелей плохо припертой двери свѣтился огонь.

— Ну, служивый!—сказалъ чортъ,—ступай въ кабакъ; можетъ быть, что-нибудь тамъ и узнаешь, а я тебя здѣсь обожду. Да смотри, торопись: первые пѣтухи уже пропѣли...

Адріановъ вошелъ, поклонился присутствующимъ, спросилъ полуштофъ и сѣлъ въ уголъ. За однимъ изъ столовъ онъ увидалъ двухъ знакомыхъ богатыхъ мужиковъ. Одинъ изъ нихъ, староста, былъ отецъ той самой Марьи, которая все обѣщала его дождаться и не выходить ни за кого другого замужъ. Другой же, изъ сосѣдняго села, Иванъ Акимовъ, держалъ постоялый дворъ на прогонной дорогѣ и занимался кулачествомъ. Ни тотъ ни другой не узнали Адріанова благодаря стараніямъ чорта. Оба были подвыпивши и похвалялись другъ передъ другомъ—староста—своими должностями и обязанностями, а хозяинъ постоялаго двора своими разнообразными хлопотами по хозяйству; оба умалчивали, конечно, о своихъ плутняхъ. Неизвѣстно все то, о чемъ они говорили, но изъ ихъ разговора Адріановъ, сначала не понимавшій, зачѣмъ чортъ его завелъ въ кабакъ, теперь понялъ, что Марья его обманула и благополучно вышла замужъ за сына Ивана Акимова.

«Вотъ тебѣ и крышка,—подумалъ Адріановъ,—стоило тоже ѣхать! Хорошо еще, что прогоновъ платить не придется...» Съ досады онъ плюнулъ и однимъ махомъ выпилъ весь полуштофъ.

За другимъ столомъ сидѣло трое рваныхъ мужиковъ. Сначала они жаловались на неурожай, на станового, взыскивавшаго недоимки, на управу, на болото, которое неизвѣстно отчего образовалось около деревни, и на сосѣдняго помѣщика, который черезъ свой лѣсъ не позволяетъ прогонять скотину... Потомъ, когда выпили еще, то разговоръ круто перемѣнился. Одинъ сказалъ, что на-дняхъ должна появиться звѣзда съ хвостомъ, въ видѣ грабли,

и что это предвѣщаетъ скорую войну. Другой замѣтилъ, что война уже есть; позавчера онъ встрѣтилъ на почтовомъ трактѣ барышника и тотъ на вопросъ, куда онъ гонитъ лошадей, отвѣчалъ: «На Капказъ, ибо тамъ война и англичанинъ съ туркой половину Капказа уже забрали, и что съ будущей осени всѣ повинности будутъ взимать сѣномъ и овсомъ».

Адріановъ не утерпѣлъ и спросилъ:

— Это которую же половину, православные, — правую или лѣвую?

— Это ужъ тамъ начальство знаетъ, а сказываютъ, что забралъ.

— А я тебѣ говорю, дурацкая твоя голова, что ты вздоръ мелешь и никакого тамъ ни турки, ни англичанина, ни чорта лысаго нѣтъ, а есть тамъ русская сила непреоборимая!

— А ты почемъ знаешь?

— Да я сейчасъ оттуда; я Капказъ знаю во какъ!

Мужики переглянулись, а одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Не путевой ты парень, какъ я вижу; сдается мнѣ, братцы, что не онъ ли прошлою весной у меня сарай спалилъ?

— А я такъ думаю, — замѣтилъ другой, — что это конокрадъ?

Третій сдѣлалъ предположеніе, что это во всякомъ случаѣ душегубъ.

— Чтобы чортъ васъ подралъ, пьяное дурачье! — воскликнулъ Андрей Адріановъ.

Нечистая сила мгновенно перенесла его на улицу, а мужики съ пьяныхъ глазъ стали тузить старосту и Ивана Акимова.

— Ну, служивый, — сказалъ чортъ, — ты узналъ, что

тебѣ нужно. До утра ужъ недалеко; пора и назадъ: тебѣ—на часы, а мнѣ—въ адъ.

На востокѣ уже стало бѣлѣть; утренняя звѣзда высоко поднялась надъ горизонтомъ. Андрей скомандовалъ чорту: «Пошелъ на постоялый дворъ!»

Здѣсь, несмотря на ночное время, по случаю проѣзда губернатора, все уже было на ногахъ, кромѣ сына хозяина, счастливаго мужа Марьи, который былъ погруженъ въ сладкій сонъ и все еще нѣжился на пуховикахъ.

Андрей Адріановъ влѣзъ къ нему въ спальню и, сказавъ: «Ишь ты, жирная морда! чтобы тебя разорвало», взялъ дегтярную кисть и вымазалъ ему все лицо. Затѣмъ приказалъ чорту пугнуть Марью. Чортъ побѣжалъ въ темную кладовую, гдѣ она что-то искала по хозяйству, и сдѣлалъ ей такую необыкновенную рожу, что она взвыла благимъ матомъ и бросилась опрометью къ мужу. Но тутъ, взглянувъ на мужа, она еще громче закричала: «Ай, арапъ, арапъ!» На это сбѣжались всѣ остальные домашніе и отъ страха пустились въ присядку.

Довольный своей выходкой, Адріановъ сказалъ чорту: «Ну, а теперь обращай меня въ важнаго генерала».

Желаніе его тотчасъ же исполнилось: не успѣлъ онъ, что называется, оглянуться, какъ сразу сдѣлался генераломъ-отъ-инфантеріи, кавалеріи и отъ-артиллеріи. Появленіе генерала произвело переполохъ необыкновенный. Сейчасъ же онъ собралъ все мѣстное начальство и, велѣвъ привести изъ кабака старосту и Ивана Акимова, сказалъ строгимъ голосомъ:

— Я, Иванъ Акимовъ, тебя знаю. Ты тайной про-

дажей вина занимаешься, проѣзжихъ мужиковъ грабишь, своихъ по міру пустилъ! Лошадямъ гнилое сѣно отпускаешь!.. Молчишь? Совѣсть мутитъ? Сейчасъ же ему сто розогъ всыпать, заведеніе на годъ закрыть и поставить сюда дивизію на постой. Дорогу починить на сторостинъ счетъ; недоимки которые всѣмъ простить, а Андрею Адріанову выслать въ 15*-ый полкъ сто рублей серебромъ... Вотъ вамъ и расправа, и если вы еще за старое приметесь, то...

... Но здѣсь его рѣчь была прервана и при пѣніи вторыхъ пѣтуховъ Адріановъ взлетѣлъ на воздухъ.

— Замѣшкался ты, служивый,—говорилъ чортъ,— только-только бы поспѣть въ самый разъ къ смѣнѣ...

Смѣна дѣйствительно была уже за угломъ, когда бѣдный, упарившійся чортъ съ быстротою падающаго камня опустился около будки. Золотилась заря... Чортъ скрючился отъ страху и сказалъ:

— Пусти меня скорѣе! А то бѣда и мнѣ, и тебѣ...

— Нѣтъ, постой! А шинель-то ты думаешь при себѣ оставить, что ли? Подавай сюда казенное добро!

Не успѣлъ Адріановъ сорвать съ чорта шинель, похищенную послѣднимъ изъ интендантскаго склада, какъ третій разъ пропѣлъ пѣтухъ и чортъ со словами: «Спасибо тебѣ за ученіе, а шинель мнѣ ваша не надобна», распался прахомъ и разсѣялся въ утреннемъ туманѣ... Подошла смѣна...

Конецъ этой невѣроятной исторіи былъ еще невѣроятнѣе. За спасеніе казеннаго добра Андрей Адріановъ былъ сдѣланъ ефрейторомъ. Онъ пошелъ въ ходъ. Его стали посылать къ начальнику дивизіи съ

пакетами, къ тому самому, что онъ встрѣтилъ въ горахъ. Тамъ онъ познакомился съ Дашей, которая нашла въ немъ большое сходство съ однимъ купцомъ, обѣщавшимъ на ней жениться. Адріановъ сколько разъ хотѣлъ сказать на это: «да вѣдь купецъ этотъ самый я и есть...», но почему-то удерживался и ограничился однимъ хитрымъ подмигиваніемъ. Наконецъ, дѣло дошло до того, что Адріанову черезъ волостное правленіе было прислано сто рублей. Что было далѣе — неизвѣстно...

1894 г.

МОНТСЕРРАТЪ И ЕГО ЛЕГЕНДЫ.

Монтсерратъ, что значитъ—«Зубчатая гора» (Monte aserrado)—находится въ углу, образуемомъ желѣзнодорожными линіями, отходящими отъ Барселоны на Сарагоссу въ западномъ направленіи и отъ Барселоны на югъ въ Таррагону и Валенсію. Монтсерратъ совершенно уединенъ. Послѣдніе контръ-форсы—горная цѣпь, отходящая отъ Пиренеевъ, кончается невдалекѣ отъ этой странной горы, представляющей, по мнѣнію геологовъ, весьма рѣдкое явленіе. Гора имѣетъ 3.900 футовъ высоты надъ уровнемъ моря. Она треснула на одну треть своей высоты и ея двѣ отдѣльныя вершины раздѣляются извилистой долиной. Дожди образовали здѣсь оврагъ, служащій раздѣльной линіей между епископствомъ Вичскимъ и Барселонскимъ.

Чтобы попасть въ Монтсерратъ по западной линіи надо ѣхать до Монистроля—пятой станціи отъ Барселоны (51 кил.); по южной же линіи—до Марторелля (33 кил.).

Съ одной стороны Монтсеррата, на краю упомянутаго ущелья, расположенъ древнѣйшій монастырь

св. Дѣвы, а съ другой, близъ стариннаго селенія Кольбато,—обширные сталактитовые гроты, спускающіеся одинъ за другимъ на глубину болѣе 50 метровъ и привлекающіе какъ ученыхъ, такъ и просто любопытныхъ.

Въ Монтсерратскій монастырь ежегодно пріѣзжаетъ большое число богомольцевъ; въ особенности ихъ много собирается въ годовой праздникъ, 8-го сентября.

Сарагосская линія пролегаетъ сначала по мѣстности очень богатой и живописной; роскошныя поля перемежаются съ прекрасными фабриками. Желѣзная дорога, выходя изъ сѣверо-западныхъ предѣловъ города, идетъ вплоть до Меркады, очень близко отъ сѣверной дороги на Херону. Пройдя мимо стараго форта, она разсѣкаетъ предмѣстья города, гдѣ то и дѣло попадаются фабрики, заводы и дачи. За станціей С.-Андресъ де-Паламоръ открывается видъ на холмистыя долины и горныя цѣпи, красиво декорированныя сельскими домиками и тѣнистыми садами. Видъ этотъ дѣлается еще обширнѣе за Монкадой, мѣстечкомъ, получившимъ названіе отъ развалившагося уже теперь замка, принадлежавшаго одной изъ древнѣйшихъ фамилій каталонскихъ. Здѣсь фабричная и сельская культура соперничаютъ между собой. Изъ пунктовъ, попадающихся на пути, наиболѣе замѣчателенъ Сабаделль, по справедливости называемый каталонскимъ Манчестеромъ. Сабаделль одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Каталоніи, о немъ упоминается еще въ XI вѣкѣ и впослѣдствіи имя его попадается въ бурной исторіи этой страны. Затѣмъ слѣдуетъ Олеса—послѣдняя станція не доѣзжая

Монистроля—извѣстная своими минеральными источниками (Banos de la Puda).

Причудливые зубцы Монтсеррата видны еще съ полпути; затѣмъ они исчезаютъ за складками мѣстности и, наконецъ, въ Монистролѣ весь Монтсерратъ открывается передъ взорами путешественника. Отсюда видны и красноватыя зданія монастыря, расположенныя въ горной трещинѣ, и бѣлые выступы, висящіе тяжелыми карнизами надъ монастыремъ.

Монтсерратскія горы имѣютъ странный видъ наброшенныхъ въ безпорядкѣ одинъ на другой каменныхъ конусовъ, совершенно обнаженныхъ и обрывистыхъ, въ средину которыхъ можно проникнуть только по немногимъ и крутымъ всходамъ. Эти пирамиды и конусы образованы изъ огромныхъ известковыхъ массивовъ, разныхъ цвѣтовъ—сѣраго, желтоватаго, краснаго, темнобураго, склеенныхъ между собою естественнымъ цементомъ, перемѣшаннымъ съ пескомъ.

Дожди мало-по-малу производятъ свою разрушительную работу, размываютъ цементъ, увлекаютъ песокъ и землю и бороздятъ гору морщинами. Они проникаютъ ее насквозь и образуютъ въ глубокихъ гротахъ сталактиты. Разрушенныя части, увлекаемыя водяными потоками, представляютъ очень плодородную почву. Скаты Монтсеррата славятся своими виноградниками.

Со станціи, расположенной довольно высоко, надо спуститься внизъ, къ шоссе, гдѣ обыкновенно къ приходу поѣзда уже готовъ дилижансъ, отвозящій путешественниковъ въ монастырь. По прямому направленію гора отстоитъ отъ станціи въ семи верстахъ, а по дорогѣ надо ѣхать около девятнадцати.

Я былъ однимъ изъ послѣднихъ путешественниковъ, которымъ пришлось ѣхать на лошадяхъ, такъ какъ теперь до самаго монастыря проложена зубчатая желѣзная дорога.

По мѣрѣ приближенія къ цѣли путешествія, мѣстность становится все болѣе живописной. Главный недостатокъ Монтсеррата заключается въ томъ, что пейзажи его не украшаются видомъ воды. Только коегдѣ попадаются ключи, обдѣланные камнемъ на мусульманскій манеръ. Тонкой струей блеститъ холодная влага, а сверху, съ голубого неба, льется жгучій зной. Каменистыя покатости, спускающіяся подъ разными углами къ дорогѣ, всѣ изборождены частыми морщинами, которыя, точно острымъ плугомъ, проложены мощными струями весеннихъ ливней.

Съ нѣкоторыхъ подъемовъ дороги открывается великолѣпный видъ на Пиренеи, съ красноватыми тѣнями въ ущельяхъ, и на волнистыя поля желто-бураго цвѣта.

Чѣмъ выше, тѣмъ суровѣе и фантастичнѣе становится мѣстность; дорога проходитъ иногда надъ глубокими пропастями, замаскированными по временамъ густымъ лѣсомъ, то между обрывистыми скалами...

Весь монастырь помѣщается на сравнительно небольшой площадкѣ, ограниченной съ одной стороны длиннымъ обрывомъ, а съ другихъ отвѣсными утесами горъ. Въ части, ближайшей къ въѣзду, расположены монастырская контора, ресторанъ и страннопріимные дома (casas de huespedes), а далѣе церковь и многоэтажныя суровыя зданія, съ кельями для монаховъ.

Старинный монастырь и старинная церковь уже болѣе не существуютъ. Сохранились только, какъ воспоминаніе отдаленной эпохи, византійскій порталъ въ двѣ арки и часть готическаго монастыря XV вѣка. Церковь перестроена изъ старой и не представляетъ снаружи ничего особеннаго. Внутри боковыхъ стѣнъ идутъ въ два яруса придѣлы. Легкій, небольшой куполъ поддерживается арками, идущими отъ послѣднихъ придѣловъ. Внутреннее убранство не особенно богато. Впрочемъ, и здѣсь встрѣчается нѣсколько превосходныхъ произведеній духовной живописи, а нѣкоторые придѣлы обращаютъ на себя вниманіе своею оригинальною отдѣлкою, какъ, напримѣръ, придѣлъ, посвященный св. Рамону великомученику, въ которомъ верхняя арка надъ запрестольнымъ образомъ украшена виноградными листьями, выточенными изъ мрамора, а свѣтильники и лампады, самой фантастической формы, сдѣланы изъ вороненаго и золоченаго желѣза. Описать эту работу на словахъ очень трудно. Она принадлежитъ современному архитектору-художнику Гауди. Въ Барселонѣ имѣется домъ его постройки, принадлежащій милліонеру Гуэлю. Его фасадъ представляетъ смѣсь мавританскаго стиля съ фантастическимъ. Простѣнки украшены разными желѣзными фигурами. Употребленіе желѣза, въ видѣ украшеній, его отличительная черта. Придѣлъ св. Рамона устроенъ въ память первыхъ графовъ барселонскихъ изъ фамиліи Беренгеровъ, у которыхъ часто попадается имя Рамона.

Церковная ризница состоитъ изъ четырехъ комнатъ и здѣсь хранятся сокровища монастыря, которыя, впрочемъ, еще незначительны и начали по-

полняться изъ доброхотныхъ приношеній только съ конца двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія. Изъ ризницы по витой лѣстницѣ можно подняться въ «Камаринъ» (уборная св. Дѣвы). Это помѣщеніе, состоящее изъ трехъ комнатъ, находится надъ алтаремъ. Средняя, очень изящная комната, выстроена въ фантастическомъ стилѣ: кругомъ идутъ мавританскія колонны изъ желтаго барселонскаго мрамора; капитель, высѣченная изъ камня Маіорки, тоже въ родѣ мрамора, изображаетъ виноградные гроздья и листья. Отсюда черезъ широкую дверь вы проходите на небольшую нависшую надъ алтаремъ площадку въ родѣ балкона, гдѣ стоитъ колѣнопреклоненное изображеніе св. Дѣвы, украшенное дорогой мантіей и короной. По обычаю всѣ становятся передъ ней на колѣни, при чемъ монахъ подаетъ для поцѣлуя правую руку Богородицы. Около церкви, въ особыхъ монастырскихъ лавкахъ, какъ и у насъ, происходитъ продажа всякихъ реликвій, которыя теперь, кажется, составляютъ довольно важную часть монастырскихъ доходовъ.

Въ прежнія же времена, начиная съ XIV вѣка и до начала нынѣшняго, монастырь былъ очень богатъ. Донъ-Педро IV, король Аррагонскій и Каталонскій, Фердинандъ и Изабелла, Карлъ V и въ особенности Филиппъ II много пожертвовали на украшеніе обители. Въ числѣ многихъ приношеній находились—перстень Франциска I, присланный имъ во время нахожденія его въ плѣну въ Барселонѣ, и турецкія знамена отъ Хуана Австрійскаго послѣ побѣды при Лепанто.

Какъ видно изъ описанія монаха Аргаиса, въ началѣ XVIII столѣтія, передъ алтаремъ имѣлось

110 серебряныхъ лампадъ. Дарохранительница, пожертвованная Филибертомъ Савойскимъ, была вся изъ золота и убрана тысячами драгоцѣнныхъ камней. У Божіей Матери было четыре драгоцѣнныхъ вѣнца, а у Христа — три, украшенныхъ бриллiантами, изумрудами и рѣдкими по красотѣ жемчугами. Теперь отъ всѣхъ этихъ сокровищъ остались одни воспоминанія. Въ началѣ XIX столѣтія, во время войны за независимость, большая часть ихъ была захвачена главной хунтой или комитетомъ народной обороны для покрытія военныхъ издержекъ. Остальное же было разграблено во время дѣйствія здѣсь корпуса генерала Суше. Однако, несмотря на свою настоящую скромную обстановку, Монтсерратскій монастырь, благодаря фантастическому виду горъ, въ которыхъ онъ находится, легендамъ, окутывающимъ ихъ какъ туманомъ, и наконецъ своей дѣйствительной исторіи, пользуется въ католическомъ мірѣ и въ Испаніи почетомъ не менѣе Сантъ-Яго-Галиційскаго. Кромѣ тысячей скромныхъ богомольцевъ, здѣсь былъ и папа Бенедиктъ XIII сюда приходили молиться коронованныя особы въ скромныхъ одеждахъ кающихся и босикомъ, оставляя слѣды своей благородной крови на острыхъ камняхъ. Поэтому Викторъ Балагеръ, извѣстный каталонскій писатель и одинъ изъ историковъ Монтсеррата, справедливо называетъ его испанскимъ Іерусалимомъ.

Преданіе относитъ начало монастыря къ 880 году, хотя еще до того здѣсь скрывались христіанскіе отшельники. Еще ранѣе Монтсерратъ былъ свидѣтелемъ геройской борьбы каталонскихъ бароновъ въ союзѣ съ Карломъ Мартелломъ противъ мавровъ. Тогда же было воздвигнуто пять кастилій или замковъ по

склонамъ горы, изъ коихъ не осталось ничего, а на мѣстѣ одного изъ нихъ, Кольбато, имѣется теперь небольшое селеніе, откуда путешественники отправляются съ проводниками въ сталактитовые гроты.

Въ 880 году, по словамъ легенды [1]), въ одинъ изъ вечеровъ пастухи изъ сел. Олеса, расположеннаго на берегу Льобрегата, возвращаясь къ себѣ, увидали въ горахъ необыкновенный пурпурный свѣтъ и услышали небесное пѣніе. Такъ какъ это явленіе повторялось каждую субботу, то объ этомъ дали знать Гондемару, епископу Аусонскому. Убѣдившись въ правдивости ихъ разсказовъ, епископъ отправился на Монтсерратъ со всѣмъ причтомъ въ облаченіи и поднялся на гору, откуда исходилъ свѣтъ и благоуханіе. Тамъ, въ небольшомъ гротѣ, вырытомъ у подошвы одной скалы, они нашли красивое изображеніе Св. Дѣвы, держащей Предвѣчнаго Младенца на рукахъ, изваянное изъ чернаго дерева. Въ этомъ изображеніи епископъ узналъ то самое, которое прежде находилось въ церкви св. Хуста, въ Барселонѣ. Эта статуя была изваяна св. Лукой и привезена въ Испанію апостоломъ Петромъ. Когда графъ донъ-Юліанъ, изъ мести къ Родриго, обезчестившему его дочь, призвалъ въ Испанію мавровъ, то святыня эта была тайно перенесена и скрыта на Монтсерратѣ. Напрасно епископъ Гондемаръ старался перенести изъ грота Св. Дѣву; невидимая сила удерживала его на мѣстѣ всякій разъ, когда онъ хотѣлъ уходить съ горы. Тогда было рѣшено оставить ее здѣсь, выстроить въ честь

---

1) Argaiz. «Perla de Catalana».

ея часовню, и наблюденіе за ней было поручено монаху-отшельнику Хуану Гарйну.

Про этого отшельника сохранилась легенда, проникнутая религіозною страстностью. Ее разсказываютъ многіе хроникеры, между прочимъ монахъ Аргаисъ [1]), Постіусъ и Балагеръ. Легенда эта послужила темою для поэмъ, произведеній живописи; въ послѣднее время современный испанскій композиторъ Томасъ Бретонъ написалъ на этотъ сюжетъ оперу.

Прилагаемыя ниже легенды о «*Хуанѣ Гарйнѣ*» и о «*Беремундо Рыжемъ*» представляютъ частью пересказъ, частью переводъ изъ Балагера.

---

[1]) Аргаисъ называетъ исторію Гарйна «Espiritual y corporal tragicomedia», т. е. духовная и тѣлесная трагикомедія.

ХУАНЪ ГАРИНЪ.

...Луна поднялась надъ Монтсерратомъ и облила своимъ матовымъ свѣтомъ его пустынныя вершины. Какъ безмолвные часовые стояли острые обломки скалъ, бросая неподвижныя черныя тѣни. Сердитый вѣтеръ завывалъ въ ущельяхъ. Въ одномъ изъ самыхъ возвышенныхъ и дикихъ мѣстъ, окруженномъ огромными камнями, стоялъ самъ властитель ада, окруженный семью демонами.

— Демоны, сказалъ онъ, видите ли эту пещеру? Въ ней живетъ Хуанъ Гари̂нъ. Я всячески старался совратить его, когда онъ еще былъ воиномъ. Но соблазны и грѣхи привели его только къ сожалѣнію и къ раскаянію. Онъ отказался отъ міра и спасается здѣсь отъ моихъ искушеній. Я приставилъ къ нему очень хорошаго дьявола, который каждую ночь нашептывалъ Гари̂ну дурныя мысли и навѣвалъ на него дурные сны. Дерзкій монахъ вступилъ съ нимъ въ борьбу. Онъ удвоилъ молитвы, сталъ меньше ѣсть, простаивалъ цѣлые часы на колѣняхъ на голомъ камнѣ. Тогда я сталъ дѣйствовать на него ночью страхомъ, а днемъ—тоскою. Я поселилъ въ этихъ скалахъ, что всѣ растрескались и поросли мохомъ, злыхъ духовъ и они вмѣстѣ съ вѣтромъ

напѣвали ему самыя печальныя, самыя унылыя пѣсни о томъ, что все для него кончено и что жить не стоитъ болѣе. Но онъ молился, и глаза его загорались небеснымъ мужествомъ. Я заклялъ цвѣты и растенія, но онъ молился, и они изливали благодатный ароматъ и укрѣпляли его. Я нагонялъ сюда бурю и облака, бросалъ ему камни подъ ноги, наводилъ его на край пропасти, чтобы въ минуту погибели онъ ослабѣлъ духомъ и вѣрой, но противная сила спасала его. Неоднократно по ночамъ подвластные мнѣ духи являлись къ нему въ видѣ невѣроятныхъ чудовищъ и огромныхъ скелетовъ съ огненными глазами; страшные голоса раздавались изъ-подъ его жесткаго изголовья. Но онъ молился и все исчезало вокругъ него... Я хочу во что бы то ни стало изгнать его отсюда и снова овладѣть Монтсерратомъ... Для этого надо еще разъ попытаться совратить его, и я поручаю это двумъ изъ васъ: ты, Астаротъ, оставайся здѣсь и займись Гарйномъ, а ты, Аннабри, ступай въ окрестности и приведи сюда самую прекрасную изъ дѣвицъ каталонскихъ!.. Астаротъ и Аннабри преклонились предъ владыкой ада, клянясь своей вѣчной погибелью исполнить его волю, и затѣмъ онъ, широко расправивъ свои сумрачныя крылья, исчезъ неизвѣстно куда...

На слѣдующее утро Хуанъ Гарйнъ прогуливался недалеко отъ своей пещеры, держа въ рукахъ священную книгу. Вдругъ, на поворотѣ узкой и извивающейся тропинки, онъ встрѣтился съ другимъ отшельникомъ. На неизвѣстномъ былъ такой же бѣдный монашескій костюмъ, какъ и на немъ, но онъ былъ гораздо старше; длинная сѣдая борода

падала до пояса, а рука опиралась на черный посохъ. Оба пустынника остановились и молча глядѣли другъ на друга. Первымъ прервалъ молчаніе неизвѣстный.

— Вы живете на этой горѣ, братъ?

— Да,—отвѣчалъ Гаринъ, потупивъ взоръ.

— Сколько времени вы здѣсь находитесь?

— Восьмой годъ...

— Просто не понимаю, какъ это случилось, что въ теченіе трехъ лѣтъ, что я здѣсь поселился, мнѣ ни разу не пришлось съ вами встрѣтиться?

— Кто вы?

— Я недостойный грѣшникъ, пришедшій сюда искупить свои тяжкіе грѣхи уединеніемъ, молчаніемъ, умерщвленіемъ плоти и молитвою...

— Да, много грѣховъ у васъ на душѣ,—сказалъ со вздохомъ Гаринъ.

— У меня навѣрное болѣе, чѣмъ у васъ, братъ!.. Еще въ ранней юности я заглядывался на женщинъ и находилъ въ нихъ всѣ тѣ прелести, которыя рисовало мнѣ мое необузданное, молодое воображеніе. Особенно меня поражало въ женщинахъ то, что онѣ ни лицомъ, ни формами тѣла не похожи на мужчинъ, и это вовлекло меня въ цѣлую бездну преступленій...

— Богъ милосердъ, братъ, и извлечетъ васъ изъ этой бездны, если вы искренно покаятесь...

— ...И что всего ужаснѣе,—продолжалъ неизвѣстный старецъ, увлекаясь воспоминаніями,—мнѣ кажется иногда, что я и теперь еще не окончательно сознаъ свои грѣхи. Въ минуты сомнѣнія я вспоминаю свое первое паденіе; затѣмъ картины послѣдующихъ паденій несутся передо мной, какъ стая облаковъ,

увлекаемыхъ вѣтромъ, и пробуждаютъ во мнѣ очень странныя и нехорошія чувства.

— Терпѣніе и молитва изгонятъ эти чувства изъ вашего сердца,—прервалъ Гаринъ недовѣрчиво глядя на старика.—До свиданія, братъ! Мнѣ пора домой...

— Не хотите ли принять меня въ вашу келью?

— Нѣтъ... Я обрекъ себя на одиночество...

— Но разъ мы встрѣтились, зачѣмъ же отказываться отъ моего общества?..

— Потому что я хочу, чтобы никто не нарушалъ общенія слабой души моей съ Всемогущимъ Богомъ. Съ нимъ желаю я остаться наединѣ,—сухо отвѣчалъ Гаринъ.

И Гаринъ поклонился пустыннику и, перекрестившись, пошелъ далѣе. Онъ не замѣтилъ, что знаменіе креста произвело на неизвѣстнаго самое непріятное впечатлѣніе.

На слѣдующій день, утромъ, выйдя изъ своей пещеры, Гаринъ увидѣлъ въ разстояніи двухъ выстрѣловъ изъ лука скалу, около которой неподвижно стоялъ на колѣняхъ новый отшельникъ и молился. Этотъ отшельникъ, несмотря на свою старость, молился цѣлые часы, не сходя съ мѣста, молился до тѣхъ поръ, пока солнце не стало спускаться ниже скалъ и пока длинныя тѣни не начали ложиться повсюду. Неутомимый монахъ сталъ сливаться съ сумерками, и Гарину казалось, что ужъ не ошибся ли онъ и не принялъ ли камень за человѣка.

Но на слѣдующіе дни повторилось то же самое, и Гаринъ сталъ обвинять себя за то, что при первой встрѣчѣ онъ обошелся со старикомъ не достаточно привѣтливо; между тѣмъ, старикъ можетъ служить

примѣромъ умерщвленія плоти, и поэтому Хуанъ далъ себѣ обѣщаніе, во-первыхъ, усилить свои эпитиміи и, во-вторыхъ, при слѣдующей встрѣчѣ быть со старикомъ болѣе ласковымъ и даже воспользоваться его наставленіями.

Вифредо, знаменитый графъ Каталонскій, прозванный «Косматымъ», давалъ пиръ въ своемъ барселонскомъ дворцѣ. Въ числѣ гостей находился странствующій бардъ, прибывшій съ сѣвера, гдѣ онъ воспитывался въ лагерѣ одного изъ королей готскихъ. По приглашенію графа бардъ осушилъ трижды кубокъ гостепріимства. Когда онъ подносилъ его третій разъ къ устамъ, отворилась дверь и вошла дочь графа—красавица Рикильда. Густые волосы падали черными волнами на ея лебединую шею. Станъ ея былъ гибокъ, какъ стройная пальма пустыни. Глаза ея, тоже черные, несмотря на свою доброту, бросали изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ огненный взглядъ, свидѣтельствующій о южномъ происхожденіи. На ней было бѣлое платье—символъ невинности и чистоты.

При видѣ ея, бардъ снялъ лиру, висѣвшую у него за плечомъ, и подъ акомпанементъ ея спѣлъ пѣсню, которая понравилась всѣмъ присутствующимъ. Въ этой пѣснѣ онъ восхвалялъ красоту дѣвы полудня и призывалъ благословеніе неба и привѣтъ всей земли на голову храбраго вождя, который, взамѣнъ золотой и мѣдной монеты, въ знакъ того, что беретъ прекрасную дѣвушку въ супруги, получитъ отъ нея въ знакъ согласія и любви яблоко, прикушенное ея жемчужными зубками.

Съ большимъ вниманіемъ прослушала Рикильда пѣсню, устремивъ свой задумчивый взоръ на барда, и затѣмъ, поклонившись ему, ушла къ себѣ.

Была майская ночь, ночь любви, когда, казалось, вся природа была проникнута очарованіемъ, и воздухъ дышалъ страстью. Но это была не спокойная ночь.. Теплый вѣтеръ съ моря усилился и по темносинему небу тамъ и сямъ клубились облака, направляясь въ горы. Рикильдѣ не спалось, и, открывъ большое окно своей спальни, она смотрѣла на разстилавшуюся передъ ней долину, залитую волшебнымъ луннымъ свѣтомъ. Въ струяхъ этого свѣта вершины деревьевъ какъ будто горѣли зеленымъ пламенемъ; остальное исчезало въ загадочной тьмѣ. Вдали по временамъ между зубцами горъ вспыхивала молнія. Въ окно врывался душный, теплый воздухъ, напоенный благоуханіями неизвѣстныхъ цвѣтовъ. Молодая душа Рикильды была взволнована всевозможными чувствами, сердце страстно билось, уста пылали, а влажные глаза чего-то искали то здѣсь, вблизи, среди этихъ медленно колеблющихся деревьевъ, то тамъ, за долиной, среди неподвижныхъ горъ...

Отдаленные звуки охотничьяго рога и завываніе собачьей своры неожиданно коснулись ея возбужденнаго слуха... Сначала она подумала, что это только ей чудится, но звуки все приближались, приближались и, наконецъ, мимо нея, недалеко отъ стѣны, пробѣжала серна, за нею огромныя собаки и, наконецъ, на великолѣпныхъ лошадяхъ, пронеслась группа всадниковъ. Съ необыкновенной быстротой и бѣшенствомъ скакали охотники, несмотря на то, что различныя препятствія, затянутыя сумерками ночи, на каждомъ

шагу грозили имъ паденіемъ. Никто ничего не кричалъ и только собаки выли, да протяжно трубили рога.

Всѣ, казалось, были увлечены одной охотой, всѣ смотрѣли впередъ на серну и только одинъ изъ рыцарей на черномъ конѣ, проѣзжая подъ окномъ Рикильды, поднялъ голову и повернулъ къ ней свое блѣдное лицо. Прошло одно мгновеніе, но дочери графа показалось, что лицо охотника приблизилось къ ней, и она успѣла различить его прекрасныя черты. Голубые глаза, нѣжные и страстные и, въ то же время, печальные, казалось, изливали цѣлый потокъ жгучихъ лучей. Свѣтъ луны игралъ на его полированномъ шлемѣ безъ перьевъ и, казалось, ласкалъ золотистые кудри, падавшіе изъ-подъ шлема.

Онъ ничего не сказалъ; онъ только взглянулъ своимъ чарующимъ взоромъ и проскакалъ далѣе. Вся охота повернула куда-то въ сторону и вновь показалась уже далѣе, за лѣсомъ. Серна, собаки, всадники мчались съ той же невѣроятной быстротой и затѣмъ скрылись въ дальнемъ оврагѣ. Все болѣе и болѣе затихали собачій лай и звукъ рога. Въ третій разъ показалась охота, но еще и еще далѣе... Она, подобно змѣѣ, быстро извивалась и уползала въ горы, сверкая шлемами рыцарей, какъ чешуей. Неутомимо неслись рыцари на своихъ удивительныхъ лошадяхъ и, наконецъ, облака совершенно заволокли эту странную ночную охоту.

Съ невѣдомой дотолѣ сердечной тревогой Рикильда отошла отъ окна и легла спать, но сонъ не приходилъ. Еще разъ она встала съ постели, заглянувъ въ окно, увидѣла, что неизвѣстный рыцарь съ золотыми

волосами стоитъ одинъ недалеко отъ замка и что взоры его устремлены въ ея окно. Какъ онъ успѣлъ вернуться? Откуда онъ взялся? Со страхомъ бросилась она опять на постель, но только подъ утро, когда первые лучи солнца ворвались въ ея комнату, она заснула.

Вечеромъ, послѣ обѣда, Рикильда отправилась гулять съ своими прислужницами на берега Льобрегата и здѣсь долго сидѣла задумавшись, глядя на кристальныя воды рѣчки, сквозь которыя видно было ея золотистое дно, и ей казалось, что по этому дну стелятся золотые волосы таинственнаго рыцаря. Вдругъ тихій шумъ въ камышѣ заставилъ ее очнуться. Она подняла голову и увидѣла, что онъ тутъ, недалеко отъ нея, стоитъ подъ ивой. Онъ былъ прекрасенъ, какъ мечта любви.

Встревоженная Рикильда хотѣла бѣжать или позвать своихъ прислужницъ, но неизвѣстный воинъ остановилъ ее трогательнымъ голосомъ:

— О, Рикильда, благородная дочь графовъ! Не бойся, умоляю тебя! Передъ тобой несчастный, которому твоя помощь можетъ быть тѣмъ же, что цѣлительный бальзамъ для ранъ, полученныхъ въ битвѣ.

Рикильда осталась и, увлекаемая невѣдомымъ чувствомъ, протянула свою дрожащую ручку, которую молодой охотникъ тотчасъ же схватилъ и прижалъ къ губамъ. Огонь пробѣжалъ по жиламъ молодой дѣвушки.

— Кто ты?—спросила она,—кто ты, таинственный красавецъ, и что тебѣ надо отъ меня?..

— Не бойся, Рикильда, и узнай, что я по волѣ небесныхъ силъ долженъ находиться на горѣ, назы-

ваемой Монтсерратомъ, съ тѣмъ, чтобы ободрять и охранять живущаго тамъ отшельника Хуана Гарйна, который молитвами и тяжкими испытаніями своего бреннаго тѣла прокладываетъ себѣ трудный путь къ вѣчному спасенію. Часть этихъ тягостей ложится на меня, но я остаюсь невидимъ Хуану Гарйну, а равно и всѣмъ живущимъ. Только въ маѣ мѣсяцѣ мнѣ дозволено являться людямъ съ такими же грѣшными душами, какъ и я, и охотиться въ этихъ мѣстахъ.

— О, ужасъ!—воскликнула Рикильда, отскочивъ отъ рыцаря.—Значитъ, ты духъ, а не человѣкъ?!

— О, не бойся и выслушай меня до конца... Прежде я былъ славнымъ вождемъ и мои готы звали меня Свиндбальдомъ, т. е. ловкимъ и отважнымъ, но за одно убійство я былъ наказанъ такъ, какъ я говорилъ тебѣ. Уже давно длится мое испытаніе и въ награду за мою вѣрную службу при отшельникѣ мнѣ обѣщано, что я буду опять обращенъ въ смертнаго, если встрѣчу молодую и прекрасную дѣвицу, которая согласится девять дней прожить и молиться въ пещерѣ Хуана Гарйна. Тогда я опять сдѣлаюсь Свиндбальдомъ, какимъ былъ прежде. Ты одна, прекрасная и чистая Рикильда, можешь спасти меня. Сдѣлай же это, ступай на Монтсерратъ и черезъ девять дней возрожденный Свиндбальдъ явится передъ тобою...

Послѣ непродолжительнаго колебанія добрая Рикильда обѣщала исполнить его просьбу и быть его дѣвой-спасительницей. Свиндбальдъ поблагодарилъ ее, преклонивъ колѣно, и затѣмъ удалился, послѣдній разъ взглянувъ на нее своими нѣжными и умоляющими глазами. По возвращеніи домой Рикильда объявила своему отцу, что ее мучитъ злой духъ и что

она должна удалиться на девять дней на пустынный Монтсерратъ и тамъ подъ руководствомъ святого отшельника искупить свои грѣхи молитвою и постомъ.

Сначала графъ увѣщевалъ свою дочь отказаться отъ ея намѣренія, говоря, что ей будетъ тяжело вынести такую эпитемію, но, видя ея непреклонность, наконецъ, согласился и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ воиновъ и слугъ, отправился съ Рикильдой на Монтсерратъ.

На слѣдующій день графъ и его дочь прибыли къ подножію Монтсеррата. Послѣдній разъ Вифредо при видѣ грозной и мрачной горы пробовалъ отговорить Рикильду, но напрасно! На уступѣ одной изъ скалъ она увидала рыцаря съ золотыми волосами и смѣло погнала свою лошадь по крутой тропинкѣ, не слушая увѣщаній отца.

Дорога становилась все круче и круче, по бокамъ открывались глубокіе обрывы. Рыцарь показался Рикильдѣ еще разъ, гораздо выше, между утесами, у входа въ пещеру, бросая свой чудный взглядъ на завороженную имъ дѣвушку. Наконецъ графъ и Рикильда поднялись наверхъ. У входа въ пещеру ихъ встрѣтилъ отшельникъ суроваго вида, въ грубой шерстяной одеждѣ. Хуанъ Гарйнъ давно уже не слыхалъ въ этихъ дикихъ мѣстахъ людскихъ голосовъ и конскаго ржанія. Графъ почтительно ему поклонился и, объяснивъ причину ихъ посѣщенія, просилъ отшельника принять Рикильду на девять дней, помочь ей святыми совѣтами и вообще утвердить ее въ добродѣтели.

Долго не соглашался Хуанъ Гарйнъ, но наконецъ сдался на упорныя мольбы отца и дочери... Рикильда

осталась, а графъ отправился въ Монистрольскій замокъ, находившійся недалеко, и тамъ въ тревогѣ ожидалъ окончанія испытанія.

Весь день Гаринъ провелъ съ молодой красавицей въ духовныхъ бесѣдахъ и въ молитвѣ. Рикильда слушала его внимательно, но, когда наступили сумерки, утомленный Гаринъ почувствовалъ невѣдомое волненіе и нѣсколько разъ прерывалъ свою «Ave Maria», чтобы бросить смущенный взглядъ на дочь графа, которая безмолвно стояла на колѣняхъ и смотрѣла съ восхищеніемъ куда-то въ темный уголъ... Наконецъ, поздно ночью оба заснули.

На разсвѣтѣ Гаринъ всталъ съ предчувствіемъ чего-то недобраго и недовольный тѣмъ, что сдался на просьбу графа.

Помолившись довольно невнимательно и бросивъ мимоходомъ невольный взглядъ на спящую дѣвушку, онъ отправился къ своему сосѣду съ сѣдой бородой, къ которому послѣднее время питалъ болѣе довѣрія, чѣмъ прежде.

Гаринъ разсказалъ ему о неожиданномъ появленіи молодой дѣвушки и затѣмъ просилъ дать мудрый и благочестивый совѣтъ что дѣлать въ подобномъ затруднительномъ случаѣ. Почтенный старецъ прежде всего спросилъ Хуана—точно ли наружность Рикильды столь прекрасна, что можетъ внушать серьезныя опасенія.

Хуанъ еще не думалъ о красотѣ ея, но отъ вопроса старика его сердце болѣзненно затрепетало, и онъ неспокойнымъ голосомъ и въ безсвязныхъ выраженіяхъ описалъ Рикильду.

— Любезный братъ,—сказалъ тогда, нахмурившись, старецъ,—я вижу теперь, что дѣйствительно Господь посылаетъ тебѣ большое испытаніе... Надо его выдержать. Знай, что чѣмъ тягостнѣе будетъ борьба, тѣмъ слаще покажется тебѣ побѣда надъ грѣшнымъ тѣломъ, когда, наконецъ, молодая красавица тебя покинетъ, а благотворное одиночество вернется въ твою темную келью.

Укрѣпленный мудрыми совѣтами друга, Гаринъ поспѣшилъ въ свою обитель, но по мѣрѣ приближенія къ ней мучительное сомнѣніе стало охватывать его душу: точно ли ему будетъ такъ сладко, когда эта живая роза Каталоніи его покинетъ?

Сдѣлавъ большое усиліе надъ собой, онъ остальную часть дня посвятилъ дѣвушкѣ, наставляя ее въ правилахъ религіи.

Вторая ночь была еще тяжелѣе первой, а на третью онъ не только перепуталъ слова молитвъ, но забылъ ихъ вовсе и ворочался въ безсонныхъ мученіяхъ на своемъ грубомъ ложѣ, шепча вмѣсто «Virgen Maria» имя Рикильды. Мракъ ночи какъ будто отдалялъ его отъ божества, и онъ сталъ бояться мрака, какъ невидимаго врага.

На пятую ночь страшная гроза разразилась надъ Монтсерратомъ, такая гроза, какой никогда не видали морщинистые его утесы. Клубящіяся облака покрыли всѣ вершины, затянули ущелья и все почернѣло. Молніи разсѣкали воздухъ и послѣ ихъ вспышекъ казалось еще темнѣе. Дождь лился потокомъ и сквозь шумъ воды то и дѣло раздавались жестокіе удары грома. Порывомъ вѣтра затушило свѣтильникъ въ пещерѣ и вслѣдъ затѣмъ все кругомъ затряслось и загрохо-

тало съ необыкновенною силою; сквозь необъятный голосъ бури, чудилось, долеталъ торжествующій, побѣдный хохотъ демоновъ. Смертельно перепуганная дѣвушка бросилась на ложе монаха и, обнявъ его дрожащими руками, старалась на груди его найти защиту. Напрасно Гаринъ пробовалъ отстранить ее; напрасно въ отчаяніи онъ искалъ четки въ складкахъ своей рясы; четки куда-то упали. Воздухъ кругомъ его пылалъ, но еще болѣе жгучее пламя охватило его сердце; въ душѣ же свирѣпствовала буря еще болѣе лютая, чѣмъ въ горахъ.

Тѣло побѣдило душу; бѣдный отшельникъ не выдержалъ испытанія и погибъ...

Въ отчаяніи бросился Хуанъ Гаринъ изъ пещеры. Ни мракъ, ни гроза, ничто не могло остановить его. Весь мокрый, съ израненными ногами, онъ прибѣжалъ къ обители своего друга. Тотъ, казалось, спокойно и безмятежно спалъ.

— Братъ! — воскликнулъ Хуанъ Гаринъ.

Анахоретъ поднялся и сурово взглянулъ на Гарина.

— Братъ, — повторилъ Гаринъ, — страшная ночь надъ нами. Гроза гремитъ кругомъ, но еще ужаснѣе буря въ душѣ моей; съ грохотомъ валятся утесы, увлекаемые потоками въ черныя пропасти, но моя душа еще чернѣе ихъ... Братъ! Въ моей пещерѣ лежитъ дѣвушка, обезчещенная злодѣемъ.

Старецъ сурово отшатнулся отъ него.

— О! не проклинай меня,—воскликнулъ въ отчаяніи Гаринъ, падая на колѣни и склоняясь передъ старцемъ,—буря погубила меня, она бросила ее въ мои объятія... Дай мнѣ совѣтъ братъ! Что я долженъ

дѣлать? Долженъ ли я въ наказаніе броситься въ пропасть? Долженъ ли я закрыться навсегда въ своей пещерѣ и умереть тамъ отъ голода и жажды? Что я долженъ дѣлать!?...

— Несчастный безумецъ,—раздался глухой голосъ старика въ темной пещерѣ,—развѣ ты не знаешь, что самоубійство есть самое тяжкое изъ преступленій?.. Ты долженъ теперь скрыть свой грѣхъ; огласка его ляжетъ позорнымъ пятномъ на всѣхъ монаховъ. Какъ уста должны быть темницей для языка, такъ могила—хранилищемъ тайны. Она скроетъ твое преступленіе такъ же, какъ вода смываетъ пролитую кровь.

И затѣмъ, подавая ошеломленному Гарйну острый ножъ, почтенный старецъ прибавилъ:

— Иди!.. Утромъ я съ тобой увижусь... Ровъ, который выроешь для нее и засыплешь землей, сгладится благодаря бурѣ и днемъ ты самъ не найдешь этого мѣста.

Хуанъ, какъ безумный, схватилъ ножъ и бросился бѣжать между скалами въ свою пещеру. Рикильда безъ чувствъ лежала распростертой на каменномъ ложѣ монаха. Не говоря ни слова, Гарйнъ нанесъ ей смертельный ударъ въ ея бѣлую шею и, когда она умерла, понесъ ее и бросилъ въ небольшую яму, замѣченную имъ еще прежде недалеко отъ часовни. Тамъ онъ забросалъ ее камнями и засыпалъ землею. Его ужасная работа уже подходила къ концу, когда онъ услыхалъ насмѣшливый адскій смѣхъ... Передъ нимъ стояли пустынникъ и воинъ; они преобразились въ демоновъ и исчезли. Начало свѣтать, улеглась буря, между верхушками деревьевъ показалась утренняя звѣзда, заблистали мокрые утесы при первыхъ лучахъ солнца... Съ горькими слезами и съ отчаяніемъ

въ сердцѣ Гарйнъ склонился надъ могилой убитой имъ дѣвушки...

Далѣе хроника разсказываетъ, что Хуанъ отправился въ Римъ. Тамъ онъ бросился къ ногамъ папы, исповѣдался ему во всемъ и молилъ о прощеніи.

Святѣйшій папа нашелъ, что преступленіе столь велико, что и искупленіе должно быть тяжкое. Поэтому Хуанъ Гарйнъ по приказанію намѣстника св. Петра долженъ былъ вернуться обратно на Монтсерратъ на четверенькахъ, какъ животное; хранить вѣчное молчаніе, не смотрѣть на небо и питаться травами и все это до тѣхъ поръ, пока младенецъ пяти мѣсяцевъ не объявитъ ему, что онъ прощенъ небомъ.

Хуанъ Гарйнъ въ точности исполнилъ повелѣніе папы и вернулся на Монтсерратъ на четверенькахъ и тамъ продолжалъ звѣриную жизнь, питаясь травами. Одежды его постепенно распались въ лохмотья, обнаженное тѣло обросло волосами, и онъ потерялъ совершенно человѣческій образъ. Въ такомъ видѣ однажды нашли его охотники и, привязавъ его за шею на веревку, притащили во дворецъ Вифредо. Графъ послѣ таинственнаго исчезновенія своей дочери очень часто охотился на Монтсерратѣ, разыскивая слѣды своей милой Рикильды. Въ этотъ день Вифредо давалъ пиръ своимъ гостямъ и по просьбѣ послѣднихъ велѣлъ ввести пойманное животное въ залу. Графиня держала въ это время на рукахъ своего младенца сына. Всѣ молчали нѣсколько мгновеній при видѣ чудовища, походившаго на человѣка. Вдругъ сынъ графа, къ всеобщему удивленію, прервалъ молчаніе словами: «Встань, встань, Хуанъ Гарйнъ! Господь прощаетъ тебѣ твой грѣхъ»... Тогда

Гарйнъ выпрямился и затѣмъ, упавъ на колѣни передъ графомъ, открылся ему въ своемъ преступленіи.

Въ виду совершившагося чуда, Вифредо не могъ отказать въ прощеніи бывшему отшельнику и, взявъ его проводникомъ, отправился разыскивать могилу дочери.

Хроника еще говоритъ, что когда открыли могилу, то, къ еще большему удивленію, Рикильда предстала всѣмъ присутствующимъ жива и невредима. Только на шеѣ у нея остался красный слѣдъ отъ ножа.

Послѣ того Вифредо велѣлъ выстроить около часовни Монтсерратской Дѣвы монастырь, помѣстилъ здѣсь нѣсколько бенедиктинокъ изъ одного берселонскаго монастыря, назначилъ свою дочь его настоятельницей, а Гарйна управителемъ...

БЕРЕМУНДО РЫЖІЙ.

Послѣ смерти графа Сеніофредо, повелителя Каталоніи и Барселоны, престолъ долженъ былъ перейти къ его младшему брату Олива Кабрете. Прозвище «кабрете», что значитъ «козленокъ», было дано ему потому, что онъ хромалъ и страшно заикался, такъ что не могъ сказать одного слова, не издавъ цѣлый рядъ звуковъ, напоминающихъ блеяніе овцы. Бароны и разные другіе почетные люди считали Олива неспособнымъ къ правленію и прислали въ Барселону его двоюроднаго брата — Рамона Борреля, урхельскаго графа. Графъ Боррель впослѣдствіи прославилъ каталонское оружіе войною съ Альманзоромъ.

Не всѣ, однако, добровольно признали права новаго графа. Приверженцы Борреля, составлявшіе большинство, принадлежали къ числу наиболѣе благоразумныхъ патріотовъ, желавшихъ сильной власти, и опасались внутреннихъ безпорядковъ; къ нимъ примкнули и всѣ граждане. Но были и такіе сеньоры, которые объявили Борреля незаконнымъ, требовали возведенія на престолъ Олива и не явились въ Барселону къ торжественному дню избранія.

Мудрый и спокойный Боррель, занятый войною съ маврами, временно отложилъ вопросъ о подчиненіи и наказаніи мятежныхъ вассаловъ.

Въ числѣ недовольныхъ, не признававшихъ Борреля, былъ Беремундо Рыжій, незаконный сынъ графа Гильермо.

У Гильермо былъ еще другой сынъ, законный, Бернардо. Незадолго до смерти отца, этотъ Бернардо, достигнувъ совершеннолѣтія и выдержавъ воинское испытаніе, то есть показавъ, что онъ умѣетъ управлять конемъ и владѣть оружіемъ, оставилъ родительскій домъ и уѣхалъ на сѣверъ, отказавшись даже взять съ собою слугъ, какъ это подобало благородному рыцарю. Напрасно отецъ убѣждалъ его не уѣзжать, ссылаясь на свои преклонные годы; Бернардо остался непоколебимъ и хотя почтительно, но настойчиво упросилъ графа отпустить его.

Старый графъ не дѣлалъ внѣшняго различія между своими сыновьями. Имъ оказывался одинаковый почетъ и было дано одинаковое воспитаніе, но по мѣрѣ того, какъ они росли, все болѣе и болѣе обнаруживалась разница въ ихъ характерахъ и наружности.

— Беремундо,—говорилъ графу духовникъ,—рожденъ внѣ брака, т. е. въ преступленіи, и я боюсь, чтобы въ немъ не проявилось наказаніе Божіе за вашъ грѣхъ...

Бернардо былъ добрый и способный юноша. Его прекрасная наружность вполнѣ соотвѣтствовала его внутреннимъ качествамъ. Благородная душа отражалась въ кроткихъ чертахъ его лица.

Беремундо былъ золъ, завистливъ и неукротимо страстенъ. Его душа постоянно была напоена ненавистью. Онъ ненавидѣлъ своихъ учителей, своего отца, своего брата — всѣхъ и любилъ только свое

тѣло. Напрасно Гильермо старался его исправить увѣщаніями, а иногда наказаніями: они не вели ни къ чему. Старый графъ въ сокрушеніи сердца говаривалъ тогда, что въ его семьѣ живутъ рядомъ агнецъ и ядовитая змѣя и что только родство крови препятствуетъ ему изгнать Беремундо изъ-подъ родительскаго крова. Наружность его тоже соотвѣтствовала душѣ и съ годами стала еще болѣе отталкивающею. Узкій, всегда нахмуренный лобъ, огромный толстый носъ и рыжая всклокоченная борода придавали ему совершенно злодѣйскій видъ. Сложенъ онъ былъ крѣпко, но не стройно, и только одни большіе зеленые глаза благодаря своему блеску были бы хороши, если бы не страшный огонь, который горѣлъ въ глубинѣ ихъ и предвѣщалъ несчастье всякому, на кого падалъ ихъ взоръ.

Невыносимый характеръ Беремундо былъ одною изъ причинъ отъѣзда его брата. Бернардо не могъ выносить его злобы и жестокаго обращенія со слугами. То, что онъ видѣлъ съ раннихъ лѣтъ въ родномъ домѣ, поселило въ немъ негодованіе противъ всякой несправедливости и, рѣшивъ, что только тяжелыми испытаніями можно заслужить себѣ право быть господиномъ другихъ, онъ отправился на сѣверъ, давъ обѣтъ оказывать помощь и защиту всѣмъ слабымъ и угнетеннымъ.

Прошло пять лѣтъ, а о молодомъ странникѣ не приходило никакихъ извѣстій. Три раза огорченный графъ посылалъ самыхъ вѣрныхъ слугъ за Пиренеи, но они не только не принесли ему никакихъ вѣстей, но даже не вернулись изъ своего путешествія. Наконецъ, графъ, удрученный болѣзнями и горемъ,

умеръ, и Беремундо вступилъ въ управленіе всѣмъ Монтсерратомъ и Кольбатò.

Водворившись въ наслѣдственныхъ замкахъ, Беремундо уѣхалъ на нѣсколько времени воевать съ сарацинами. Въ его отсутствіе его вассалы дышали спокойно, но свое возвращеніе онъ ознаменовалъ цѣлымъ рядомъ несправедливостей и жестокостей. Окрестныя селенія изнывали отъ всякихъ поборовъ и оскорбленій. Беремундо любилъ деньги и въ особенности женщинъ. Если ему приходилось встрѣтить красивую дѣвушку, то онъ преспокойно ее увозилъ къ себѣ въ замокъ и по истеченіи семи дней возвращалъ ее къ родителямъ уже обезчещенной. Однажды у источника, расположеннаго близъ дороги въ Кольбатò, онъ увидалъ дѣвушку замѣчательной красоты. Безъ долгихъ разговоровъ онъ схватилъ ее къ себѣ на сѣдло и увезъ, несмотря на слезы и крики. Дѣвушка была дочь старшины; напрасно возмутившійся народъ требовалъ ея возвращенія. Онъ поступилъ съ ней такъ же, какъ и съ предыдущими, и еще жаловался, что взялъ себѣ жену безъ приданаго. Чтобъ возмѣстить свои потери, какъ онъ говорилъ, онъ приставилъ къ общественному источнику, у котораго встрѣтился съ дѣвушкой, двухъ часовыхъ и приказалъ имъ взимать извѣстную плату съ каждаго, кто зачерпнетъ изъ него воды. Собираемыя такимъ образомъ деньги онъ называлъ приданымъ.

Между тѣмъ, одинъ странствующій монахъ умеръ отъ жажды около источника, не имѣя чѣмъ заплатить за воду. Тогда источникъ вдругъ изсякъ и единовременно открылся новый—около часовни св. Дѣвы; народъ прозвалъ его «чудеснымъ».

Беремундо, однако, не обратилъ вниманія на это предостереженіе Божіе, а все болѣе и болѣе погрязалъ въ преступленіяхъ. Черезъ годъ, послѣ его возвращенія изъ похода на сарациновъ, въ окрестностяхъ Монтсеррата появилась шайка разбойниковъ. Эта шайка скоро стала истиннымъ бичомъ населенія. Когда наступалъ вечеръ, всѣ одинокіе и невооруженные, а въ особенности прекрасныя дѣвушки спѣшили скорѣе вернуться въ свои дома и хижины, чтобы не встрѣтиться въ глухомъ мѣстѣ съ кѣмъ-нибудь изъ безпощадныхъ бандитовъ. Пастухи передавали, что эти разбойники свили себѣ гнѣздо въ старомъ замкѣ, находившемся въ одномъ изъ самыхъ неприступныхъ мѣстъ Монтсеррата, а одинъ охотникъ видѣлъ ночью красный свѣтъ, падавшій изъ оконъ этого замка, и слышалъ грубыя ругательства и проклятія пьяныхъ голосовъ...

Мало-по-малу въ населеніи сталъ распространяться слухъ, что во главѣ шайки грабителей стоитъ самъ «кастильано», т. е. владѣлецъ замка, тѣмъ болѣе, что онъ не предпринималъ никакихъ мѣръ противъ разбоя. Такъ это и было на самомъ дѣлѣ. Развратный и неукротимый графъ набралъ себѣ стражу изъ отъявленныхъ негодяевъ, не имѣвшихъ въ душѣ ни совѣсти, ни Бога; тутъ были и бѣглые убійцы, и клейменые рабы, принятые имъ подъ покровительство, и ренегаты-сарацины, съ которыми онъ дѣлилъ награбленную добычу.

...Была сумрачная зимняя ночь. Холодный, пронизывающій вѣтеръ завывалъ въ ущельяхъ Монт-

серрата. Небо было покрыто тучами, и мелкій холодный дождь кропилъ землю. Все, казалось, было уже погружено въ сонъ, кромѣ грознаго замка. Сквозь холщевыя окна второго этажа вырывались колеблющіеся красные снопы свѣта отъ нѣсколькихъ факеловъ, которыми была озарена большая зала. Въ огромномъ каминѣ, украшенномъ сверху щитами и копьями, горѣло цѣлое дерево, распространяя кругомъ себя жаръ и трескъ горящихъ сучьевъ

За большимъ дубовымъ столомъ сидѣлъ самъ Беремундо, окруженный своими лейтенантами и воинами. Слуги разносили жареную дичь; въ кубки и чаши лилось старое вино. Пиръ былъ въ полномъ разгарѣ. Грубый хохотъ и непристойныя рѣчи и пѣсни, распѣваемыя подъ звуки струнъ, оглашали стѣны замка и этимъ звукамъ какъ бы вторило завываніе бури. Сподвижники Беремундо имѣли видъ, далеко не внушавшій довѣрія, въ своихъ заплатанныхъ кожаныхъ кафтанахъ, на которыхъ выступали неотмытыя пятна пролитой крови. На поясахъ ихъ висѣли большіе кинжалы и мечи, а черезъ плечи были переброшены цѣпи для подвѣшиванія арбалетовъ, которые тутъ же были прислонены къ стѣнѣ. Кругомъ, въ безпорядкѣ, валялись желѣзныя каски. Самъ графъ имѣлъ видъ, достойный вождя этихъ разбойниковъ. Густая рыжая борода и косматые волосы представляли странный контрастъ съ малиновымъ цвѣтомъ его кафтана, украшеннаго драгоцѣнною цѣпью. Глаза, и безъ того мрачные, теперь отъ выпитаго вина свѣтились зловѣщимъ огнемъ.

Уже неоднократно онъ осушалъ кубокъ за здоровье своихъ подчиненныхъ, какъ вдругъ налетѣлъ

порывъ бури, выдувая искры и клубы дыма изъ камина, и вѣтеръ громко и дико завылъ въ трубѣ.

— Клянусь сатаною,—воскликнулъ графъ, — никогда не было такой подходящей погоды для нашего пира! Пусть шумитъ буря и да процвѣтаютъ страсти, вино и женщины!..

— Пусть себѣ шумитъ,—повторили гости, выпивъ свое вино.—И да погибнетъ самозванецъ Боррель!..

— Я слышалъ, что у него красивая дочь... Пусть задушитъ меня демонъ своими лапами, если я не украду ее въ одинъ прекрасный день...

Подумавъ нѣсколько времени надъ вновь налитой чашей, графъ сказалъ:

— Если мы побѣдимъ Рамона Борреля, я отдамъ вамъ весь его лагерь... Мало того: я еще отдамъ добычу цѣлаго мѣсяца тому, кто мнѣ приведетъ изъ-за горъ бѣлокурую красавицу, которую я видѣлъ сегодня во снѣ...

Всѣ расхохотались странному предложенію графа, но въ это время вошелъ черный слуга и доложилъ, что часовой на стѣнѣ услыхалъ стукъ въ ворота и что двое странниковъ просятся въ замокъ.

— Это навѣрно монахи, которые никакъ не могутъ добрести до своего монастыря... Сегодня день прощенія... Покажемъ имъ милость. Впустить и накормить!..

Прошло нѣсколько минутъ, затѣмъ раздался звонъ шпоръ и въ открытой двери залы показался высокій и стройный мужчина съ черной бородой... По его одеждѣ, хотя и измокшей подъ дождемъ, и по его благородному виду можно было признать въ немъ

господина высокаго происхожденія. За нимъ скрывалась въ тѣни другая фигура, поменьше ростомъ.

— Кто ты,—спросилъ Беремундо;—какъ зовутъ тебя и твоего странника, чтобы я зналъ, кого я принимаю въ своемъ замкѣ, унаслѣдованномъ нами послѣ смерти Гильермо Монтсерратскаго?

— Беремундо!—воскликнулъ тогда вошедшій, бросившись съ открытыми объятіями къ столу,—это я, твой братъ—Бернардо...

Нѣсколько мгновеній Беремундо ничего не могъ отвѣтить, пораженный удивленіемъ.

Потомъ, холодно обнявъ брата и стараясь придать своему злому лицу ласковое выраженіе, онъ сказалъ:

— Ты такъ долго пропадалъ безъ вѣсти, что я уже сталъ считать тебя мертвымъ... Хорошо, что я не люблю монаховъ, а то бы мнѣ пришлось разориться на заупокойныя обѣдни...

— Любезный братъ, я сначала дрался подъ знаменами французскаго короля, а потомъ, когда меня посвятили въ рыцари, я долго странствовалъ, всюду соблюдая данный мною обѣтъ поднимать оружіе только за правое дѣло, на защиту слабыхъ и угнетенныхъ...

— Ну, объ этомъ ты мнѣ разскажешь завтра... Представляю тебѣ моихъ товарищей... Это все храбрецы и такіе же охотники, какъ я... Ты пріѣхалъ какъ нельзя кстати... Позови же сюда своего спутника... Что онъ тамъ прячется въ тѣни и дрожитъ, точно женщина.

— Ты не ошибся, Беремундо!.. Это — женщина и эта женщина—моя супруга... Не бойся, Берта!.. Подойди къ столу и подай руку моему брату...

Берта вышла изъ тѣни и приблизилась къ столу, бросая испуганные взоры на пьяныхъ товарищей Беремундо, смотрѣвшихъ на нее въ свою очередь съ наглымъ любопытствомъ. Бернардо снялъ съ нея намокшій плащъ, и Беремундо невольно воскликнулъ отъ восхищенія.

Густые бѣлокурые волосы обрамляли прелестное лицо, слегка загорѣлое отъ дальняго пути; нѣжный румянецъ, подобно утренней зарѣ на чистомъ небѣ, игралъ на ея щекахъ, а въ большихъ голубыхъ глазахъ свѣтились доброта и нѣжность.

— Клянусь моей жизнью! Вы не даромъ проѣхались за Пиренеи, любезный братъ! Не даромъ, какъ вы выражаетесь, вы защищали угнетенную невинность... Да, вы всегда были умнѣе меня... Что значатъ мои побѣды надъ маврами, дорогіе брони, клинки, золото, отнятые у враговъ, въ сравненіи съ графиней Бертой?.. Это дѣйствительно драгоцѣнная добыча! Изъ-за нея стоило съѣздить на сѣверъ. Удивляюсь, что по дорогѣ никто у васъ ее не отнялъ...

— Напротивъ того, во всѣхъ замкахъ Франціи я находилъ ласковый пріемъ и покровительство, а въ глухихъ мѣстахъ я и мой вѣрный конюшій не разъ счастливо отбивались отъ злодѣевъ благодаря покровительству св. Георгія...

— Ну, хорошо... Привѣтствую тебя въ замкѣ нашихъ предковъ! Ты, вѣроятно, голоденъ и усталъ?

Затѣмъ Беремундо усадилъ брата и его жену рядомъ съ собою. Ужинъ окончился скоро и молчаливо. Берта почти ничего не ѣла, чувствуя на себѣ тяжелые взгляды странныхъ людей, въ общество которыхъ она попала. Затѣмъ Беремундо приказалъ

проводить вновь прибывшихъ въ назначенные имъ покои.

Бернардо и Берта удалились; черный слуга съ лампой пошелъ впередъ и, пройдя цѣлый рядъ коридоровъ, они спустились по круглой лѣстницѣ въ обширную комнату; повѣсивъ на крючокъ желѣзную лампу и указавъ на два изготовленныхъ ложа, негръ молча поклонился и ушелъ. Въ тѣни подъ высокими потолками носились беззвучно летучія мыши, вѣтеръ шумѣлъ въ бойницахъ. Въ одномъ изъ концовъ залы было сложено всякаго рода оружіе: шлемы, щиты разныхъ формъ, кольчуги, охотничьи ножи, арбалеты, копья. Колеблющійся свѣтъ лампады скользилъ по нимъ и въ темнотѣ блисталъ то одинъ, то другой предметъ. Отъ вѣтра, врывавшагося въ плохо припертыя двери, все это вооруженіе издавало зловѣщій гулъ.

— Что это за комната?—спросила Берта, со страхомъ озираясь и прижимаясь къ своему мужу.

— Не помню, — отвѣтилъ Бернардо, снимая свой мечъ.

— Мнѣ страшно,—сказала Берта.—О, зачѣмъ ты оставилъ нашего вѣрнаго слугу въ селеніи?..

— Онъ хотѣлъ повидаться со своей семьей...

— О, зачѣмъ его здѣсь нѣтъ съ нами? Онъ никогда не покидалъ насъ въ дорогѣ... Мнѣ страшно, Бернардо!

— Глупая! Чего ты боишься? Развѣ ты здѣсь не въ нашихъ владѣніяхъ?.. Развѣ мы не находимся подъ защитой моего брата?...

— Нѣтъ, Бернардо! Это не братъ тебѣ! Вчера я видѣла во снѣ лютаго звѣря, который бросился на

тебя... Глаза его горѣли страшной злобой, и эти глаза были такіе же, какъ у Беремундо... А его друзья-охотники? Они ужасны! Мнѣ страшно, Бернардо! Кто это?!..

— Успокойся, моя милая! Буря и утомленіе разстраиваютъ тебя... Никого нѣтъ здѣсь... Только вѣтеръ играетъ желѣзомъ и мѣдью.

Бернардо уложилъ спать трепещущую Берту и, нѣжно поцѣловавъ ее, потушилъ лампаду...

Въ комнатѣ воцарилась почти непроницаемая тьма, изъ которой попрежнему доносилось зловѣщее бряцаніе оружія и вой вѣтра, носившагося по коридорамъ замка. Долго Берта глядѣла въ эту таинственную тьму, и ей казалось по временамъ, что въ этой тьмѣ появлялись фигуры еще болѣе черныя и исчезали; наконецъ, усталость и вино, выпитое по настоянію Беремундо, побѣдили страхъ, и она заснула...

Холодъ и странный свѣтъ пробудили ее уже на крутой и сырой лѣстницѣ... Двое здоровыхъ и полунагихъ раба несли ее на своихъ мускулистыхъ рукахъ, предшествуемые чернымъ слугой.

Красный огонь лампады освѣщалъ небольшое пространство впереди, оставляя позади тьму, и казалось, что эта тьма, какъ земля могилы, навсегда закрывала обратный выходъ. Сонъ былъ до того ужасенъ, что Берта очнулась уже второй разъ въ сыромъ и темномъ подземельи. Она лежала на деревянной скамьѣ, а передъ ней, скрестивъ руки, стоялъ черный слуга.

— Гдѣ я?—спросила Берта, вскочивъ.

— Мой господинъ, графъ Монтсеррата и Кольбато, приказалъ спросить—желаетъ ли Берта, дочь Сѣвера,

удостоиться высокой чести и принять его руку и сердце?

— Странныя слова говоришь ты, низкій рабъ! Развѣ не знаетъ твой господинъ, что я уже замужемъ?..

— У Берты, дочери Сѣвера, больше нѣтъ мужа...

Вопль отчаянія вырвался изъ груди Берты. Она поблѣднѣла какъ смерть и склонила голову на изголовье скамьи.

— Берта останется здѣсь до тѣхъ поръ, пока не согласится связать свою судьбу съ судьбою моего повелителя. Съ помощью этой веревки ей будетъ спускаться сверху пища и питье и каждый день будутъ ее спрашивать—согласна ли она отдать свою любовь Беремундо, благородному и могущественному владѣльцу этихъ мѣстъ.

И, сказавъ эти слова, негръ удалился, оставивъ несчастную женщину наединѣ съ ея горемъ.

Твердый духъ и преданность пробудились въ сердцѣ дочери Сѣвера. Она видѣла, что счастье для нея окончилось, и, рѣшившись погибнуть, молила Бога только о томъ, чтобы Онъ далъ ей возможность плакать и слезами смягчить свое горе.

Каждый день веревка, спускавшаяся сверху, колебалась и одинъ и тотъ же голосъ спрашивалъ:

— Берта, рѣшилась ли ты полюбить Беремундо, благороднаго повелителя Монтсеррата?...

Каждый день трижды повторялся этотъ вопросъ и, оставаясь безъ отвѣта, голосъ умолкалъ.

Съ каждымъ днемъ Беремундо становился все сумрачнѣе и сумрачнѣе. Лицо его пожелтѣло, глаза ввалились и то сверкали, какъ у волка, то туманились подобно ущельямъ Монтсеррата. Свирѣпая любовь кипѣла въ его сердцѣ. Но еще другая бѣда грозила страшному графу.

На седьмой день послѣ роковой ночи, когда онъ, поправъ священнѣйшіе законы гостепріимства и кровныя узы, связывавшія его съ Бернардо, приказалъ умертвить его,—на седьмой день протяжный звукъ военной трубы раздался у воротъ его замка. Выглянувъ въ окно, Беремундо увидалъ нѣсколько всадниковъ, одѣтыхъ въ богатыя мантіи; на шлемахъ ихъ развѣвались черныя перья, а по вышитымъ на груди ихъ золотымъ львамъ Беремундо узналъ пословъ Рамона Борреля. Приказавъ открыть ворота, Беремундо одѣлъ самый пышный кафтанъ и, окруженный своими лейтенантами и пажами, надменно встрѣтилъ пословъ на крыльцѣ замка.

— Беремундо,—сказалъ старѣйшій изъ нихъ,—нашъ могущественный повелитель, графъ Рамонъ I, признанный сеньорами и гражданами государемъ Барселоны и всей Каталоніи, да продлитъ Господь его лѣта, обвиняетъ тебя въ неоказаніи ему должнаго почтенія (bausia mayor). Посему приказываетъ тебѣ не позже, какъ черезъ три дня, явиться въ Барселону съ изъявленіемъ покорности и съ ключами отъ твоихъ замковъ.

Беремундо засмѣялся и сказалъ съ ироніей:

— Три дня! Вашъ графъ даетъ мнѣ слишкомъ много времени, чтобы изготовиться къ оборонѣ!

— Кромѣ того,—продолжалъ старшій изъ послан-

ныхъ Борреля, не обращая вниманія на выходку Беремундо,—кромѣ того, государь обвиняетъ тебя въ жестокомъ обращеніи съ земледѣльцами... На тебя жалуются, что ты потворствуешь разбою въ окрестностяхъ Монтсеррата... Ты обвиняешься въ нарушеніи основныхъ законовъ страны и правилъ чести, а посему государь приказываетъ тебѣ явиться безъ свиты и безъ оружія и доказать передъ судомъ свою невинность и свои права, такъ какъ, по слухамъ, твой братъ, Бернардо, вернулся въ Кольбатò, хотя его и не могутъ найти до сихъ поръ...

— Скажите вашему графу,—воскликнулъ Беремундо, съ бѣшенствомъ вскочивъ съ своего мѣста,—что онъ никогда меня не дождется въ Барселонѣ!.. Скорѣе Монтсерратъ треснетъ еще разъ, чѣмъ ему удастся овладѣть моимъ замкомъ... Уходите же скорѣе! Иначе я не поручусь, что вы черезъ минуту не будете висѣть на зубцахъ этой стѣны... Вотъ мое послѣднее слово...

Послы удалились, и черезъ нѣсколько дней послѣ этого разнесся слухъ, что Рамонъ Боррель собираетъ войско съ цѣлью двинуться на непокорныхъ бароновъ, и что въ числѣ первыхъ будетъ наказанъ Беремундо Рыжій.

Беремундо усилилъ свои гарнизоны и укрѣпился.

Вскорѣ затѣмъ прискакалъ вѣстникъ съ донесеніемъ, что Рамонъ дѣйствительно двигается съ большимъ отрядомъ испытанныхъ воиновъ и что въ обозѣ везутъ осадныя машины: требюше для метанія камней, длинные арбалеты на колесахъ и большіе деревянные щиты для прикрытія лучниковъ. Съ своей стороны, Беремундо рѣшилъ отчаянно защищаться

противъ ненавистнаго Рамона и, чтобы узаконить свой мятежъ, велѣлъ вывѣсить на донжонѣ (главной башнѣ) знамя съ именемъ и гербомъ Олива Кабрете.

Когда отрядъ Борреля былъ въ одномъ переходѣ отъ замка, Беремундо призвалъ негра и спросилъ:

— Ну, что эта женщина?

— Молчитъ по-прежнему...

— Ступай и повтори ей послѣдній разъ мое предложеніе и скажи ей, что это въ послѣдній разъ.

Слуга поклонился и черезъ нѣсколько времени принесъ опять отрицательный отвѣтъ. Лицо Беремундо стало еще страшнѣе. Помолчавъ нѣсколько времени, онъ сказалъ:

— Ты видишь вонъ эту скалу... Она виситъ надъ рѣкою и Льобрегатъ подъ нею болѣе глубокъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ... Я буду стоять у этого окна и увижу все... Поспѣши же!.. Во время войны дѣти и женщины лишняя обуза... Ступай!

Черный слуга немедля отправился къ Бертѣ, которая лежала на скамьѣ, изнуренная страданіями и горемъ, поднялъ ее своими сильными руками и снесъ ее на край скалы. Здѣсь она лежала нѣсколько мгновеній, ничего не понимая, ослѣпленная свѣтомъ дня, падавшаго не нее съ голубого неба, пока негръ привязывалъ къ ея поясу тяжелый камень. Вѣтеръ игралъ ея бѣлокурыми волосами... Беремундо стоялъ у стрѣльчатаго окна своей донжоны и смотрѣлъ своими острыми зелеными глазами на скалу. Вдругъ раздался протяжный женскій крикъ, и вмѣстѣ съ нимъ вопль ужаса и бѣшенства. Черный слуга зацѣпился въ ве-

ревкѣ и полетѣлъ въ пропасть вмѣстѣ съ своей жертвой...

Высоко всплеснула вода въ рѣкѣ и все исчезло.

— Однимъ свидѣтелемъ меньше,—глухо сказалъ Беремундо;—тебѣ легко было это сдѣлать, черный дьяволъ! Жаль, что ты не утопилъ вмѣстѣ съ нею мое сердце...

Въ ночь послѣ этого преступленія Беремундо потушилъ огонь въ своей спальнѣ и собирался заснуть; вдругъ тихо и глухо зазвенѣлъ его большой щитъ, комната наполнилась таинственнымъ полусвѣтомъ и передъ удивленнымъ графомъ явилась бѣлая фигура женщины, съ неподвижно устремленными на него глазами. Это была Берта. Съ большимъ трудомъ вскочилъ Беремундо съ своего ложа. Видѣніе исчезло, но лишь только онъ легъ опять и закрылъ глаза, какъ почувствовалъ, что чьи-то холодныя руки его будятъ. Онъ вновь открылъ глаза: передъ нимъ въ лучахъ неизвѣстно откуда падающаго свѣта опять стояла Берта и смотрѣла на него. Въ ужасѣ Беремундо крикнулъ слугъ, велѣлъ зажечь огни и при свѣтѣ ихъ провелъ безсонную ночь.

На разсвѣтѣ, чтобы возбудить мужество въ своихъ воинахъ, въ ожиданіи скорой битвы, Беремундо объявилъ имъ, что сегодня ночью онъ задастъ имъ такой пиръ, какого они никогда не видали... Сподвижники Беремундо отвѣчали на это возгласами дикаго восторга.

Беремундо Рыжій сдержалъ свое слово. Онъ приказалъ своимъ слугамъ нарядиться въ самыя дорогія платья, засвѣтить множество факеловъ и лампъ въ

залѣ пиршества, чтобы не оставалось въ ней ни одной щели неосвѣщенной, выставить на столъ самое старое вино изъ погребовъ и всю награбленную имъ драгоцѣнную посуду. Лучшіе музыканты играли на бандурахъ и на арфахъ и пѣли пѣсни. Разбойники, а во главѣ ихъ Беремундо, пили до бѣшенства, оглашая воздухъ грязными восклицаніями и богохульствомъ. Прошла ночь и первые лучи зари окрасили небо въ цвѣтъ опала. Въ залѣ стало душно отъ чада и отъ винныхъ испареній и графъ приказалъ открыть окно, и только что открыли окно, какъ вмѣстѣ со свѣжей волной воздуха раздались отдаленные удары монастырскихъ колоколовъ. Это были звуки печальные, но ясные и чистые, какъ горный воздухъ. Голосъ колокола присоединился къ пьянымъ голосамъ разбойниковъ, раздаваясь среди нихъ, какъ голосъ Бога въ аду. Невольно всѣ остановились, прислушиваясь къ нему, бурное веселье прервалось, печаль повѣяла своими крыльями на эти зачерствѣлыя и буйныя сердца.

— Эй,—крикнулъ Беремундо, ударивъ своимъ могучимъ кулакомъ по столу,—вина сюда еще, побольше вина! И пѣсенъ, громкихъ пѣсенъ и побольше пѣсенъ!

И вновь полилось вино и вновь раздались изъ охрипшаго горла пѣвцовъ непристойныя пѣсни. Окно было закрыто и въ залу только едва доносились заглушенные звуки колокола и, наконецъ, замолкли. Но вотъ распахнуло вѣтромъ ставни въ стрѣльчатомъ окнѣ и вновь зала наполнилась звуками; на этотъ разъ это былъ погребальный звонъ; въ монастырѣ, очевидно, молились за упокой души кого-нибудь...

— Звонятъ о мертвецахъ, воскликнулъ Беремундо хриплымъ голосомъ, измѣнившись въ лицѣ,—такъ выпьемъ же за мертвеца!

И онъ поднесъ къ устамъ дрожавшей рукой кубокъ и зубы его застучали о его края...

Всѣ выпили, но никто не повторилъ тоста, а чей-то голосъ сказалъ: «Вчера волны Льобрегата выкинули на берегъ трупъ бѣлокурой красавицы»...

Лицо Беремундо перекосилось, глаза изступленно засверкали и, вскочивъ съ своего мѣста, онъ протяжно крикнулъ, какъ бы прислушиваясь къ отдаленнымъ звукамъ: «Бер-та! Бер-нар-до!!» И колокола, казалось, зазвонили ему въ тактъ, какъ будто стараясь выговорить только-что произнесенныя имена.

Тогда, зажавъ себѣ уши и страшно изогнувшись, Беремундо опять крикнулъ: «Берта! Бернардо!», и опять колокола, но уже отчетливѣе, повторили имена его жертвъ. Волосы стали дыбомъ на головѣ злодѣя, глаза, казалось, хотѣли выскочить изъ орбитъ. Разбойники шарахнулись въ стороны при ужасномъ видѣ своего господина. Схвативъ огромный кубокъ и проливая дрожащей рукой вино на полъ, Беремундо бросился бѣжать вонъ изъ замка. Онъ бѣжалъ безъ оглядки, неизвѣстно куда, съ невѣроятной быстротой и силой взбираясь на скалы по отвѣснымъ почти тропинкамъ, потомъ сбѣгая по нимъ внизъ, и всюду неумолимо преслѣдуемый мѣднымъ голосомъ колоколовъ. Такъ бѣжалъ онъ часа два, пока, наконецъ, не очутился передъ воротами стариннаго замка. Онъ не узналъ его, хотя это былъ его собственный замокъ. Вбѣжавъ въ ворота, онъ поднялся по лѣстницѣ внутрь дома, оттуда—на крыльцо, съ крыльца спустился въ

садъ и, углубившись въ него, набрелъ на небольшую часовню, въ которой теплилась лампада передъ распятіемъ Христа. Но и здѣсь, въ этой тихой обители, неумолчно выбивалъ колоколъ имена брата и его жены, раздирая душу и сердце обезумѣвшаго Беремундо. Въ отчаяніи упалъ онъ на могилу своего отца и прижалъ пылающій и окровавленный лобъ къ холодной плитѣ... Но и оттуда, изъ-подъ плиты глухой могильный голосъ повторялъ все тѣ же слова: «Берта! Бернардо!»

— Графъ! Вставайте! Воины ждутъ васъ. Въ смятеніи, они не знаютъ, что дѣлать... Слышите ли звуки трубъ? Это Рамонъ Боррель подступилъ къ замку...

— Вставайте, графъ, придите въ себя! Солдаты Рамона пускаютъ въ насъ тучи стрѣлъ и камней!.. Спѣшите скорѣе на стѣны!..

— Господинъ! Спѣшите или будетъ поздно!.. Воины Рамона уже тащутъ лѣстницы для приступа и впереди несутъ освященную хоругвь съ золотымъ львомъ!.. Надѣвайте доспѣхи! Пусть раздастся вашъ боевой кличъ!

Тогда Беремундо Рыжій очнулся. Онъ окинулъ померкшимъ взоромъ своихъ лейтенантовъ, но вмѣсто брони приказалъ принести поскорѣе грубое монашеское платье. Ничего не понимая, воины подали ему рясу капеллана, думая, что онъ все еще находится въ состояніи умопомѣшательства, въ которомъ неожиданно бѣжалъ изъ залы пиршества. Надѣвъ рясу и храня суровое и величественное молчаніе, онъ прошелъ черезъ ряды своихъ мрачныхъ сподвижниковъ на наружный дворъ и приказалъ открывать ворота.

Немедленно ворота были заняты воинами Борреля и самъ графъ со свитой въѣхалъ верхомъ въ крѣпость. Смиренно опустившись передъ нимъ на колѣно, Беремундо объявилъ, что добровольно сдаетъ замокъ, что глубоко раскаивается въ своихъ тяжкихъ грѣхахъ и проситъ, какъ милости, позволенія принять монашество и удалиться отъ міра.

— Проси у Бога милости, но не у меня,—отвѣчалъ Боррель,—я не могу простить такого злодѣя, какъ ты... Готовься, готовься, графъ Беремундо!.. До заката солнца тебѣ отрубятъ голову...

Замокъ въ горахъ по повелѣнію Рамона былъ разрушенъ.

Балагеръ разсказываетъ конецъ легенды иначе. Романъ I пощадилъ жизнь Беремундо, и послѣдній окончилъ свою жизнь отшельникомъ, скрываясь отъ людскихъ взоровъ въ одномъ изъ подземелій разрушеннаго замка, которое впослѣдствіи получило названіе — «cueva del Castellano», т.-е. «пещера владѣльца замка»...

1893 г.

